

К. Густавсон

Иророн монор нэгдүгн

Иророн Мон

Подозреваете делового партнёра в нечестности, изменяет супруга, пропал ребёнок? Обратитесь в частное агентство «След» и ваша проблема растает, как прошлогодний снег. Эти детективы берутся даже за дело о порченных кожах. И, естественно, находят злоумышленника. Разве кто-то может противостоять слаженной работе следователя, эксперта-криминалиста, теурга и настоящего альва? А услуги этих блестящих специалистов стоят совсем недорого. Пока они работают, вы можете спать спокойно! Конечно, от работы их могут отвлечь личные проблемы. Но это можно и простить. Даже махровый профессионал способен влюбляться.

Катерина Снежинская

ДЕЛО № 1. ТРОЛЛИ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Глава первая

Сначала ты работаешь на зачетку, а потом нигде.

Стоя у тёмного неряшливого дома и пытаясь сгрести в кучу остатки храбрости, Каро горячо надеялась: агентство «След» привлекает новых клиентов несомненным профессионализмом своих сотрудников, а не показной роскошью. Так как от здания ни то что роскошью — достатком не веяло.

Как раз в таких вот четырёхэтажных коробках, сложенных из потемневшего от времени и влаги кирпича, обычно и снимают офисы врачи с почти настоящими дипломами; адвокаты, обещающих засудить даже королеву, но сталкивающихся с непреодолимыми трудностями сразу после получения аванса и агенты недвижимости, продающие роскошные особняки, по чистому недоразумению построенные в кварталах крысуюков^[1].

Оказывается, частные детективы тоже не брезговали дешёвой арендой.

Каро сухо сплотнула и нервно одёрнула жакет. Здоровый скепсис волнению не мешал и потные ладошки, холодные и мокрые, как жабы шкурки, от язвительности суше не становились. Этот «След», каким бы непрезентабельным он ни оказался, для госпожи Курой был последним шансом устроиться на работу. Если и здесь откажут, то ей смело можно начинать карьеру горничной. Правда, без рекомендаций и служанок нанимали не слишком охотно.

Входная дверь открывалась туго, будто внутрь пускать не хотела. Наверное, стыдилось холла — отвратительного, грязного и неудобного. На доске со списком арендаторов информация явно не менялась уже несколько лет. Некоторые таблички выцвели настолько, что и букв не разобрать. Естественно, никакого упоминания о детективах среди объявлений не нашлось.

Пришлось искать контору самой, плутая по тёмным коридорам и узким лестницам без единого окна. Поднимаясь на четвёртый — последний — этаж, Каро меньше всего ожидала найти хоть какое-то агентство. Скорее уж собачий питомник, потому что даже стены тут воняли мокрой псиной и плесенью.

Каким бы странным это не казалось, её будущие работодатели снимали самые дешёвые комнаты. Зато стоимость таблички на двери ровнялась, наверное, полугодовой арендной плате за всё помещение. Но выглядело это стильно. Чёрный мраморный прямоугольник, с вырезанными и вызолоченными золотыми буквами: «След» — и больше ничего.

Каро постучала и, не дождавшись ответа, вошла. Приёмная, декорированная креслами, сташенными, кажется, из прогоревшего театра, и дешёвыми картинками с видами Элизия, встретила её пустотой. И что делать дальше, госпожа Курой понятия не имела. В письме было синим по белому указано: «Вас будут ожидать в одиннадцать утра в приёмной». Часы утверждали, будто двенадцатый час только начался. Но нового специалиста встречать никто не спешил.

Пока теург раздумывала, что будет солиднее: постучать или просто кашлянуть, обозначая своё присутствие, девушку едва по стене не размазало. Дверь в общий коридор, находившаяся за её спиной, распахнулась — Каро едва отскочить успела. Прыжок вышел не слишком изящным и начисто лишённым достоинства. Зато цела осталась.

Влетевший парень притормозил на пороге и устоялся на посетительницу, как на

неведомое чудо. Ему даже в голову не пришло извиниться! Хотя извинений ждать и не приходилось. По глубокому убеждению госпожи Курой, жизненное кредо таких вот блондинов сводилось к: «Привет детка! Смотри, какой я крутой! Ты тоже ничего, поэтому пошли в койку».

Хотя, что и говорить, экземпляр производил впечатление. Здоровый, как шкаф, выше Каро головы на две, а плечищи его девушка и обеими руками бы не обхватила, но совсем немассивный. Ну а личико типажа «я хороший парень» в купе с зелёными глазками гарантировали любой женской особи глубокий восторженный обморок.

Вошедший тарасился на посетительницу, а госпожа Курой в ответ усиленно пыталась намекнуть взглядом, насколько он неправ. Ну, или хотя бы испепелить наглеца на месте. Но блондин её мимику расшифровывать даже и не пытался. Он откровенно... приняховался. И только тут приметливая госпожа Курой обратила внимание на заострённые и нервно подрагивающие кончики ушей. А ещё на зрачки, пульсирующие, как у наркомана.

Каро от всего сердца пожалела оборотню отправиться к Седьмому. Говорили же, будто он таких милашек особенно любит.

Налюбовавшись вдоволь, парень решил-таки проявить вежливость.

— Добрый день, госпожа. Детективное агентство «След» к вашим услугам, — перевёртыш выдал улыбку калибра «Моё обаяние бьёт наповал!». — Но хочу предупредить сразу, расценки у нас довольно высокие. Поэтому предлагаю личную консультацию. У нас сейчас действует акция: первое обращение — бесплатно.

Девушка только хмыкнула в ответ. Суть подобных консультаций ей, пусть и теоретически, была известна. Как правило, после таких «бесед» живот почему-то начинал стремительно увеличиваться в объёмах, а вся жизнь летела в Подземье.

Но своё мнение Каро оставила при себе и попыталась с достоинством извлечь из сумочки письмо. Естественно, ничего достойного у неё не получилось. Типично женские вещички объявили госпоже Курой непримиримую войну ещё когда она пешком под стол ходила. Казалось бы, что такое ридикюль? Мешочек на ленточке! Но в его внутренностях подло скрывалось параллельное пространство. Девушке потребовалась целая минута, чтобы нащупать довольно большой конверт.

— Мне нужен господин Росс. Я пришла по вопросу свободной вакансии в вашем агентстве, — холодно сообщила Каро.

Точнее, она хотела это сказать холодно, но с достоинством. И, кажется, перестаралась не только с холодностью, превратившейся в откровенную надменность, но и со сложностью фразы. По вопросам обычно никто не ходит, а свободная вакансия — масло масляное.

Правда, оборотень на её речь вообще никакого внимания не обратил.

— Ал! — заорал он так, что даже пыльное стекло, стыдливо прикрывающее типографскую картинку на стене, дрогнуло. — Ты, наконец, решил раскошелиться на секретаршу?

При этом хам от посетительницы глаз не отводил. Каро, конечно, могла себе и польстить. Но, кажется, именно такой взгляд называю раздевающим. Пришлось девушке гордо отвернуться самой. Тем более что одна из дверей, ведущих из приёмной только Седьмой знает куда, открылась. И на пороге появился самый настоящий альв^[2].

О том, что в этой забытой Небом дыре очутился именно лорд, а не человек, им притворяющийся, свидетельствовал даже не безупречно сидящий сюртук из явно дорогой ткани. И не шёлковый галстук, заколотый булавкой, даже в полумраке подмигивающий

рубиновым глазком. И даже не тонкие, идеально правильные черты. Само выражение лица, поза, взгляд могли принадлежать только чистокровному альву.

Нет, он не казался ни презрительным, ни надменным. Скорее, даже приветливо-заинтересованным. Просто глядя на него, сразу становилось понятно, что это существо рождено быть выше всех. Вот так вот просто: всегда выше, всегда в недостижимости. Безупречный, идеальный, непревзойдённый и не превосходимый.

Проблема заключалась в том, что Каро это племя ненавидела. И причин для ненависти у неё имелось больше, чем у всех жителей Восточных островов вместе взятых. В этом чувстве не было ни грамма истерики из разряда: «они уничтожили мой дом и убили мою семью — убью их всех!». Её ненависть густо разбавлял страх. Однажды укушенный собакой, всю жизнь боится даже самого мелкого и добродушного пса.

Пока девушка пыталась разгрести собственные эмоции, лорд вежливо поклонился, сложив ладони перед грудью.

— Приветствую, госпожа. Какая дорога привела тебя к моему дому?

— Мои приветствия и тебе господин, — Каро поклонилась в ответ и протянула письмо, присланное, по всей видимости, этим самым альвом. — Мне была назначена встреча.

И только после этого госпожа Курой сообразила, что говорили они на её родном языке. Причём акцент у лорда практически отсутствовал. Хотя слово «дом» в данной ситуации стоило бы и заменить. Но, с другой стороны, может, он действительно тут жил? Кто их, Высших, знает?

Альв слегка нахмурился, принимая конверт.

— Я был уверен, что нанимаю мужчину, — нехотя признался он.

И это, пожалуй, стоило назвать самым уязвимым местом в плане госпожи Каро. Сразу после окончания колледжа, пытаясь найти работу, девушка своего пола и не скрывала. Поэтому отказывали ей сразу. Только потом она научилась вести переписку обезличено, надеясь при личной встрече убедить работодателя в своём профессионализме.

Пока не срабатывало.

— Прошу прощения, если ввела вас в заблуждение. Но писали вы мне. И вы же сказали, что моя квалификация вас вполне устраивает. Да, у меня нет практического опыта, но диплом я получила с отличием. И дипломная работа профильная. А к запросу приложены рекомендательные письма моих преподавателей, — которые Каро пришлось практически зубами выгрызть, но какое это имеет значение? — А специалисты-теурги ^[3] с опытом работы требуют заработной платы на порядок выше предложенной вами.

— Теург? Какой теург? — вмешался в разговор белобрысый. — На кой черт нам теург, Ал? Нам секретарша нужна!

Симпатия девушки с нулевой отметки плавно скользнула к минусовой.

— Подожди, Рон, — лорд поднял руку, останавливая парня. То, что оборотень мгновенно закрыл рот, Каро несколько не удивило. — Всё верно, госпожа Курой. Но я, признаться, несколько растерян. Женщина теург — это неожиданно.

— Мой пол никак не влияет на умение владеть амулетами, считывать потоки и их следы, а также пользоваться обрядовой магией, — холодно и уверенно — по крайней мере, она сама очень надеялась, что прозвучало это именно так, возразила Каро. — А теургия — это очень узкая специализация. И, уверяю вас, все студенты мужского пола немедленно нанимаются на госслужбу. Даже у самых бездарных нет необходимости работать в частном детективном агентстве. Так что, боюсь, у вас просто нет другого выхода.

— У меня или у вас? — лорд приподнял бровь в неподражаемой, присущей только Высшим, манере.

И госпожа Курой разом вспомнила и то, что колледж она закончила почти год назад. И то, что другие потенциальные работодатели предпочли вообще остаться без теурга, чем пользоваться её услугами. И — то, что последний серебряный эльзар в кошельке даже не звякала — для этого как минимум две монеты нужны. Но ответила она уверенно.

— У вас.

По губам альва скользнула надменная улыбочка, но тут же пропала.

— Хорошо, госпожа Курой, я нанимаю вас с испытательным сроком в месяц, — заявил лорд, хотя Каро уже морально готовилась услышать совсем другое. — Позвольте вам представить работников нашего агентства. С Роном Мастерсом, нашим следователем и, так скажем, основной физической силой, вы, видимо, уже познакомились.

Собственно, это как раз и не удивляло. Ну а как же? Кем может ещё быть оборотень, как не тупой горой мышц? А вот то, что он носил гордое звание следователя, поражало. Обычно следователям ещё и мозги нужны. Но, с другой стороны, почему бы не использовать обострённый нюх и слух во благо процветания родной конторы и счастья клиентов? В общем, незаменимый специалист широкого профиля!

— Меня зовут Алекс Росс. Я руководитель «Следа».

А вот это заявление Каро заинтересовало. Она-то думала, что альв хозяин. Конечно, для Высшего числиться хозяином забытого Семейства мелковато, но быть руководителем совсем уж несолидно. Да и кто же тогда тут хозяин? Настораживал и ещё один момент. Девушка вообще не слышала чтобы лорды носили фамилий. Они использовали исключительно имена. И только соблюдая официоз упоминают род. Весь мир их и так, без опознавательных знаков и дополнений, должен знать.

— И третий наш сотрудник...

Странный альв коротко постучал в соседнюю дверь. На пороге тут же, как будто он подслушивал, возник тег^[4]. Ну, таких как он с кем-то другим перепутать сложновато — уроженцев Восточных островов и в темноте можно узнать без проблем.

Этот оказался довольно симпатичным, но ничем особо непримечательным: черноволосый, черноглазый, невысокий. Пожалуй, и оборотню, и лорду он макушкой до плеча едва доставал. Правда, Каро таких высот не могла достичь, даже если бы подпрыгнула. Единственной выдающейся деталью внешности «третьего сотрудника» был шрам на щеке. Но «узкоглазых», как в Элизии величали тегов, шрамами не удивишь.

— Итак, третий наш сотрудник, медик, химик, эксперт-криминалист Яте Курой.

В идентичности их фамилий Каро знаков судьбы не усмотрела. Всем детям, вывезенным с острова Куро, не долго думая, её дали. Эка невидаль земляки. А, может, даже и родственники. Но, с другой стороны, остров тоже не мелкий. И помочь выяснить родство могло помочь только какое-нибудь приметное родимое пятно. К сожалению, девушка теургом была, а не принцессой из любовного романа. И её единственная родинка пониже поясницы, конечно, определённый интерес представляла, но на родовую отметку никак не тянула.

— А это, господа, наш новый специалист-теург...

— Каро Курой, — представилась «специалист» самостоятельно.

Медик вежливо, но равнодушно поклонился, оборотень осклабился в очередной милой, как ему ошибочно казалось, улыбке. А девушка мысленно возблагодарила Семерых за их

милость к ней. Конечно, компания ещё та. Ни один из присутствующих у Каро не только симпатии, но и вообще ни малейших добрых чувств не вызывал. Но, с другой стороны, надо же с чего-то начинать карьеру.

— Но я предпочитаю, чтобы меня называли по имени, — в приступе благодушия оповестила новообретённый сотрудник агентства «След».

— Рон, — тут же встрял оборотень.

Как будто его кто-то спрашивал!

— Можете называть меня Алексом, — добавил лорд, демонстрируя покладистость характера и всеобъемлющее добродушие.

— Господин Курой, — отрезал медик.

Теург с трудом сдержала желание плюнуть в узкоглазую физиономию! Если девушку и посещала ностальгия, то по тегам-мужчинам она не скучала никогда. С их надменностью могли поспорить разве что альвы.

* * *

На следующее утро здание Каро показалось не таким уж и убогим. Да и псами на лестнице пахло не особо сильно. А вывеска у агентства вовсе не казалась пижонской. Наоборот, солидной и сдержанной, как и полагается вывеске уважающей себя конторы.

Проворочавшись полночи в холодной постели, девушка пришла к выводу, что, в целом, Небесные Сферы ей улыбаются весьма благосклонно. «След» — это, конечно, не предел мечтаний, но вполне успешный старт для дальнейшей карьеры. То, что даже руководит у них альв, о многом говорит. А ещё больше скажет будущим работодателям.

Элизий город немалый. Детективов тут пруд пруди. И не обязаны они друг друга знать. И, скорее всего, о «Следе» никто слыхом не слыхивал. Зато рекомендация за подписью самого настоящего лорда может сыграть неплохую службу. А проработать полгодика в компании неприятных сотрудников... Да тьфу на это! Проучилась же она пять лет в колледже. И даже диплом получила.

Тем более, если присмотреться, не такие уж неприятные эти трое. Конечно, лорд в директорском кресле — удовольствие ниже среднего. Но видимо и среди Высших встречаются те, кто что-то слышал о порядочности. Аванс Алекс выдал без звука. В смысле, без звука со стороны Каро — она ни о чём не просила.

В общем, несмотря на недосып, солнышко с утра светило ярко, пусть даже и сквозь плотный туман. Небеса, которых за смогом и видно не было, улыбались. И — да, мокрой шерстью на лестнице воняло не так уж и сильно.

Но стоило Каро порог офиса переступить, как радужное настроение улетучилось без следа, оставив только горьковатое послевкусие. Белобрысый ураган на неё налетел, не успела девушка дверь за собой прикрыть. Оборотень весьма проворно и очень по-хозяйски развернул теурга спиной, вытряхнул её из пальто и сорвал с головы шляпу, едва не выдернув все шпильки из причёски. На которую, между прочим, госпожа Курой угробила целых полчаса. При этом красавчик не переставал тараторить, как завзятая кумушка.

— Ты где шлялась? У нас клиент уже десять минут в кабинете маринуется. Прикажешь его без тебя принимать? Ты же у нас специалист! Между прочим, он сам признался, что выбрал «След» по объявлению в газете. А там теперь печатают, что у нас собственный теург

имеется. Но теурга-то и нет. Гуляет наш высококлассный специалист! Я уже его и чаем напоил, и...

— Сочувствую клиенту, — буркнула Каро, слегка ошалев от этой трескотни.

— Чего ты там бормочешь? — недовольно переспросил блондин, отступая на шаг и осматривая девушку с ног до головы, как скульптор своё творение.

— Говорю, что у меня рабочий день с десяти. А сейчас без пяти только.

— И что? Работа начинается тогда, когда приходит клиент. Давай, шевелись длинноногая. Просыпайся. Спать по ночам надо, а с мужиками веселиться в выходные.

— Не суди всех по себе. Я просто не выпалась, — огрызнулась госпожа Курой. — Могут быть у меня кошмары?

И тут же прикусила клыком уголок губы, сама на себя разозлившись. С чего это ей перед какими-то смазливymi оправдываться? В конце концов, он ей не начальство!

— Может, расскажешь? — серьёзно, как проповедник на исповеди, предложил следовательно, оставив девушку в покое и усаживаясь на край секретарского стола.

Каро уже хотела было указать направление, куда ему следовало идти с такими предложениями. Даже рот открыла. Но посмотрела на оборотня и передумала. Можете, конечно, этот Рон обладал действительно недюжинным актёрским талантом, но девушке показалось, что парень ей действительно сочувствует. Вот всерьёз! Не просто ради вежливости предлагал, а на самом деле хотел помочь.

Симпатия, идя вразрез с желаниями самой Курой, шустрой змейкой скользнула в душу. И улеглась там уютным клубочком. Но Каро не для того себя воспитывала, чтобы идти на поводу у сиюминутных эмоций.

— А как же клиент? — усмехнулась теург. — Ладно, не переживай, любезным предложением не воспользуюсь. У меня своих жилеток хватает. Пойдём.

Девушка перегнулась через стол, доставая из ящика большой блокнот, перо и переносную чернильницу. За небольшую доплату Каро вчера согласилась взять на себя ещё и секретарские обязанности. Как объяснил Алекс, при общении с клиентами он предпочитал сидеть в самом тёмном углу кабинета. Разумность такого подхода Курой оценила. Вполне естественно, что при лорде нормальные существа впадали в ступор и теряли всяческое желание откровенничать. Потому разговоры разговаривал Рон. И опять же естественно, что с письмом у оборотня были определённые сложности. Нет, когти в этом многотрудном деле не мешали. А вот отсутствие мозгов весьма.

А пока девушка собирала секретарские принадлежности, тот самый Седьмым драный оборотень наклонился над ней и интимно так шепнул в самое ухо:

— Нет у тебя никаких жилеток.

И опять выпрямился. Рожа при этом у парня была довольная до не могу!

— А это с чего ты взял? Мои подруги... — начала Каро.

— Откуда подруги-то возьмутся? — осклабился Мастерс. — Из приюта? А то я приютских не знаю! По колледжу? Так там, по-моему, даже уборщица мужик. Или обзавелась подружкой в доме, что на улице Святых Висельников? А мне консьержка жаловалась, что все квартиры какие-то обмылки скупили. Всего-то одна приличная дама и имеется — госпожа Каро. Разве что весёлые девчонки к твоим соседям заходят и ты с ними дружбу водишь? Брось, детка, у тебя не только друг, но и парня-то, наверное, никогда не было.

Если блондин рассчитывал новую сотрудницу смутить, то он очень сильно

промахнулся. Каро всерьёз разозлилась.

— Слушай, ты, — она ткнула пальцем блондина в грудь, похожую на школьную доску, — моя личная жить тебя никаким боком не касается. Окучивай своих дамочек, которые визжат в восторге от твоего смазливового личика. А ко мне и близко не подходи. Или...

— Что?

Красавчик наклонил голову к плечу совершенно по-собачьи. Его зелёные глазки посверкивали так заинтересовано — заинтересованно.

— Ну, все, хомячок-перевертыш, ты меня взбесил окончательно! — напрочь забыв о собственном твёрдом решении стать холодным и уравновешенным профессионалом, прошипела госпожа Курой. — Или держись от меня подальше. Или я немножко пошаманю. Тогда твой хвост будет подниматься только с помощью твоих же ручек. И исключительно в сортире. Да и там могут возникнуть проблемы.

Каро, смерив парня испепеляющим взглядом — по крайней мере, девушке очень хотелось думать, что он именно испепеляющий — теург развернулась на каблуках и гордо пошла к кабинету Алекса.

Правда, триумф ей немного подпортило молодецкое ржание за спиной. Курой даже усомнилась, что Рон действительно оборачивается хомячком. Скорее уж жеребцом.

Девушка, глубоко вздохнула, успокаиваясь, вежливо постучалась и вошла внутрь, извинившись за своё опоздание. Алекс, уже занявший кресло в углу рядом с окном, не менее вежливо заверил её, что ничего страшного не произошло. А дварф^[5], сидящий на стуле для посетителей, кажется, появления так трепетно ожидаемого теурга вообще не заметил, пребывая в задумчивой прострации.

Вслед за Каро в кабинет весело прогарцевал Рон и вольготно устроился за столом — на месте прячущегося в уголке начальства. Видимо, на этом процедуру приёма клиента можно было считать начавшейся.

— Ну-с, метр Горк, расскажите нам о своих проблемах, — деловито, как штурман, приступающий к работе, поддёрнул рукава пиджака Мастерс. — Только прошу вас, будьте откровенны как перед самым призраком прародителя. Если вы что-то утаите или попросту соврётё, помочь мы вам ничем не сможем. И будьте уверены, все, что вы скажете в этом кабинете, здесь же и останется.

А у самого глаза добрые-добрые, понимающие-понимающие. На своём веку, в смысле за всю колледжевскую практику, метр Горк был всего лишь третьим клиентом, видимым Каро вживую. Первым оказался мелкий лавочник, у которого подворовывал приказчик. Вторым — некая дама, требующая сдать ей любовниц мужа. Не существующих в природе любовниц, между прочим. То есть, оба о своих проблемах рассказывали неохотно. Однако детективы-профессионалы вытягивали всю подноготную весьма ловко.

Но то, что они и в подмётки красавчику не годились, девушка осознала мгновенно. Пожалуй, оборотень мог разговаривать даже камень, при этом искренне ему сочувствуя. При всех его многочисленных недостатках, подход к клиентам Рон находить умел. Видимо, такой талант ему даровало природное звериное обаяние.

Вот и дварф как-то встрепенулся, собрался даже, уставившись в зелёные добродушные глазки.

— Понимаете, господин... — начал посетитель.

Но Мастерс его прервал.

— Рон. Для друзей я просто Рон, — он по-мальчишески обаятельно улыбнулся.

Клиент, кажется, усомнился в своих дружеских отношениях с оборотнем, но спорить не стал.

— Рон. Так вот, у меня... Как бы вам это сказать...

— Нет, давайте не так! — блондин тихонько хлопнул ладонями по крышке стола. — Я вижу, вы дварф дела. Так что у вас за бизнес, мастер Горк?

Коренастый и широкоплечий, как все истинные представители своей расы, клиент неуверенно повёл шеей, будто накрахмаленный воротничок рубашки его душил. Видимо, разговоров про бизнес он не ожидал. Но когда это дварфы отказывались своё дело обсудить?

— Да кожевник я. Кожевенная мастерская у меня. И дед, и отец кожи мяли, а теперь вот и я, — охотно ответил посетитель, явно своим промыслом гордясь. — Прибыль с неё, конечно, невеликая, но не буду гневить Семерых. В последние-то года дела у меня в гору пошли. Кожи мои теперь сам мастер Корхан закупает. Чтобы, значить, из них обувь для лордов и леди шить. Так что, не бедствую. Даже расширяться планировал. Уже и землицы в самый раз за мастерской прикупил, и с каменщиками договор наладил. Но, понимаешь, пакостить мне кто-то стал!

Дварф в сердцах шлёпнул красной, как варёный рак, ладонью себя по коленке.

— Как именно пакостить? — заинтересованно спросил Мастерс, налегая грудью на стол.

— Да, чего уж там... — Горх недовольно сопнул носом и, застеснявшись, махнул рукой, — ссыть мне кто-то в чаны с кожами.

— Что, простите? — опешил Рон.

— Ссыть, — пояснил кожевник зло, — ну, мочится!

Каро уронила перо и полезла его доставать под кресло. Чувствуя, как лицо краска заливает. Наверное, вполне способная поспорить насыщенностью с лапами дварфа. А вот Алекс в своём углу лишь шевельнулся и опять замер неподвижной тенью.

— А это вы как, простите, определили? — осторожно спросил Мастерс.

Девушке тоже показалось, что настала пора идти верёвки искать. А то мало ли чего можно ждать от помешанного кожевника! Главное, продержаться до подхода его родственников. Ну, не могли же они невменяемого одного отпустить. А если он сбежал, то, наверное, близкие скоро спохватятся? Если, конечно, клиент прямо тут, в конторе, с ума не сошёл. Что все-таки выглядело маловероятным.

— Да чего там определять-то? — горько махнул рукой Горк. — Мы ведь мочевины используем. Добавляем, значит, чтобы кожа мягче была. Но ежели её, кожу то есть, потом не промыть хорошенько, то и красить нельзя. Все едино получится такого зеленовато-жёлтого цвета. Поэтому у нас все строго. А тут смотрим — ну что за притча. Вся кожа в красивых чанах как твой гной, уж простите. Сменили, промыли, а наутро — опять! Я так уже двадцати шкур лишился! Убытки — ладно, но ведь кто-то свой пакостит! Главное, непонятно, за что? Вроде никому дорожку не переходил, не ругался... Хоть руки на себя накладывай.

— Погодите руки-то накладывать. Давайте сначала разберёмся, кто у вас там пакостит, — предложил Рон.

— Прошу прощения, — Каро подняла перо вверх, привлекая к себе внимание по колледжеской привычке, — а вы какие красители используете?

— А тебе зачем, девонька? — подозрительно прищурился дварф.

— Ну, уж точно не для того, чтобы заняться кожевненным делом, — фыркнула теург. — Просто некоторые растительные отвары и настои могут менять цвет, реагируя на изменение потоков, например, на проклятье. Ива, крушина...

— Ну, да, — неуверенно кивнул посетитель, — есть и ива, и крушина. Куда ж без них-то? Да только не мог меня проклясть никто, девонька. У меня по всей мастерской обереги развешаны.

Каро снова хмыкнула не слишком уважительно, но промолчала. Она ни минуты не сомневалась, что у этого дяденьки дела в гору пошли. Но вряд ли настолько, чтобы увешать всю мастерскую обережными амулетами. Ему и на один-то копить и копить — не накопишься. И дело не в их номинальной стоимости.

Оберег-то и сама Каро могла сделать и зарядить без большого труда. Да только если бы девушка на такое решилась, то, скорее всего, всю свою молодость и большую часть зрелости провела на каторге. Лицензией на продажу защитных и противосглазных амулетов во всём Элизии имели только корпорация Крууза и «Тонгир и партнёры». А эти ребята за соблюдением деловых интересов следили строго. Но, естественно, даже они не могли помешать торговать подделками. А что? И не обереги это вовсе, а амулетики «на счастье». И энергии в них никакой.

— Хорошо, мастер Горх, мы поняли суть вашей проблемы, — поднялся в своём углу Алекс. — Но, прежде чем решать, возьмёмся ли мы за ваше дело, нам нужно осмотреть место... пакостничания. Все же, есть вероятность, что это просто не слишком умная шутка, а не злой умысел.

Дварф закивал, как деревянный болванчик, приоткрыв рот и разве что слюни не пуская. В общем-то, Каро примерно такой реакции на альва и ожидала. По её глубокому убеждению, во время встречи с клиентом управляющего вообще из кладовки выпускать не стоило. Не любит народ Высших. И боится.

Без всяких на то оснований, понятно.

Глава вторая

Без точности догадки не обидны.

Каро терпеть не могла кебы. Почему-то все наёмные экипажи в Элизии воняли потом и табачным перегаром, словно в них с утра до вечера возили портовых грузчиков. Да к тому же коммерческие коляски страдали хроническим отсутствием рессор. Поэтому от поездки оставалось стойкое ощущение, что внутренности упорно взбивали венчиком. Но добираться из одного конца Элизия в другой на своих двоих — это слишком долго. Конки же в кварталы кожевников не ходили.

В общем, минусы поездки можно перечислять до бесконечности. Но и плюс, хоть и один-единственный, всё же имелся. В распоряжении Каро отвели целый диван и ни с кем толкаться локтями ей не приходилось. Господин Мастерс с господином Курой заняли сиденья напротив, демонстрируя собственную сомнительную воспитанность.

Медик, старательно делающий вид, будто в кэбе он находится в гордом одиночестве, молчал, глядя в окно. Правда, что можно рассмотреть за стеклом, покрытым напластованием гари, копоты и грязи, теург так и не поняла. Зато Рон никак не мог прекратить словоизвергаться, хотя Каро уже об этом и открытым текстом просила. От его пространных рассуждений о чудесах женской логики, ботаники и свойствах мочевины у девушки начала голова побаливать.

— Так, может, поделишься всё же, что тебе там за кошмары снятся? — поинтересовался Мастерс, резко переключившись с темы последовательности дамских рассуждений.

Госпожа Курой, слушающая его вполуха, аж вздрогнула от неожиданности.

— Что в словах: «Это не твоё дело» — тебе непонятно? — раздражённо прошипела Каро. — Ты только намекни, я объясню.

— А дело моё непременно, надо понимать, собачье? Только приличные барышни так не выражаются? — очаровательно улыбнулся блондин. — Для повышения информированности сотрудников агентства сообщаю: оно скорее кошачье. Дело, в смысле.

Девушка в ответ только хмыкнула нечто неопределённое. По её мнению, перекидываться этот «специалист» должен был как минимум в медведя. По крайней мере, габариты его скорее гризли соответствовали, нежели какой-нибудь кошке.

— Но, так или иначе, ты неправа, детка. Нам работать вместе. И я должен знать, что за тараканчики бегают в этой очаровательной головке.

— Детки у тебя в постели, — гавкнула теург, забывая, что она, вообще-то, воспитанная молодая дама и холоднокровный специалист.

— Ну, так давай устраним эту не состыковку. Но неужели по ночам тебе являюсь я? — Рон поиграл бровями, как опереточный злодей.

Каро сложила руки на груди, и мрачно уставилась в своё окно, наконец, осознав, что так привлекает внимание медика — отсутствие физиономий спутников. А вот разглядеть пейзаж за стеклом действительно ни малейшей возможности не имелось. Только смутные силуэты зданий да грязноватые потки дождя.

Понятно, такие виды настроения не повышали. А госпожа Курой и без того злилась. Кто её вообще за язык тянул? Ляпнула с дури про эти кошмары. Теперь ведь Мастерс не отвяжется.

— Каро, рассуди сама, — неожиданно серьёзно заговорил блондин, — нам с тобой работать. Я вообще никогда в напарниках женщин не имел, а у нас всякое случается. Мы же не только верных неверных мужей отслеживаем. Я должен знать, что от тебя ожидать. Что тебя может напугать, вывести из себя, понимаешь?

Девушка мысленно посоветовала отправиться красавчику к Седьмому. Прихватив с собой этот участливо-понимающий тон. Хотя, честно говоря, у неё даже и злость-то схлынула. А руки сами собой опустились, ладони легли на колени.

Такие резоны Каро прекрасно понимала.

— Рон, мы вряд ли окажемся в ситуации, когда мои страхи смогут нам помешать, — голосок, к вящему неудовольствию девушки, у неё звучал почти просительно. — Давай оставим мои фобии при мне, а? Если что, я тебя предупрежу, правда.

— Нет, но...

— Линкор «Отважный», — перебил Яте, даже головы в их сторону не повернув.

Серая, тяжёлая, как свинец вода расходится из-под стального брюха широким клином. Корабль гудит, вибрирует огромным телом. От запаха мазута тошнит. Ледяной ветер хлещет по лицу, как мокрым полотенцем. Сечёт мелким, колким снегом, перемешанным с дождём. Но даже он не может справиться с мерзкой, змеей вползающей внутрь, вонью. Рядом кто-то плачет, захлёбываясь слезами — до икоты. Каро не оборачивается.

Вцепившись в перекладины, прижавшись к ним лбом — они холодные даже череп ломит — девочка смотрит на остров. Он удаляется, становясь всё меньше и меньше, словно там, на другом конце клина расходящихся волн, под водой скрыто чудовище, пожирающее маленький чёрный холмик. Каро не может различить ни домов, ни даже деревьев. И не только потому, что остров уже слишком далеко. Его, как шапкой, накрыла пелена дыма, прорезанного щелями огненных всполохов.

Чьи-то сильные руки цапают девочку поперёк тела, стараясь отодрать от поручней. Пальцы, и так не до конца обхватывающие стальные трубы, соскальзывают с мёрзлого металла. Но Каро цепляется, изо всех сил цепляется. И молчит. Как приклеенная, смотрит на удаляющийся остров.

— Лайдл крассайд батч, — рычат над ней.

«Маленькая косоглазая тварь» — тегга понимает, её учили.

Она молчит.

Большие и жёсткие руки её отпускают. Но девочка этого и не замечает. Только опять прижимается лбом к ледяным поручням.

Там, на острове, бесшумно вырастает столб огня. Огромный, до неба, до низких, ватных туч. Он увеличивается, будто вспухает изнутри. Столб рождает почти белые, только в центре вспыхивающие ослепительно-оранжевым, кольца. Они ширятся, надевая на шапку дыма, как колечки в детской пирамидке, пока на месте острова не оказывается пылающая чаша.

— Райкинг даймон^[6]... — выдыхают над макушкой тегги.

Она молчит.

— Да, у меня «восточный синдром», — слишком высоким, почти срывающимся голосом, отчеканила Каро, рассматривая собственные ладони, лежащие на коленях. — Хочешь сказать, господин, что я неполноценна? Можешь отправляться с таким мнением прямо к Седьмому, уважаемый! Или это неожиданное проявление дружелюбия? Мол, мы с тобой одной крови и у нас на двоих один кошмар? Ах, ну точно, ты же тоже с Куро! Значит, и тебя эвакуировали на «Отважном». Тогда: иди ты один, персонально! Я не принимаю

никаких «общих» трагедий!

— Здесь говорят на элизийском, — скучающим тоном, так и не удосужившись даже повернуться к девушке, сообщил Курой. — Обычно такие сны появляются вследствие длительного стресса. И это действительно только сны. На психическое состояние влияют точно так же, как любой другой кошмар. Реакция зависит от конкретного индивида. Откат от Первого Солнца. Привязка негативной эмоции к увиденному.

— Не было никакого Первого Солнца! — буркнула Каро, грызя себя за вспышку. Оставалось только молить всех Семерых разом, чтобы Мастерс язык тегов не понимал. — Восточные острова находятся в изоляции. Их уничтожение противоречило бы миролюбивой политике королевы.

— Естественно, — невозмутимо кивнул Яте.

— А вот мне вообще сны не снятся, никакие, — встрял Рон.

— Это проявление внутреннего зверя, — мило улыбнулась теург, сливая собственное раздражение, — животным сны не снятся.

Мастерс, кажется, обиделся. Но, по крайней мере, вопрос о кошмарах закрыли.

* * *

Даже самую захудалую мастерскую кожевенника можно без труда найти по запаху. Если, конечно, она стоит в гордом одиночестве. Но поскольку Элизий выгородил для этого «ароматного» производства сразу несколько кварталов, то воняли тут, кажется, даже камни. Каро мерещилось, что и вялый осенний дождь пахнет гнилым мясом, кислой кожей, прогорклым жиром и той самой мочевиной. Вопросы, как тут жили исконные обитатели, не возникало. Как говорится: «Не своё — не пахнет». Но вот почему вокруг квартала не было демаркационной линии, для теурга так и осталось загадкой. За что же соседям-то такое счастье?

Мастерская господина Горха находилась сразу за его домом. Или, скорее, на заднем дворе добротного, сложенного из неотёсанных каменных блоков здания. Надёжного, как замок, но скучного, словно манная каша. Всю усадьбу окружал высокий забор, сложенный из плотно подогнанных друг к другу досок.

Рядом с воротами, которые тоже навевали ассоциации с крепостью, имелась небольшая калитка. Но и её преодолеть оказалось непросто. У дорожки, ведущей от входа, за сетчатым ограждением бесновались четыре здоровых пса. Учув Рона, и без того далеко не мирные собачки, взбесились окончательно. Правда, оборотень в долгу не остался: оскалился и зашипел как пробитый шланг.

— Ну и зачем ты их бесишь? — поинтересовалась госпожа Курой.

— Они меня не любят, — обиженно отозвался Мастерс.

Кажется, даже губу надул.

— Может, если бы ты на них поменьше шипел, они тебя больше любили?

— Детка, почаще говори эту фразу у зеркала. И твоя личная жизнь быстро наладится! — посоветовал девушке эксперт по личной жизни.

— Ещё раз назовёшь меня деткой, и разладится твоя! — пообещала Каро.

У дома детективов встретила дочь господина Горха. Сам мастер, представив прибывших, моментально слинял, промывав что-то про неотложные дела. Видимо,

сложившаяся ситуация настолько его угнетала, что дварф предпочёл побыстрее скинуть неприятности на плечи доченьки.

Теург на это ничего не сказала, но мысленную галочку поставила: типично мужское поведение — спрятать голову под одеяло и сделать вид, будто ничего не происходит. А пока убеждаешь в этом сам себя, женщина всё быстренько разрулит.

А юная метресса Горх Курой не понравилась сразу. Нет, это была вполне миловидная дварфочка. Невысокая, примерно одного с Каро роста. Стройная, но с такими стратегическими выпуклостями, о каких девушка и мечтать не смела. Две пшеничные косы, каждая толщиной с руку теурга, перекинута на выдающуюся вперёд, как киль у корабля, грудь. На круглом личике сияли огромные, густо-синие глаза. Пухлые губки живо напоминали дорогую фарфоровую куклу.

Но Каро не понравилась её неестественная бледность, которая бы больше леди, чем молодой дварфийке, подошла. И чёрные круги под глазами, словно она страдает бессонницей, настораживали. Да и вела себя метресса Горх странно. Отвечала, улыбалась, двигалась словно притормаживая и будто не поспевая за реальностью.

Правда, это не мешало ей вовсю кокетничать с Роном, который распустил перед ней хвост. Пока детективы шли по мощёной дорожке от дома к мастерской, парочка настолько сблизилась, что хозяйская дочка позволила оборотню приобнять себя за талию. И убрать лапу, которая стремительно съезжала всё ниже, заставили только взгляды мастеров, встречающих гостей у построек. Трое взрослых дварфов и двое юношей, работающих, видимо, подмастерьями, молча пообещали Мастерсу долгую и счастливую жизнь.

Рон обещания понял и решил вести себя прилично. То есть, ограничился многозначительным перемигиванием. Дварфочка млела и, как подозревала Каро, уже придумывала имена их общим с оборотнем внукам.

Ну а пока отдельные личности обеспечивали себе приключения, тегам досталась сомнительная честь поработать. Гидом в осмотре мастерской вызвался один из подмастерьев. Остальные предпочли сторожить нововлюблённую парочку. Курой такие предосторожности показались лишними. Ну не ждали же они, что блондин немедленно лишит дварфийку девичьей чести?

С другой стороны, много ли она про оборотня знала?

Вся мастерская состояла из четырёх больших навесов: столбы, на них стропила, а на стропилах крыша из дранки — и никаких тебе стен. Под навесами стояли огромные чугунные чаны с мало аппетитным содержимым. Подойдя, Каро всё же не выдержала и ткнулась носом в платок, потому что дышать стало совершенно невозможно. Вонь буквально въедалась в кожу.

Подмастерье подвёл детективов к посудине, в которой, как показалось теургу, плавали в гное куски разлагающегося тела. Но девушка ошиблась. Оказалось, что никакая это не расчленёнка, а всего лишь те самые испорченные кожи. Яте, ничуть не смущаясь, поставил на землю свой раздутый саквояж, натянул перчатки, доходившие ему до локтя, и стал поочерёдно набирать жижу в стеклянные колбы.

Каро, едва сумев подавить вполне естественный рефлекс, оставила его химичить и прошла чуть дальше.

На грубо отёсанном столбе, подпирающем крышу навеса, действительно висел амулет, который даже и не пытался походить на оберег. Так, кусочек меха, не без изыска расшитый цветным бисером. Штуковина вполне могла послужить украшением, если бы не

ужасные, кажется, петушинные, перья.

Естественно, энергии в нём и на искру не набралось.

Девушка достала из ридикюля прозрачную друзу необработанного горного хрусталя на дешёвой бронзовой цепочке. Внимательно его осмотрела, сняла невидимый волосок и кротко смиренно вздохнула. Конечно, алмаз и золото являются гораздо более мощными линзами. Но на них госпожа Курой, к сожалению, пока не заработала. Приходилось пользоваться тем, что есть.

А работы тут хватало. Чёрные следы, похожие на тени от невидимых канатов, тянулись вдоль всех дорожек, петляли между чанов, переходили из-под одного навеса под другой. Распутать их было нереально. Более плотные и насыщенные тени перекрывали почти стёршиеся, истаявшие. Свежие, явно сегодняшние, и старые, недельной давности, скрещивались между собой, превращаясь в клубок змей. Тот, на ком лежало проклятье, ходил тут ежедневно. И ходил много.

Честно говоря, Каро удивило уже то, что он вообще ещё ходил. По словам клиента, краска изменила цвет первый раз аж четыре дня назад. А проклятье сработало на совесть: мощное, концентрированное и очень злобное. Даже смерти можно желать по-разному. Тот, кто вливал свою энергию в это плетение, не просто ненавидел проклятого. Он его уничтожить хотел, стереть в порошок, своими зубами порвать.

— Н-да, жалко парня... — буркнула себе под нос теург.

В том, что проклятый мужчина, она нисколько не сомневалась. Так ненавидеть умеют только женщины.

* * *

Пристрастия оборотня постоянством не отличались. Когда Курой вернулась к дому, дварфочка, подзабытая и оттого надутая, стояла в сторонке. А Мастерс боролся на руках с одним из подмастерьев. Выглядело это, конечно, несколько странновато. Дварф был раза в два ниже Рона да и в плечах поуже. Но, тем не менее победа оборотня очевидной не выглядела. На лбу блондина проступили бисерины пота, а обнажённое предплечье обвивали толстые, вздувшиеся вены. Но оба противника довольно скалились, не в силах продавить ладони друг друга.

— А я пакостника нашего нашла! — шепнула Каро в подрагивающее ухо оборотня.

Естественно, девушка ожидала, что он вздрогнет от неожиданности. И, конечно, проиграет. Теург даже ладони уже приготовила, чтобы аплодировать дварфу. Но её ожидало жестокое разочарование. Красавчик только ослабил ещё шире.

— Да? Молодец какая! — похвалил он. — И кто же у нас тут пакостничает?

— А протеже твоя. Красотка с косами.

Оборотень протянул противнику поверх сцепленных пальцев левую руку, предлагая ничью. Дварф с удовольствием пожал протянутую ладонь. Теперь стало заметно, что удерживать Мастерса ему тоже было нелегко.

Каро мужиков искренне не понимала. Почему постоянно надо доказывать друг другу собственную крутизну и чем-то там меряться? И ведь, казалось бы, такие «меренья» должны служить отличным поводом для конфликта. Но куда там! После подобного бодания они разве что не братаются.

Вот и сейчас, стоило Мастерсу встать, окружившие стол мастеровые начали хлопать его по плечу, а для этого им приходилось подниматься на цыпочки, мыча что-то одобрителное и бессмысленное, типа: «Ну, это, да-а», «Ты даёшь!» и «Здоров!». Короче, типичный мужской метод обмена информацией.

— Ну, давай, выкладывай, что ты нарыла, — Рон, приобняв теурга за плечи, отвёл в сторону.

Лапу его Каро, естественно, скинула. Да и не желала девушка, чтобы её в сторону отводили. Госпожа Курой желала насладиться своим триумфом. А кто бы на её месте не хотел? Первое настоящее дело — и раскрыто быстро, точно и изящно. Пришла, увидела, победила. Она собой вполне заслужено гордилась!

— Естественно, там проклятье. Причём очень мощное. В простонародье такое называют «заговор насмерть», — несколько свысока пояснила теург.

— А на кого оно наложено? — прищурился оборотень.

— На кого-то из мастеровых и подмастерий, я ещё не смотрела, — отмахнулась от него девушка.

Да и какая, собственно, разница? Преступника-то она нашла! А остальное не её дело — сами пусть между собой разбираются. Или полицию вызывают. Наказание виновного в юрисдикцию частных детективов не входит.

— И как ты определила, что проклятие наложила именно госпожа Горх?

— Рон, я всё понимаю — природа тебя обделила, — праздная триумф, снисходительно посочувствовала Каро. — Но ты хоть иногда мозги-то включай! Проклятье — явно дело рук женщин. Мужики на такие эмоции вообще неспособны. А женщина тут одна: твоя красotka. Да и у неё все признаки энергетического истощения: бледность, заторможенность, усталость. Два и два слабо сложить?

— Не слабо, — радостно, даже празднично улыбнулся Рон, — а вот при этом получить шесть — слабо.

— Почему шесть? — обалдела девушка.

— Давай посмотрим. Ну то, кто и какие эмоции может испытывать, мы оставим в стороне, потому что это бездоказательно. Почему ты решила, будто она единственная женщина здесь?

Гм, потому что детективам только её представили? Дом-то ведь рядом... В конце концов, если она младшая метресса, то должна быть и старшая, верно? Мать её, например. Да и обычно дварфы живут большими семьями. Тут тебе и сёстры, и тётки, и может быть даже тёща. А кто сказал, что дварфочка единственная дочь? В прислуге опять же женщины могли обретаться. Ведь дела-то у господина Горха в гору шли, а дом большой.

— Ну, если хочешь, можем для очистки совести их всех проверить. Но я чую... — начала Каро убеждённо, но уже не столь уверенно.

— Детка, чують нужно в других местах, — этот шерстистый гад улыбался всё шире и шире. — Следующий вопрос. Энергетическое истощение может быть только у того, кто наложил проклятье?

Э-э-э... вообще-то нет. Создающие плетения редко делают то, что способно навредить им самим. Но ведь тут просто-таки иссушающая ненависть. Могла и собой пожертвовать, только б своего врага на встречу с Подземьем направить.

Но описанные теургом признаки чаще встречались у доноров — когда из них энергию вместе с жизнью сосали. Например, для подпитки артефактов. А увиденные Каро следы

были плотные, и тип заклинания она разглядела сразу. Недаром удивилась, что проклятый ещё ходит. Такие плетения срабатывают мгновенно. У жертвы, например, сердце останавливается. Или она забывает, как дышать. Или крупный сосуд лопаётся, и череп превращается в кровавый бассейн с одиноко плавающим мозгом.

— Едем дальше, — не ожидая ответа, измывался Мастерс, — К какому типу существ относятся дварфы?

— Дети Пятого... — уныло ответила теург, ещё не понимая, куда оборотень ведёт, но отчётливо предчувствуя ловушку.

— Правильно. Их сила от изначальной материи — камня и металла. Я, конечно, в колледжах не обучался, да и с мозгами у меня туго. Но какая первая заповедь у тех, кто работает с изначальем?

— Всякое действие имеет противодействие. Добро возвращается добром, зло — злом, — совсем скисла Каро.

— Именно поэтому среди детей Пяти и нет магов, маленькая моя! — Мастерс опять обнял девушку за плечи и чмокнул в лоб. Госпожа Курой чувствовала себя растоптанной и морально уничтоженной, потому ничего и не возразила. — Абсолютного добра не бывает, а сдохнуть от собственной магии не никто захочет.

Теурга затошнило. Во вполне, реальном, а не фигуральном смысле. Так её физиономией не возили, объясняя прописные истины, со времён колледжа. Да и даже самым злобным профессорам это удавалось нечасто.

— Ну, и последнее. Ты саму-то дварфийку проверила, прежде чем её в преступники записывать?

Каро лишь головой помотала. Рон развернул девушку в сторону, где дочка заказчика стояла. И сам поднял руку теурга, с до сих пор намотанной на запястье цепочкой амулета-линзы. Сначала Курой ничего не увидела, кроме очень разозлённой девушки, сложившей руки на необъятной груди и ревниво следящей за детективами.

Потом она тоже ничего не увидела. То есть, совсем. У хозяйского ребёнка все потоки были зациклены. Редкий случай среди чистокровных, но эта дварфийка в принципе не могла магией владеть! Красотке банальный приворот недоступен, не то, что проклятийное плетенье.

Госпоже Курой подумалось, что продефилировать по площади Победы голой всё же предпочтительнее — не так позорно.

* * *

На носочках, стараясь не скрипеть дурно пригнанными ступеньками, девушка поднялась по тёмной лестнице на свой третий этаж. Здесь оказалось посветлее — в конце узкого, как кишка, коридора горел одинокий газовый фонарь. Поэтому тут можно было уже просто идти, а не красться на ощупь. Осторожно — не дай Семеро звякнуть! — достала ключи и орудуя ими как профессиональный взломщик отмычками, открыла дверь собственной квартиры. Нырнула в стильную темноту, заперла все три замка и только после этого выдохнула.

В принципе, волновалась Каро, наверное, зря. Колокол на соборе Милости Семерых уже пробил десять раз. А квартиры в доме застройщика Ареста скупил в основном мелкие

клерки. К полуночи они уже успевали налиться дешёвым пойлом до пришествия лиловых осьминожек и спокойно почивали в своих постельках. Утром же всем на работу идти!

Но госпожа Курой имела печальный опыт столкновения в узком коридоре с обитателями этого клоповника, который позиционировался как «современное дешёвое жильё». Тихие, незаметные и всеми запуганные днём, вечером, под действием кислого вина или браги, жильцы становились помесью бешеных собак с прислужниками Седьмого. При этом каждый из них искренне считал, что девушка просто сгорает от желания согреть его ледяные простыни.

Пока Каро удавалось выйти из этих столкновений без потерь. И даже нанести некоторый если не физический, то моральный вред пламенным самцам. Но всё, особенно неприятности, имеют тенденцию однажды случаться. По крайней мере, с теургом этот закон всегда срабатывал. Поэтому дешевле перебдеть, чем быть изнасилованной.

Каро села на стул, стоявший у входной двери, откинула голову, опершись затылком в стену. Даже представлять, что ей ещё предстоит переодеться, умыться чуть тёплой водой и хоть хлеба закинуть в безнадёжно ссохнувшийся желудок, не хотелось. Сейчас даже ледяная, как могильная плита, постель с вечно влажным бельём казалась истинным воплощением всех мечт.

Волевым усилием вздёргнув себя за шиворот, девушка переобулась, сунув замершие ноги в уютные меховые ботинки. Поплелась на кухню, попутно потрогав чугунные батареи. О да! В этом клоповнике присутствовала такая роскошь, как паровое отопление. За которое платили отдельно — ежемесячно. Вот только на памяти Курой батареи никогда не становились горячее парного молока. Чуда не случилось и в этот раз. Чугун не грел квартиру, а активно поглощал из неё остатки тепла.

Прошлёпав на кухню, девушка с третьей попытки зажгла газовый рожок. Присела перед титаном, собираясь разжечь его, и разревелась. Просто плюхнулась задницей на ледяной пол и ревела, сладко, с упоением и подвываниями, размазывая по щекам слезы. Так жалко себя ей не было ещё, пожалуй, никогда.

Сначала эта ошибка с дварфийкой... Ладно-ладно, не ошибка. Каро сама, по собственной воле, усадила себя в лужу. Но потом-то... Хотя, что собственно, потом? Ну, Мастерс весь день её мордой тыкал, как нашкодившего котёнка. Так ведь он прав, чтоб вся нежить скопом к нему любовью воспылала!

Женщин в доме оказалось аж шесть! И настоящие, а неподдельные амулеты имелись. При этом следов проклятия не нашлось, кажется, только в подвале. И, Седьмой бы всё побрал, ни на одном из жильцов дома, ни на одном мастере, ни на одном подмастерье не единого магического следа! Только то и утешало, что господин Его Великолепие Курой её версию подтвердил — никто мастеру Горху в чаны не... кхм!.. не портил краску, короче. То есть, скорее всего, кожи действительно испортили чары.

Но Каро чувствовала себя такой несчастной и такой уставшей, что от жалости к себе прямо горло скручивало. Вспомнив, что продуктов она так и не купила, а ещё утром из еды в доме оставалась только вода и немного заварки, девушка пожелала повеситься. Немедленно.

Не повесилась бы она, понятно. Но и шансов себя пожалеть ещё немного, ей не дали. Вс входную дверь тихо постучали.

Сердце немедленно прыгнуло в пятки, да там и осталось. Гости к Каро в принципе не ходили, а уж по ночам и подавно. Теург затаилась, как мышь под метлой. Но стук повторился. Представив, что будет, если неведомый посетитель перебудит соседей, Курой

встала с пола, тихо ойкнув. Оказывается, пока она себя жалела, сумела ногу отсидеть.

Подкравшись к двери, Каро прислушалась. Но в общем коридоре тишина стояла, как в некрополе. Только дышал кто-то.

— Открывай, свои... — тихонько донеслось из-за двери.

— Да чтоб тебя, хвоста огрызок! — выругалась девушка себе под нос, не без труда отпирая замки. — Надо же так напугать! Что тебе... — «надо» она договаривала уже в спину блондина.

Мастерс бесцеремонно оттёр хозяйку плечом и прошлёпал на кухню. Там сгрузил на стол здоровый бумажный пакет и вернулся к девушке, закрыв дверь и тщательно заперев все замки.

— Да, понимаешь, — снимая плащ и пристраивая его на колченогую вешалку, пояснил он, — у нас в конторе так заведено. Все практикантки, находящиеся на испытательном сроке, ублажают сначала меня, а потом Яте. И если мы одобряем, то там подключается Алекс. А иначе никак. Нам же надо знать, с кем придётся работать?

Он зацепил за распыленные рога вешалки кепку, пригладил волосы, собранные в короткий хвостик, и только потом обернулся к Каро.

А девушка застыла, вжавшись спиной в стену. Кажется, даже рот так и не закрыла. Ей мерещилось, будто здание вокруг рушится. Ещё чуть-чуть — и её засыплет обломками.

— Каро, ты дура? — блондин наклонил голову к плечу. В темноте его глаза явственно поблёскивали, а рассеянный свет из кухни, почти недостававший до прихожей, золотил волосы на затылке, рассеиваясь едва видимым нимбом. — Ты первая женщина, которая пришла устраиваться в агентство. Откуда такой традиции взяться-то? Учись пользоваться логикой, прежде чем поддаваться эмоциям.

— Может, вы договорились... — просипела Курой.

От ужаса у неё язык к небу прилипал.

Мастерс почесал ногтем бровь.

— Как всё запущено-то, — вздохнул он. — Ладно, ты считаешь нас уродами, которые способны воспользоваться бедной беззащитной овечкой. Допустим. Но что тебя заставляет думать, будто ты столь ценный приз? Реально полагаешь: каждый мужик из штанов выпрыгнет, лишь бы обладать твоим шикарным телом? Детка, да в любом борделе за один серебряный можно двоих таких как ты на всю ночь снять. И никаких проблем.

— Убирайся! — прошипела Каро.

— Да, убратся тут не помешало бы, — оборотень задумчиво оглядел комнату, — но не сегодня, если ты позволишь.

Хозяйка и мебели-то в темноте почти не различала — так, какие-то смутные силуэты. Но Рон, кажется, даже мелочи видел. Вспомнив, в каком виде утром оставила постель, девушка густо покраснела. Когда блондин её откровенно оскорблял — не краснела. А тут щёки вспыхнули так, что жарко стало. Хорошо, если рядом с кроватью нижнего белья не валялось. Ведь и такое вполне могло случиться.

— А это у нас кто? — Мастерс ткнул пальцем в стену над кроватью.

— Просто картинка, — буркнула Каро, отлепила себя от стены и пошла на кухню.

Блондин её не раздражал. Он девушку бесил. Курой испытывала дикое желание развернуться и вцепиться ногтями в его наглую ухмыляющуюся морду. Но в то же время ей не хотелось, чтобы красавчик уходил. Остаться одной после истерики на полу, после испуга, в котором, между прочим, виноват всё тот же блондин, было страшновато. Даже не страшно,

а некомфортно — к нежным барышням девушка себя никогда не причисляла.

— Юные девы над своей кроватью просто картинки с томными альбами не вешают, — Мастерс, естественно, потащился за ней. — Обычно это почётное место занимают портреты возлюбленных.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Каро с ним даже спорить не стала. Уж лучше пусть думает, что она действительно безнадежно влюблена в лорда. Быть влюблённой дурочкой всё же менее унизительно.

— Гм, как-то ты не стыкуешься у меня с девочкой, вздыхающей по ночам о любви прекрасного лорда.

— Это твои проблемы...

Теург замерла посреди кухни, соображая, что ей делать. Не чаем же его угощать? Зачем он вообще припёрся посередь ночи?

— Так, ладно. Действительно, время позднее уже. О любви поговорим в следующий раз, — оказывается, блондин уже сам всё решил, без участия хозяйки. — Ты пока вот здесь посиди и не мешайся у меня под ногами.

Мастерс взял Каро за плечи и как куклу усадил на табурет. Осмотрелся критически, скрылся в комнате, вернулся, укутав девушку её же собственной шалью, и удовлетворённо кивнул.

— Всё, сидишь и ждёшь. Можешь, ради разнообразия, даже молча.

Курой бы его послать, но вся усталость вдруг навалилась на плечи и, кажется, удвоилась. Даже языком шевелить не хотелось. Она наблюдала, как Рон достаёт из бумажного пакета какие-то свёртки, деловито разжигает плиту, по-хозяйски лезет в кухонные ящики. И, честно говоря, Каро было уже всё равно. Тем более что сидеть под толстой шерстяной шалью оказалось тепло и уютно. В итоге девушка самым позорным образом задремала.

— Эй, спящая красавица, тебя сначала покормить или сразу в постель? — донеслось до неё сквозь сон.

Теургу хотелось только спать. Но у желудка имелось собственное мнение на этот счёт. Как только нос ощутил невероятный, божественный, бесподобный аромат жареного мяса, в животе громко и требовательно заурчало.

— Понятно, — хмыкнул кто-то, кого Каро спросонок не опознала.

Но этот голос почему-то сразу вызвал глухое раздражение.

В руку девушки что-то сунули, и пальцы машинально потянулись ко рту. В результате Каро едва не ткнула себе вилкой в нос. Глаза пришлось открывать. И не только открывать, но ещё и протирать.

На столе стояла тарелка с огромным уже порезанным бифштексом. Бочек каждого куса золотился хрустящей поджаренной корочкой, а со среза, прозрачный, как слезы, сочился сок. Рядом с мясом пристроились маленькие клубни варёного картофеля, с тающим сливочным маслом. А сбоку лежал здоровенный ломоть хлеба.

Каро громко сглотнула. И набросилась на еду, едва ли не урча, как оголодавшая кошка. Вероятно, воспитательница, обучавшая приютских девочек манерам, при виде своей воспитанницы грохнулась бы в обморок. А как только очнулась, выдала как минимум десять розог. Но госпожа Курой благополучно наплевала на все манеры. Мясо оказалось таким сочным, картофель рассыпчатым, а хлеб мягким, что девушка даже жмурилась от удовольствия.

С выданной порцией Курой расправилась в два счёта, и подняла голову, вопросительно глядя на Рона. Он ухмыльнулся, отобрал у девушки тарелку и вернул её полной. На этот раз теург умудрилась есть почти прилично. Но к концу бифштекса кончились и силы. Глаза буквально слипались.

— Ты похожа на объевшегося щенка, — вынес вердикт Мастерс.

— Плевать, — пробормотала серьёзный специалист, — мне хорошо.

— Ладно, будем считать: терапевтическая беседа с новичком проведена. И уверенность в собственные силы возвращена...

Собственно, это последнее, что Каро помнила.

* * *

Проснулась девушка оттого, что в комнате было слишком светло. Она сначала не поняла откуда столько света взялось, и попыталась зарыться лицом в подушку. Только потом до Каро дошло: через незашторенное окно постель заливают непривычное солнце.

«Наконец-то дождь закончился» — родилась первая утренняя мысль. Но сразу после этого мозг взорвала паника: «Проспала!». Подняв голову и посмотрев на часы, Курой взвизгнула от ужаса. Стрелки неумолимо показывали: в Элизии наступило девять утра.

Из постели её пулей вымело. Теург металась по комнате, как курица с отрубленной головой, пытаясь одновременно одеться, причесаться, умыться ледяной водой и хотя бы чашку чая выпить. А в голове ещё что-то ворочалось, какая-то мысль, слишком неудобная, чтобы занять привычное, отведённое для мыслей место. Глаза выхватывали отдельные детали, но мозг почему-то отказывался сложить их вместе: слишком чистая кухня; тарелка, накрытая салфеткой; шаль, сложенная на табуретке. Только когда Каро и со второй попытки не смогла открыть дверь, мозаика нехотя и неуверенно начала собираться.

Входная дверь была заперта на ключ. Медленно соображая, как такое могло получиться, девушка хотела поднять с пола невесть как занесённый в квартиру листок. Потянула его за край и с бумаги, тихо звякнув о половицы, упала связка её же ключей. Значит, Мастерс просто запер спящую хозяйку, положил ключи на листок и подсунул их под дверь. Предварительно убрав кухню и даже помыв посуду.

Мама родная! Так, значит, Мастерс ей не приснился? Он действительно припёрся к ней ночью, кормил Каро ужином и, кажется, уложил в постель, не забыв при этом раздеть? Или всё-таки последнее девушка сделала сама? Или он? А... что-то было? Нет, кажется, не было. Она бы почувствовала, наверное? Нет, точно не было. Но сама Курой разделась или блондин её раздел? И, Седьмой все побереи, какое она вчера с утра белье надела?

Наверное, Каро так бы и простояла весь день, тупо рассматривая ключи. Если бы где-то позади паники не зашевелилась мысль, что ей, вообще-то, куда-то нужно. Кажется, даже на работу. Пришлось запихать все размышления под коврик и усиленно делать вид, будто специалист почти и не опаздывает.

Глава третья

То, что козе понятно, не означает, что до козла тоже дошло.

Секретаря своего отца Алекс не любил. Впрочем, тот отвечал ему полной взаимностью. Наверное, так и бывает при столкновении двух противоречащих друг другу желаний: один страстно и безнадежно мечтает о том, отчего второй столь же страстно и безнадежно хочет избавиться. Хотя, вполне возможно, что Росс просто наговаривал на парня. И того кривило не от вида детектива, а просто нервный тик одолевал.

Но приветствовать посетителя секретарь посчитал выше своего достоинства. Просто встал из-за стола, просунул голову в приоткрытую дверь кабинета. И с гремучей смесью подобострастия, осуждения и чувства собственной значимости, которую умеют выдавать только профессиональные секретари, сообщил: «Лорд Александр прибыл, ваше превосходительство. Пускать?». Видимо, с той стороны дали положительный ответ, хотя Алекс вообще никакого не услышал. Но секретарь втянулся в приёмную, как черепаха в панцирь, и кисло пригласил войти.

За последние три месяца, в течение которых они не виделись, лорд Леонид не изменился ни на йоту. Он по-прежнему был благороден, сдержан и олицетворял собой все мыслимые достоинства государственного мужа и истинного аристократа. Лев уже немолод, но не только ланям, а и остальным хищникам стоит побережиться. Сил-то ещё ого-го!

— Доброе утро, Александр, — добродушно пробасил начальник Управления Внутренней Безопасности Элизия, резко складывая утреннюю газету и бросая её поверх стопки сафьяновых папок. — Рад, что нашёл, наконец, время навестить старика. Чаю или ты по-прежнему предпочитаешь кофе?

— Я предпочитаю обращение «господин Росс», — без всякой доброжелательности отозвался Алекс. — И мне совсем несложно выкроить время для визита к тебе. Особенно, когда твой посыльный будит меня в пять утра.

Детектив, не глядя на отца, стянул перчатки, сунул их внутрь цилиндра и пристроил все это дело поверх трости, прислонённой к креслу. Альв понимал, что все его выпады выглядят как подростковый вызов родителю. Но ничего с собой поделать не мог. Отец обладал талантом двумя словами доводить сына до состояния белого каления. А бесясь, Росс переставал соображать. Плохо это, конечно. Но сказанного не воротишь.

— Ну, ежели ты сам не навещаешь старика, то приходится за тобой посылать, — ухмыльнулся в седые усы генерал. — Ты же даже мать визитами не балуешь.

— Я навещал её две недели назад, — сообщил Алекс прохладно, сцепив пальцы в замок. — Зачем ты меня позвал?

— С частным визитом, с частным! — многозначительно поднял палец Леонид. — А на светских приёмах тебя давным-давно не видели.

— И не увидят. Хочу напомнить, что я отказался от рода. А, соответственно, и от своего положения в обществе. Скромному совладельцу частного детективного агентства в свете делать нечего. Только информацию добывать. Но у меня не бывает клиентов, чьи интересы затрагивали бы столь высокие круги. На этом я, пожалуй, откланяюсь, — господин Росс действительно встал, подхватив с подлокотника шляпу и трость. — Передавай привет Елене. И скажи ей: проще обратиться ко мне напрямую, а не бегать с жалобами к моим родителям.

— Сядь, — резко приказал генерал. И как-то моментально почувствовалось — с тобой действительно беседует ни кто-нибудь, а начальник управления. — И прекрати выкаблучиваться. Меня этим не проймёшь. Елена действительно была тут. И пришла она только потому, что тебя отыскать не сумела. Не идти же ей, в самом деле, в твою контору?

— В самом деле... — буркнул Алекс, послушно сядя на место.

И невероятно злясь за это на себя. Все-таки рефлекс, вбитый в подсознание, куда успешнее справляется с телом, чем разум.

— Она хотела напомнить, что Константину исполняется двадцать один год. И по этому случаю будет дан бал в следующую пятницу. Надеюсь, ради такого события ты воссоединишься с семьёй? В конце концов, существуют правила приличия. И их необходимо соблюдать.

— Кому необходимо? — поднял голову Алекс, впервые за весь визит глядя на своего отца прямо. — Я такой потребности не ощущаю. Мне ещё раз напомнить тебе: я сознательно отказался от всего, опозорил твоё имя, семью, жену, сына, род и тех, кто просто мимо проходил? Я — пария. Ну, так и оставьте меня в покое.

— Прекрати немедленно! — повысил голос генерал, хлопнув ладонью по столу. — Не устраивай тут балаган. Ты прекрасно знаешь, Её Величество приняла во внимание твоё ранение. Потому и не сочла рапорт об отставке личным оскорблением. Ничего страшного не произошло, все поправимо. В армию ты, конечно, вернуться не можешь. Но в управлении для тебя найдётся место.

— Действительно, все поправимо, — неестественно, одним уголком губ улыбнулся альв. — Кроме того, что я не желаю иметь к этому всему ни малейшего отношения.

— Это проще всего — осудить, отстраниться и сунуть голову в песок, — рыкнул Леонид. — Мол, я тут ни при чём и вообще у меня перчатки белые! Но это просто трусость самая настоящая. Трусость, а ещё совершеннейший инфантилизм!

— К сожалению, ваше благородие, перчатки у меня вовсе не белые, — усмешка рассекла лицо Росса пополам, как маску: одна половина спокойна, другая — гротеск язвительности. — В моей биографии немало пунктов. В том числе и так называемые боевые операции на Восточных островах. Я трус? Да пожалуй, тут вынужден согласиться. Я не борюсь с противным, претящем мне. Просто сунул голову в песок — все верно. Но, во-первых, мне слишком много лет, дабы изображать собой героя в сияющих доспехах. А, во-вторых, ты бы первый меня отправил в лечебницу для душевнобольных. Что твоему сердцу милее: контуженый сын, решивший поиграть в мирного обывателя, или сумасшедший, облачающий существующие власти и режим?

— Мне по душе нормальный сын, являющийся единственным наследником старинного рода! — загремел генерал, страшно раздувая ноздри. — Без этих твоих демократических завихрений и не паяц. Который осознаёт значение слова «долг».

— Благодарю, мне дали классическое воспитание. И значение слова «долг» я знаю, — Алекс опять встал. На этот раз куда решительнее. — Я ни у кого ничего не занимал. И даже гипотетический долг отечеству отдал с лихвой.

— Твоя семья...

— Это не моя семья! — Росс даже тростью пристукнул, подчёркивая свои слова. — Это твоя невестка и твой внук. Ко мне они не имеют никакого отношения. Очень жаль разочаровывать тебя в родительских ожиданиях. Советовать заводить ещё одного сына поздно. Но у тебя есть наследник. Думаю, Константин полностью оправдает

возложенные на него надежды. По крайней мере, то, что видел я, даёт возможность на это надеется. Всего доброго.

— Сядь, я сказал! — от гнева аристократично-бледное лицо Леонида налилось апоплексическим багрянцем.

Но Алекс в ответ только вежливо приподнял цилиндр и направился к двери, на ходу натягивая перчатки, зажав трость подмышкой.

— Александр!

— Алекс Росс к вашим услугам, — обернулся от дверей альв и вышел.

По коридорам и мраморным лестницам управления детектив почти бегом бежал. Несмотря на то, что отец предусмотрительно назначил встречу на раннее утро, мелкая канцелярская шушера подтягиваться уже начала. И на Росса они поглядывали с опаской, будто и вправду боялись — он сейчас на них броситься станет.

И зачем, спрашивается, приходил? Результат можно было предсказать и без визитов.

* * *

Тяжёлая дверь за спиной Алекса захлопнулась гулко, как крышка гроба. И альву показалось: его из тюрьмы на волю выпустили. Конечно, сравнение так себе. Ну а что делать, если пахнувший газOLIном, конским навозом и сажей воздух показался ни с чем несравнимым ароматом?

Росса толкнули. Спешащий куда-то бухгалтер, ещё предусмотрительно напяливший поверх сюртука холщовые нарукавники, так зыркнул из-под своего лоснящегося котелка, что альв едва не подавился. Извиняясь, поднял руку к полам цилиндра и едва не задел пышный турнюр дамы с вислым носом. Дама стала ещё кислее, но делать замечание лорду не решилась, лишь быстрее начала перебирать лакированными башмачками.

Только тут Росс осознал, что стоит, как дурак, посереде оживлённого по утреннему времени тротуара. А в Элизии это едва не к преступлению причислялось. Тротуары узкие — на всех не хватает. На дорогу не выйдешь. Там сплошным потоком двигаются кебы и частные экипажи. Нос одного коня тычется в зад другого в безрезультатной попытке обогнать. Да ещё неуклюжие туши конок, вынырывающие, как киты, заставляют возниц жаться к бордюрам. А то и новомодный автомобиль появится. Фырча, дребезжа и добавляя к общей вонь клубы дыма, пронесётся, подскакивая на брусчатке, пугая лошадей и прохожих. Так что: либо двигайся вместе со всеми, в русле тротуаров, либо убирайся прочь.

Алекс едва заметно улыбнулся, опустил поля цилиндра пониже и поймав мимо пробегающего разносчика газет за плечо, кинул мальчишке монетку. Получив взамен мокрые, мажущиеся типографской краской сероватые листы «Времени Элизия». Да и кеб подкатил сразу, стоило встать на бордюрный камень.

Обещанная журналистом статья нашлась там, где и предполагалось — на развороте. Называлась она «Полицейские поймали крупного мошенника!». На сироп писака сахара не пожалел. Пожалуй, опус стоило поименовать «Ода бравым ребятам». И об агентстве упоминание имелось. В самом конце: «Собирать доказательства помогали детективы из малоизвестной конторы „След“. В частности, они предложили новейший метод сличения отпечатков пальцев. Странноватый эксперт уверял, будто они гораздо уникальнее, чем слепки аур. Но прокурор счёл подобное доказательство малоубедительным и не приобщил

его к делу». Естественно, о том, что этого мошенника они две недели искали, а потом озверевший леприконеда Рону глотку не перегрыз — ни слова. Бремя славы никак не желало ложиться на хрупкие плечи детективщиков.

Офис встретил управляющего тишиной и утренней сонной расслабленностью. В приёмной слабо пахло какой-то дрянью — Яте вчера хотел задержаться и провести «пару опытов». Удался эксперимент или нет, Алекс судить не брался. Пахли исследования Курой вне зависимости от результата одинаково противно.

Поэтому первым делом зайдя в свой кабинет, Алекс распахнул окно. Аккуратно расправив плечи пальто на вешалке, убрал одежду в шкаф. Перед зеркалом, прикрепленным на обратной стороне дверцы, поправил галстук и манжеты. И только потом открыл сейф. Вообще-то, их тут имелось два: один для бумаг и ценностей, другой для телефона — устройства в Элизии редкого и очень дорогого. А оттого почти бесполезного. Но Росс любил технические новинки — кроме слишком уж шумных автомобилей — и эту свою страсть старательно лелеял.

Отодвинув резную деревянную панель на стене в сторону, Алекс набрал код и поднял вверх стальную дверцу. Изящный агрегат, обиженный невниманием, блеснул в глаза полированным дубовым боком, поймав на крутой изгиб рассеянный солнечный луч. Внутри аппарата что-то таинственно пощёлкивало и гудело. А из-под днища пробивался чуть заметный голубоватый свет.

Альв снял с подставки рожки микрофона и динамика, неуверенно оглянувшись на кресло. Толстого чёрного шнура дотянуться до него хватило бы. Но телефон предпочитал, чтобы по нему разговаривали стоя. В противном случае он мог и отказаться работать. Поэтому рисковать не стоило.

Росс нажал на рычажок, активируя связующий амулет.

— С кем желаете связаться? — прошепел в рожке тихий-тихий, какой-то потусторонний голос, ещё и прерываемый потрескиванием, словно в динамике десяток светлячков ножками егозили.

Все же, аппарат у Алекса был последней модели. Более старые таким амулетом не снабжались, и приходилось самому отправлять отпечаток ауры. Что, естественно, для существ, магией не владеющих, делало телефонию вовсе бесполезной.

— Господин Рурго Айсел, дварф, владелец банка «Ваш капитал», — чётко выговаривая каждое слово, сообщил амулету альв.

У новомодных агрегатов имелся один недостаток — не слишком отчетливую дикцию они могли переиначить по-своему. Но в этот раз обошлось без неожиданностей. В динамике ещё что-то поскрипело и прошуршало, а потом на поверхность всплыл густой и тягучий, как патока, голос.

— Господин Айсел вас слушает.

— Это Алекс Росс, совладелец агентства «След», — представился альв, невольн улыбаясь.

Уж больно подходящим тембром Айсел обладал. Солидность в каждом звуке. Такому свои капиталы без всякого сомнения доверишь.

— Можете и не представляться, господин Росс. Я вас ни с кем не перепутаю, — заверил его дварф. — И извиняться за ранний звонок не стоит. У нас, бизнесменов, утро начинается, когда солнышко всходит. А заканчивается, когда даже собаки на боковую отправляются. Вы же хотели извиниться, признайтесь.

— Хотел, — подтвердил Росс и всё-таки уселся в кресло, да ещё и ногу на ногу закинул, чего себе почти никогда не позволял. — Дело у меня к вам, господин Айсел. Я понимаю, тайна вкладов и личностей клиентов разглашению не подлежат. В принципе, мне подробности и не нужны. Так, в общих чертах...

— Ни слова больше, — гигантским шмелём прогудел банкир. — Для вас — все что угодно. Я сам кому хочешь подтверждаю: слово господина Росса надёжнее, чем мои хранилища. А просто так он вопросов задавать не будет. Имя, имя говорите, уважаемый. И не тяните кота за... хвост. Не в обиду вашему помощнику сказано, прошу заметить.

— Совладельцу, — поправил Росс и торопливо добавил — так, на всякий случай, — Естественно, вся информация будет оплачена по достоинству...

— А вот сейчас вы оскорбляете меня, господин сыщик, — обиделся дварф. — Я, конечно, за лишнюю монетку и тещу продам. А за две так и вместе с женой. Но вот информацию никогда! Это просто услуга, дружеская услуга, ничего более. Благо, мне с вами вовек не расплатиться. Ведь от банкротства же спасли! Почитай, это дороже жизни будет.

— Да полно вам, — действительно смутился Росс. — Но, как вы говорите: «Упущенное время — упущенная прибыль!». У вас есть заёмщик, некий владелец кожевенной мастерской господин Горх. Мне хотелось бы знать его деловую репутацию. Действительно, в общих чертах, без подробностей. Главное, могут ли у него враги иметься.

— Понял, — рублено оттелеграфировал банкир. — Ждите.

К приходу Рона Алекс знал про кожевенный бизнес своего клиента буквально все — даже того, чего он знать вовсе и не хотел. Но вывод из этих знаний можно было сделать однозначный и далеко не утешительный: мастер Горх вёл дела кристально прозрачно, слыл дварфом надёжным и местами даже честным. Лучшей рекомендации для бизнесмена придумать сложно.

* * *

— Так, у кого-нибудь есть соображения, куда нам двигаться дальше? — поинтересовался Алекс.

Каро искоса глянула на Мастерса, посмотрела на медика. Но то ли у них соображений не имелось, то ли они предпочитали их оставить при себе. Так или иначе, инициативы оба не проявляли. И опять приходилось смелой женщине прикрывать мужскую трусость. Теург подняла руку.

— Да, госпожа Каро? — Алекс вместе с креслом повернулся в сторону девушки, всем своим видом демонстрируя внимание.

Тут-то Курой и струхнула. Но, откашлявшись и невольно одёрнув полы жакета, решительно начала излагать свою мысль.

— Я вчера... — решительный голос как-то неожиданно «дал петуха».

Девушка невольно глянула на оборотня. Тот в ответ иронично приподнял белесую бровь. Хотя справедливости ради стоит заметить, что определение «золотистая» в данном случае подходила больше. Но Каро даже про себя его иначе, чем «белобрысым», не называла.

Короче, физиономия оборотня всем своим видом выражала ироничный скепсис.

— Я вчера сделала ошибочные и слишком поспешные выводы, — теперь брови приподнялись у Алекса. В голову девушки невольно пришла мысль о сговоре. Хотя,

возможно, Мастерс просто не доложил начальству о гениальном сыщицком дебюте. — Но при анализе своих ошибок у меня возникло несколько вопросов, которые мне кажутся важными.

— А короче можно? — поинтересовался Курой. — Не на научном коллоквиуме.

Вот есть же существа, способные говорить исключительно гадости! Тег иной раз за день и десяти слов не скажет. Но вот в том, что все десять непременно испортят настроение, можно быть твёрдо уверенным.

Лучше уж молчал бы вовсе.

— Можно и короче, — Каро сама поразилась собственной покладистости. — Жертва проклятия имеет практически неограниченный доступ и к мастерской, и к дому. Так как тени плетения есть и там, и там. Но это не может быть человек, связанный только с мастерской. Работникам в доме делать просто нечего. Но не может быть и кто-то из домохозяев или прислуги. Им нечего делать в мастерской.

— Тем более что вы их всех вчера проверили, — процедил Курой.

— Нет, — обернулась к нему теург, — я проверила лишь тех, кто там присутствовал. Но это не значит всех. Например, в доме мог бывать молочник или посыльный из мясной лавки. А в мастерской наёмный возница, перевозящий готовые кожи. Это я действительно привожу для примера.

— Мы поняли, — остановил её поток сознания Алекс. — Вы сказали «человек». Что вас натолкнуло на эту мысль?

Каро почувствовала, как рот её сам собой приоткрылся, а щёки густо покраснели. Она пребывала в твёрдой уверенности: колледжевский снобизм к ней не липнет. Это у других теургов все, не принадлежащие к столь достойной профессии, люди. Вроде как третий сорт. Правда, кроме теургов и людей ещё и альвы в градацию входили.

— Ничего, — проблеяла Каро, — я просто оговорила.

— Отучайтесь от этой привычки, — посоветовал управляющий, — в нашем деле важна точность. Продолжайте.

— Д-да... — девушке потребовалось несколько секунд для того чтобы сгрести разбежавшиеся по углам мысли в кучу. Теперь теург лучше понимала Курой и Мастерса, не желавших вылезать со своими инициативами. Пожалуй, ей бы тоже стоило промолчать. — Итак, жертва имеет доступ и к мастерской, и к дому. Но при этом он не заходит в подвал — там следов нет. А внизу много хозяйственных помещений: кладовая, овощной погреб, винный погреб, ледник. Поэтому могу предположить: жертва наша — мужчина.

— Разумно, — кивнул Алекс.

Каро приободрилась, словно альв её по голове погладил.

— Второй вопрос, на который ответ давать мне же, но я его пока не знаю. В доме два охранных амулета: над входной дверью и в столовой. Они настоящие, заряженные и действующие. Теоретически, амулеты должны сработать на проклятого. Но Мастерс... — Каро опять споткнулась, — Он уверяет, что никто из жителей ничего странного не замечал.

— Подтверждаю, — встрял оборотень, — я вчера опросил всех. Никто ничего подозрительного не видел и не слышал. Охрана не срабатывала. Могу, конечно, и ошибаться, но они не врал.

— А возможно приостановить действие амулетов на время? — поинтересовался Яте у стены за спиной девушки. Теург даже обернулась проверить, нет ли за ней призрака. — Отключить, экранировать, как у вас там это называется?

Госпожа Курой растерялась.

— Ну, теоретически... В принципе, это возможно. Амулеты привязывают к конкретному покупателю, чтобы он мог его деактивировать. Иначе сработавший оберег будет вопить, пока в нём энергия не закончится. Но зачем его... отключать?

— Это уже другой вопрос, — отрезал медик. — А привязать его можно лишь к одному существу?

— Да нет, — Каро его интерес становился понятным всё меньше, — ограничений на привязку вообще нет. Но обычно замыкают на хозяине дома, лавки... Том, что амулет охраняет. Зачем ещё кто-то?

Но ответить тег не соизволил. Только царственно кивнул, словно отпуская девушку.

Урод ускоглазый!

— Это все вопросы, которые у вас возникли? — поинтересовался Алекс.

— Нет, есть ещё один. Кто и зачем использует дочку хозяина в качестве донора? — злясь на криминалиста, несколько резковато выдала теург.

— Ну, тут я могу побыть самым умным, — Мастерс довольно потянулся, закинув руки за голову, — никакой она не донор. У неё самый что ни на есть обычный роман. И, думается, по ночам она с возлюбленным не соловьёв слушает. Банально не высыпается девка.

Он многозначительно покосился на Каро. Она сделала вид, будто ничего не заметила.

— Но тут возникает другой вопрос. Точнее, три. Кто у нас герой романа, где мы с ним проводим ночи и почему никто из семейства об этой истории любви ничего не знает? Или не говорит? Но не молчат они так, словно не знают. Даже ни одного намёка на это я не услышал.

— И последний вопрос. Дети нашего заказчика — чистокровные дварфы, — снова подал голос гениальный медик. — А вот супруга у него — чистокровный человек, хотя старательно и притворяется дварфийкой. Как так получилось?

Рон вытащил руки из-за головы и сел прямо. Вид у него был растерянный до невозможности.

— Такого быть не может. Я бы почувствовал, — пробормотал он.

Яте развёл руками. В этот момент, глядя на озадаченную физиономию оборотня, Каро тега почти любила.

Смущение Рона имело под собой серьёзное основание. В Элизии находилось немало знатоков, уверявших, будто они про любого жителя готовы рассказать, сколько в нём кровей понамешано и в какой пропорции. Понятно, что чернокожего дроу от зелёного лесного человека отличит даже ребёнок. Но оборотни-то такие нюансы по запаху распознавали. А вот ошибся.

Преподаватель антропологии в колледже, где Каро училась, приводил вполне наглядный пример. Как-то он выстроил перед аудиторией в ряд вампира, оборотня-ящера и человека. Все высокие, худощавые, тонкокостные. А человек оказался даже бледнее, чем вампир. В принципе, для демонстрации схожести туда же можно и альва запихать. Но видимо добровольца не нашлось.

Хотя любого лорда по внешним признакам легко спутать с оборотнем. У них тоже имеются удлинённые клыки и острые уши. А бледностью кожи Высшие способны поспорить с вампирами. Только вот и чистокровные люди нередко обладают схожими признаками.

В общем, для обывателя это тёмный лес до небес. Хотя Каро и слышала, будто существуют мастаки, различающие расы даже по форме черепа и длине костей. Вполне

вероятно, Курой как раз таким специалистам и относился.

Но другое дело — сущность, душа, если угодно. По научному это называется «природа потока». Больше всего в Элизии Детей Пятерых. Это существа, берущие энергию начальных материй: земли, воздуха, воды, огня и камня — именно в такой последовательности. Есть и более узкие изначалья. Например, каждый из лесных людей и дриад «завязан» на конкретном дереве. А дварфы горных кланов — на конкретном кристалле или металле.

Обычно потоки у Детей Пятерых широкие и открытые, словно через тело ручки струятся — вливаются и выливаются в практически одинаковом объёме. Зачерпни воду ладошками, ручью убытка не будет. Теоретически такие расы — сильнейшие маги. Но практически работа с изначальными материями накладывает слишком много ограничений.

Оборотни и все антропоморфы — Дети Шестого, то есть Жизни. Они, как через линзу пропускают сущность животного. У них и сила потоков, и облик-перевертыш зависят уже от этой сущности-линзы. Обычно она сильнее всего у стихийных тварей: птиц, рыб.

Вампиры — если говорить про Истинных, а не про ту шушеру, которая вампирские кварталы населяет — и прочие умертвия черпают жизнь от Седьмого, Смерти то есть. Через них потоки текут не как ручки, а как водопады. Энергии много, толку мало. Попробуй под бьющую струю ладошки подставить. Оторвёт вместе с рукой.

Самые сильные, понятно, это альвы. В них дыхание всех Семерых. А потому потоки лорды способны менять по собственному усмотрению, черпать энергию оттуда, откуда им приспичит. И пропускать через себя так, как им захочется.

Люди, пожалуй, энергетически самые слабые существа, но магически очень близки альвам. Не все, конечно, а единицы. Первые создания Семерых — они способны использовать любую энергию. Но потоки у них чаще всего зациклены. Не могут они силу черпать, да и отдавать тоже. Соответственно, оперировать им нечем. Магии ноль.

Но есть ещё и те, у которых контур закрыт не до конца, щёлочка остаётся. И наличие этой «щёлочка» от расы не зависит. Ну вот не повезло родиться калекой. Такие становятся операционистами, теургами например.

В общем, долго не рассуждая: энергию, присущую конкретной особи, с другой спутать может только существо с зацикленными потоками. То есть, тот, кто не чувствует вообще ничего, кроме запаха выпечки из соседней булочной. Вот и странно, что оборотень, чужую сущность воспринимающий как запах, кого-то с кем-то спутал.

* * *

Каро механически записывала имена тех, кто мог посещать одновременно и дом, и мастерскую, диктуемые ей матушкой господина Горха. Но сама теург в этот момент думала совсем о другом. И дело не в количестве имён, которых оказалось неожиданно много. А в том, что у тегги концы с концами не сходились.

Пункт А. Есть проклятый, скажем, господин Х. Ему что-то постоянно требуется в мастерской — где никаких оберегов, кроме поддельных, нет — и в доме — где эти амулеты есть. Защита на него не реагирует, а это в принципе невозможно. Допустим, их кто-то отключает. Версия, предложенная господином Светочем от анатомии, бредовая, но пока выглядящая самой убедительной.

Пункт Б. Деактивировать амулеты может только сам мастер Горх или тот, кто имеет

возможность свободно вмешиваться в любое плетение. Хозяину такое делать вроде незачем. А магов среди dwarфов нет и быть не может.

Пункт В. У хозяйской дочки роман и весьма бурный. Учитывая взгляды, которые она вчера бросала на Мастера, в это не слишком верится. Да и когда оборотень ей внимание перестал уделять, dwarфочка явно расстроилась.

Влюблённые так себя не ведут. Или ведут? Каро и сравнить-то не с чем было. Сама она никого вокруг не замечала. Для неё тогда весь мир в тоннель с непроницаемыми стенами превратился. И в конце туннеля — Он. Но это ещё не значит, что все должны точно так же чувствовать, как теург. Иначе по городу бы ходили толпы слепцов, натыкающихся друг на друга. Помнится, сама она тогда все косяки и столбы собирала.

Следя через окно за Мастерсом и Курой, которые то ли по десятому кругу опрашивали мастеровых, то ли просто приятно проводили время в мужской компании, девушка не заметила, как перестала записывать.

— Что же ты, деточка, не слушаешь меня совсем, — посетовала метресса Горх.

— Простите, задумалась, — вполне правдоподобно смутилась Каро.

Вот тебе и профессионал!

— Влюбилась, небось!

Теургу показалось, что из старушкиной корзинки для рукоделия бусины по полу рассыпались. Оказалось — нет. Смеётся так госпожа Горх. Хотя, конечно, старушкой девушка её зря обозвала. Матушке хозяина скорее подходил эпитет «немолодая госпожа». Статная, осанистая, с абсолютно седыми, но толстыми косами. И такими же синими, как у внучки, глазами.

— Скажите, госпожа Горх, а может быть так, что любишь одного, а флиртуешь с другим? — ни с того ни с сего ляпнула Каро.

И тут же едва себе рот не зажала, но удержалась. Если уж села в лужу, то делай вид, будто так изначально и задумывалось.

— Да у мужиков только так и бывает, деточка, — кажется, матушка dwarфийка вопросу ничуть не удивилась, продолжая, как ни в чём не бывало, штопать рубашку. — Им же жизнь не сладка, если все женщины вокруг по кому-то другому вздыхают. Вот, помню, муж мой, покойник, прими его Прародитель, уж как меня любил! А все едино ни одной юбки мимо себя не пропускал. Не изменял, врать не стану. Да и я бы ему изменялку быстро узлом завязала. Но вот глазки строил напропалую.

— Да нет! Я не про мужчин спрашивала, а как раз про женщин.

— Ну, это, девонька, от женщины и зависит. Возьмём опять же меня. Я ж красавицей первой слыла. За мной мужики таскались, как кобели в собачьей свадьбе. И коли найдётся, кто в мою сторону не смотрит, меня такая злость брала — из платья выскочу, а в себя влюблю. Просто так. Чтоб как все был. У меня и внучка такая же.

— Понятно, — протянула Каро, не очень-то и понимая. — Вы извините, что я вам не по делу вопросы задаю. Просто...

— Да что ж тут не понять, умница моя? — Dwarфийка накрыла ладонь теурга полной рукой. — Вижу же, сиротка ты. Нет ни мамки, ни бабки умной. Да и сама худенькая да бледненькая, что твоя тень. Мяса нет, кости одни. Откуда тебе про мужиков-то знать!

Каро досадливо прикусила губу. У неё на лбу написано: «Пожалей убогую»?! Вон даже Мастерс уверен, что у девушки никого нет. Иначе бы оборотень к ней посередь ночи не припёрся...

Курой вдруг вскочила, нервно грызя «вечное» перо. Что-то в этой мысли имелось. Вот только что, она и сама не понимала.

— Ты никак обиделась, девонька? Так я же от чистого сердца! — огорчилась старушка.

Но теург от неё совсем невежливо отмахнулась. Ночью припёрся — почему это так зацепило? Романа нет, а ночью припёрся...

Рон уверял, будто у внучки роман, поэтому она и не высывается. Но про тайную любовь никто из родственников не знает. Даже бабка, которая, кажется, ведает всё и обо всём. Почему красотка скрывает своего возлюбленного? Потому как догадывается, что в открытую ей с этим парнем крутить не разрешат. Логично? Вполне.

Курой снова уселась за стол, перебирая листы со списками тех, кто может находиться только в доме; тех, кто может находиться только в мастерской и тех, кто ходит везде.

— Простите, — пробормотала девушка машинально, — просто мысль нужно было додумать.

— Ничего, я понимаю. По всему видно, умная ты.

Видимо, бабушка всё-таки обиделась. Теургу она явно не комплимент выдала.

— Скажите, а матушка вашей внучки тоже ведь красавица...

Каро и договорить не успела, как её перебили.

— Матушка её уж какая лапушка была, смилуйся над ней Прародитель! Такая умница, что...

— Как прими её Прародитель? — опешила Курой, напрочь забыв о вежливости.

— Да вот так, девонька. Померла она уж лет десять как. А потом сынок женился вот на этой — без роду, без племени. Хотя приданое, конечно, она богатое принесла, ничего не скажу. Только в этом ли счастье? — пригорюнилась старушка. — Уж я ему пыталась глаза открыть. Говорю: изменяет она тебе, с парнями по кустам кувыркается, да куда там! Меня, мать родную, чуть из дома не выгнал, так осерчал. Словно околдовала она его, приворожила.

Так, стоп. Околдовала, приворожила. Если она человек, как утверждает Яте, то могла заказать кому-то. Но зачем и, главное, почему? Проклятье насмерть да ещё с такой злобой — это явно месть. Вот тут нестыковка. Хотя опытный проклятийник может эмоции клиента выпить и в плетение их вложить. Но такое дорого выйдет. Очень дорого.

Хотя сейчас важнее другое: за что прокляла-то? За то, что другую предпочёл? Например, молоденькую? Красавицу падчерицу, а?

— А с кем вы, говорите, ваша сноха мужу изменяла? — у Каро аж похолодело внутри.

А вдруг старушка этого не знает?

— Да с Торгом-выгребальщиком, тьфу! — сплюнула в сердцах метресса Горх. — Всей и сути-то, что молодой да пригожий. Но занимается чем? Жижу из чанов выгребает да вывозит. Золотарь!

Кажется, без экскрементов в этом деле всё-таки не обойтись. Приятного аппетита!

Теург подошла к окну, не без труда открыла створку и заорала, начав на всех и на всё.

— Ро-он! Мне нужен Торгор-золотарь. Он по найму работает. Найди немедленно. Пожалуйста.

И невозмутимо закрыла окно, даже не глядя на дварфов, стоящих вместе с обратным и медиком у мастерской. Пусть думают, что хотят. Плевать!

Глава четвёртая

Даже ориентируясь по звездам, можно заблудиться в трех соснах.

Обычно весь мир Яте Курой ненавидел одинаково ровно, без перепадов, вспышек и провалов. Исключением являлись случаи, когда он просыпался от настойчивой долбежки в дверь. Вот тогда его нелюбовь действительно начинала зашкаливать. И тёмная натура предков просыпалась, требуя немедленно загрызть дятла. А идея завтрака чужой сырой печенью начинала казаться весьма заманчивой.

К сожалению, дятел этот объявлялся уже не в первый раз. И даже не в сотый. Дальнейшее развитие событий можно было предсказывать вплоть до каждого слова. Именно это самое знание настойчиво подсказывало: надо вставать, открывать дверь и проделывать всё, требуемое сценарием. Иначе хуже будет.

Курой повозился, закапываясь лицом в подушку, которую он обеими руками обнимал. Смутная и слабая, в общем-то, надежда на то, что дятел сам устанет и от тега активные действия не понадобятся, себя оправдывать не собиралась. В дверь продолжали ботать. Причем, если судить по звукам, удары наносились в строгой последовательности: обоими кулаками одновременно — пауза — левая нога — пауза — правая нога. И по новой.

— Да сколько ж можно? — ввинтился буром в мозг женский истеричный визг. — Никакого же покою-то нету! Чтоб тебе провалиться, тварь окаянная! Чтоб тебе...

Тег с Лилой, носящей на работе псевдоним Сладкие губки, полностью согласился. И с тем, что никакого покоя нет. И с эпитетами, которыми соседка награждала дятла. Только вопросов он никаких не задавал. Не любил Яте риторических вопросов. Ясно же — никогда. Даже если Рум и сдохнет — а это прискорбное событие уже не за горами — на его место придёт другой. Такой же настырный и упёртый.

— Отвали! — хрипло, с каким-то даже надрывом просипели за дверью. — Я тя шаз...

Ну а дальше шло перечисление всего того, что Рум собирался с Лилой сделать. Она бы, наверное, даже и не удивилась, возмись гоблин свои мечты в жизнь воплощать. Вот только, опять же на пару с Куроем, сомневалась в реализуемости угроз. Вряд ли застарелый алкоголизм отставного сержанта позволил бы ему сделать хоть что-то. Естественно, нежная нимфа немедленно озвучила свои сомнения на чистейшем трущобно-элизийском. Понятно, Рума подобные сомнения в его мужественности оскорбили. А тут и другие соседи подтянулись. Двери хлопали, дети вопили, кто-то долбанул чем-то явно железным, кажется, сковородкой по стене. И мат, мат, мат — до самых Небесных Сфер.

Доброе утро, дорогие соседи! Да-да, и вы тоже идите в задницу!

Яте глухо застонал и невнятно выругался в подушку на языке Островов. По крайней мере, ему так казалось. Сам Курой не был уверен в надёжности своей памяти. С семи лет — времени, когда он в последний раз слышал тегские проклятия — много времени утекло. Впрочем, в приюте у воспитанников имелась прекрасная возможность поделиться друг с другом подобными знаниями и пополнить собственную коллекцию.

Но реальность от владения тонкостями родного языка никак не зависела. За дверью активно готовились к концу мира. Пожалуй, и самому Седьмому в коридоре четвертого этажа проходного дома братьев Рихр стало бы неудобно. Слишком много хаоса и чересчур

громкие звуки.

Тег сначала свесил с постели ноги и лишь потом сел сам. Облокотился о колени, с силой потёр лицо, которое ему самому показалось мятым, как старая упаковка. Встал, морщась от активной нелюбви и к себе, и к окружающему миру. Панцирная сетка кровати скрипнула пружинами, будто прощаясь с хозяином. Прошлепал босыми ступнями по ледяному дощатому полу, распахнув дверь резко, настежь.

Рум, на эту же дверь, видимо, и опиравшийся, едва не рухнул на тега.

— Открыл, наконец, тварь узкоглазая! — победно прошипел гоблин, не слишком успешно пытаясь выпрямиться, цепляясь суставчатыми зеленоватыми пальцами за косяк. — Думал, отсидишься? Да я же тебя, уroda, из-под земли достану!

Яте подался назад — сивушный дух, источаемый соседом, во вполне прямом смысле этого слова сбивал с ног. И кивнул, мол: знаю, достанешь. Прямые черные волосы упали на лицо, и Курой пятернёй раздраженно зачесал их назад.

— Я, таких как ты, на Островах снопами валил! Кровь свою проливал, племя ваше подлое выкашивая! — с пьяным надрывом завопил сосед. — Самостоятельными стать хотели? Власть вам наша немила? Сами по себе управляться вздумали? А вот вам! — Рум сунул под нос Яте не слишком чистую фигу, воняющую чем-то прелым, как перекишшая тряпка. — Говорили ж умные-то головы: не нужно сюда тащить ваших щенков. А потом еще и кормить-поить их за свой счет! Посадить на посудины и потопить! Во как надо делать-то. Добренькие мы. Все беды от доброты нашей...

По морщинистой, словно кора дуба, щеке гоблина скатилась одинокая мутная слезища. Яте снова кивнул, соглашаясь, и выплянул в коридор. Мелодрама «Соседи» набирала обороты, стремительно подбираясь к своему апогею. И Рум, и Курой, и причина утренней разминки были прочно забыты. Собственно, всеобщий скандал успел распасться на отдельные мизансцены. Впрочем, гвалт от этого только усилился.

— Ты чей-то на меня не смотришь? Ты чей-то морду свою узкоглазую воротишь? — окрысился гоблин, мгновенно переходя от дум о судьбах империи к шкурной обиде. — Думаешь, вот так вот от меня и отделаешься? Да вы все нам должны по самое небалуйся! Ты мне должен, за кровь мою пролитую! За то, что приютили вас!

Рум попытался схватить Яте за грудки, но скрученные артритом пальцы лишь неловко скользнули по распахнутому вороту нижней рубахи.

Тег кивнул в третий раз. Потянулся влево, на ощупь открывая дверцу старенькой галошницы и вытянул аптекарскую бутылку темного стекла, заткнутую туго свёрнутой газетой.

— На, — сунул Курой тару в руки гоблина.

Еще и ладонью сверху прихлопнул, как будто бутылка действительно прилипнуть могла.

— То-то же! — довольно сощурился сосед, становясь похожим на старую хитроватую обезьяну. — Помни доброту-то мою! А то ведь я тебя враз достану. Из-под земли!

И, оскалившись напоследок, продемонстрировав Яте далеко неполный набор изъеденных, зеленоватых зубов, поковылял в свою комнатушку, нежно лелея добычу у сердца.

— Вот смотрю я на тебя и диву даюсь! — сообщила Лила. — Это ж как вас запугали, что ты такого утырка боишься?

Нимфа стояла на пороге комнаты, картинно прислонившись к косяку. То, что её прелести прикрывали лишь панталоны, коротенькая сорочка и расшнурованный корсет,

прелестницу нисколько не смущало. Впрочем, ей было, что показать. Пока было. Хотя из приличной «Красной маски» она уже перебралась в куда менее приличную «Веселую девчонку». Год-два и на улице работать станет.

— Он же если и служил, то где-нибудь по хозяйственной части! — настойчиво продвигала свою мысль соседка. — Тоже мне, ветеран! Да таких ветеранов... Дал бы ты ему разок в рыло — все проблемы мигом решились. Посмотри на себя: крепкий же парень! Вон, даже мышца кое-где видна. А ведешь себя? Тьфу, смотреть противно.

— Я крови боюсь, — покаялся Курой, закрывая дверь.

— Тряпка! — повысив голос, вынесла вердикт Лила.

А Яте опять кивнул. Теперь уже дверному косяку. С ним тег тоже спорить не собирался.

* * *

За стеной негромко, даже деликатно, рвануло, а потом зашипело, словно лаборатория Яте оказалась змеями забита. Алекс поднял голову от бумаг, глядя на щель под дверью. Долго ждать не пришлось. Буквально через пять минут в полосах размытого света газовых рожков за клубился синеватый дым. Остро и гадостно завоняло аммиаком.

Альв кротко вздохнул, сложил листы с финансовой отчётностью о деятельности предприятия господина Горха в папку. А папку, по старой памяти, убрал в сейф. И только заперев дверцу, вышел из кабинета. Приёмную задымил так, словно в конторе начался пожар. Хотя при обычном пожаре такого амбре не почувствуешь. Пришлось управляющему доставать платок и дышать через него. Правда, глаза все равно слезились.

— Знаешь, о чём я думаю? — повысив голос, поинтересовался Росс, открывая входную дверь нараспашку.

— Знаю, — спокойно отозвался Курой, выныривая из клубящегося марева, как призрак.

И протягивая Алексу противогаз. Обычный, армейский, и оттого громоздкий, с самыми обыкновенными угольными, а не магическими фильтрами и парусиновым «хоботом». Но альв надел его с такой поспешностью, что даже волосы прищемил.

Дышать легче не стало. Зато вонь почти не чувствовалась.

— Ты думаешь о том, что в отсутствии соседей по этажу есть свои прелести, — закончил мысль тег, помогая Россу закрепить ремень.

Из-под противогаза голос медика звучал глухо и таинственно. Правда дым начался рассеиваться, а потому эффект вышел не тот. Хотя белый балахон, запятнанный какой-то гадостью, резиновые перчатки и стёкла маски усиливали сходство то ли с привидением, то ли с каким-то сказочным чудовищем.

— Давно научился мысли читать? — усмехнулся Алекс, чувствуя себя полным дураком.

В такие моменты и начинаешь радоваться, что клиенты в агентство заходят не так уж и часто.

— Просто ты это уже говорил, — пояснил тег. — И ни один раз. А всё просто. Сделай нормальную вытяжку, и такие проблемы возникать перестанут.

— Знаешь, сколько твои вытяжки стоят? — поинтересовался Росс, оттягивая пальцем край маски и тут же возвращая её на место. К сожалению, вонь вместе с дымом убираться не собиралась.

— Знаю. И если б вы с Роном со всех сирых и убогих плату брали, а не занимались

альтруизмом, могли поставить даже не простую, а заговорённую вытяжку.

— Обычно на этом месте Мастерс предлагает начать с тебя. Взять на работу недоучившегося студента-медика с завиральными и никому не нужными идеями — это тоже благотворительность, — буркнул Алекс.

И, развернувшись на каблуках, вернулся в свой кабинет. В нём имелось единственное на всю контору окно, которое можно было открыть. А заодно и сбегая от собственного сотрудника, которого он только что, совсем не благородно, со всей дури ткнул в больную мозоль.

Но уж больно не любил альв разговоров о благотворительности. В конце концов, он Курой зарплату платит! Поэтому, потерпит, не маленький. Да и...

Алекс содрал с себя противогаз, швырнув его в кресло, и обеими руками пригладил волосы, заправляя их за уши.

— Извини! — повысил Росс голос. — Я не хотел тебя обижать. В смысле, хотел, конечно. Но... В общем, извини.

Услышь это Каро, она бы долго рот закрывала. Извиняющийся, да ещё и по собственной инициативе, лорд в Элизии явление столь же частое, как и землетрясение. То есть, до сих пор никем и никогда не фиксированное.

Вот только на Яте извинения большого впечатления не произвели.

— Строго говоря, и ты, и Мастерс правы, — откликнулся он из своей лаборатории. То есть, попросту говоря, тоже крикнул. — Когда вы меня брали к себе, это было чистой воды благотворительностью. Но сейчас я конторе приношу неплохую пользу. Хотя высоколобые полицейские умы и называют это квазинаукой.

— И что ты нашёл? — усмехнулся Алекс, примерно представляя, что будет дальше.

Естественно, ответом на его вопрос послужило гробовое молчание. Ну, не расслышал Курой голоса начальства. Вот до этого момента слышал, а потом перестал.

— Ко мэ ласай, нассен, — Росс машинально поклонился, коснувшись сложенными ладонями сначала лба, а потом груди. Хотя жеста его оценить никто и не мог. — Моси ваге аринасин^[7].

На это Яте тоже ничего не сказал. Хотя по этикету тегов обязан был или принять извинения, или не принять. Но кто ж в Элизии такие тонкости знает? Зато эксперт самолично появился на пороге начальственного кабинета, таща в руках две склянки, в которых плавали темные лоскуты, и толстенный том.

— Закрой окно, — проворчал он брюзгливо, аккуратно выкладывая свою ношу на стол. — Сыро.

Альв послушно прикрыл створку, хотя в офисе ещё чувствительно пахло аммиаком.

— Это что? — спросил Алекс, с любопытством разглядывая банки.

— А это то, что я выловил в чанах господина Горха, — пояснил Курой, садясь в кресло и закидывая ногу на ногу.

Те, кто с тегамы сталкивается редко, посчитали бы, что медик абсолютно бесстрастен и холоден, словно статуя. Но Росс прекрасно видел — его эксперт доволен, как слон.

— Надо понимать, это куски кожи? — уточнил альв, поднимая одну банку и рассматривая её на свет.

Со второй тарой он проделал абсолютно тоже самое, но разницы так и не увидел. На этом Росс успокоился, тоже уселся на место, сцепив пальцы на животе, и вопросительно

установился на Яте.

— Вот это, — мотнул подбородком Курой в сторону левой банки, — обыкновенная телячья кожа. Ничем не примечательная. А вот это... — после театральной паузы, медик указал на правую склянку. — Кожа тролля. Хотя уже и очищенная, и подготовленная к обработке, но свежая. В смысле, освеживали её владельца совсем недавно. Я конечно не специалист, но ставлю недели на две.

— Ты уверен? — альв выпрямился, глядя на Яте исподлобья.

— Вот тебе анатомический атлас. Сравни сам, — невозмутимо предложил тег.

Росс предложением не воспользовался. Вместо этого встал, снова отойдя к окну, и сложил руки за спиной.

— И выходит у нас полный бред, — изрядно помолчав, заключил управляющий агентством. — К нам за помощью обращается дварф, который выделяет шкуры существ, находящихся под защитой короны? Да еще и существ условно разумных? А это уже даже и не браконьерство.

— Если мне память не изменяет, наказание за убийство троллей и им подобных карается чуть сильнее, чем убийство животного, но слабее, чем гражданина? — заметил Яте.

— Не изменяет тебе память. Но это всё равно гарантированная каторга. Лет пять, не меньше. Зачем такой риск?

— Как справедливы законы империи... — задумчиво протянул тег. — Помниться, жокею, который загнал жеребца лорда Анатолия, дали семь лет.

— Справедливость существующих законов не отвечает на мой вопрос, — поморщился альв — Курой это в оконном отражении разглядел.

Не любил управляющий околополитических разговоров. Можно сказать, на дух не переносил.

— Ну, может он надеялся, что это не всплывет? — пожал плечами медик. — Впрочем, это уже не моё дело, разбирайтесь сами. Я вам даю факты, а что с ними делать...

Договаривать он не стал. Просто встал и вышел, прихватив склянки и талмуд. Видимо, за моральную оплеуху начальство Яте так до конца и не простил.

* * *

— Детка, а ты где свой страх потеряла, а? — прошептал на ухо теургу Мастерс.

— Там же, где честь и совесть, — буркнула Каро.

— Нет, я все понимаю. Ты у нас гениальный сыщик, но я даже у Ала не числюсь мальчиком на посылах, — откровенно веселился оборотень, — ты в курсе, что за все рано или поздно приходится платить? Чем расплачиваться будешь?

— За что расплачиваться? — девушка повернула голову, оказавшись нос к носу с оборотнем, который почти подбородок ей на плечо положил.

— За то, что я ваши приказы исполняю, госпожа Курой, и ношусь за всякими золотарями.

— Ну, во-первых, за золотарём побежали мы все-таки вместе. А, во-вторых, приказ-то уже исполнен. А контракт, в котором прописана оплата по факту, мы не подписывали. В следующий раз предусмотрити все заранее.

Поименованной госпоже Курой в данный момент и сам Седьмой братом не был. Она

чувствовала себя как собака, взявшая след. Осталось только лихорадочное нетерпение — и больше ничего.

— Ну, ты и наглая, — протянул Рон, — вот и корми таких ужином. Потом они тебе на шею садятся.

— Покормишь завтраком — на голову залезу, — заверила его теург, на собственном опыте усвоившая: «Не научишься делать физиономию кирпичом — сожрут».

— Это предложение?

— Это предупреждение.

— Готов рискнуть, — и Мастерс выдал свою фирменную, нагло-очаровательную улыбочку.

У-у, морда мохнатая!

Каро дёрнула плечом, заставляя его отстраниться. Хотя, пожалуй, Рон в этой клоаке являлся не самым раздражающим фактором.

А другим словом ассенизаторские отстойники назвать сложновато. Это раньше все нечистоты, ни долго думая, просто сливали в ближайшие реки. А там природа сама с очисткой справлялась — океан большой. Даже Элизию его загадить не по силам.

Но город рос, и оказалось, что у возможности природы имеется свой лимит. До океана жители, конечно не добрались. А вот ближайшие водоемы начали превращаться... Ну, в общем, во вполне закономерное они превращаться начали. Тут уж возмутились дети Третьего: наяды, тритоны, речные русалки, оборотни-амфибии и прочие водные жители. На их протесты, понятно, никто и внимания бы не обратил. Но, во-первых, реки по летнему времени невыносимо воняли. Во-вторых, стали источником всякой заразы. А, в-третьих, городские рынки начали испытывать недостаток рыбы — основной беднятской пищи.

Выход нашли, понятное дело, дварфы. Кажется, именно тогда же они и придумали поговорку про то, что деньги не пахнут. Бородатая община подсуежилась и пробила-таки закон, согласно которому всех, кто не оплачивает переработку собственных отходов, полагалось наказывать звонкой монетой. Так и появились городские отстойники. На которых в основном трудились поднятые умертвия. Таких, конечно, в Элизии не много имелось. Но и для тех, что были, работы не находилось вообще никакой. Кто захочет рядом с собой оживленца видеть? С другой стороны, желающие трудиться в отстойниках в очередь не выстраивались. Даже крысюки брезговали местной спецификой. В общем, в итоге все оказались довольны.

Ну, кроме, понятно, вынужденных посетителей, вроде детективов. Ни вид ям, в которых отстаивалась жижа; ни зрелище мертвяков, огромными сачками вычерпывающие то, что после отстаивания на дне оставалось; ни мутные потоки воды, сливаемые в фильтры; ни, тем более, смрад от всего этого вдохновения не вызывали. Пожалуй, по личной грации Каро, кожаные мастерские оказались не самым мерзким местом на свете.

А вот идея работать в детективном агентстве потеряла больше половины своей заманчивости.

— Вы, что ль, меня искали? — окликнул их парень, стоящий на соседних мостках.

Передвигались тут так: по доскам, брошенным на края ям. По-другому здесь могли перемещаться исключительно счастливые обладатели крыльев.

Каро обернулась, оценивающе рассматривая молодого дварфа. Конечно, прежде всего, специалиста интересовали контуры его потоков, а отнюдь не внешность «золоторя». И теург, естественно, не обратила ни малейшего внимания на картинно выющиеся кудри, длинной до

широченных плеч. Проигнорировала крепкую грудь под расстегнутой едва ли не до пояса рубашкой. И огромные, как у куклы, глаза с длинными ресницами не заметила тоже. А уж пухлые губы её не интересовали вовсе.

Только вот считать потоки теург почему-то и с третьего раза не сумела. Пришлось ещё и насмешливого покашливания Рона не замечая, лезть за линзой и рассматривать дварфа через друзу. И вот тут-то горькое разочарование девушку и догнало, похлопав по плечу. Ни малейшего следа проклятья на парне не имелось. Так, лишь мелкие дырочки, как от шрапнели. Видимо, за свою внешность «золотарь» частенько удостоивался всяких «хороших» пожеланий.

— Она! — мгновенно сдал напарницу подлый оборотень.

Да еще и пальцем на Каро показал, чтоб уж последние сомнения развеять. Дварф вопросительно уставился на Курой. Она — возмущенно — на Мастерса. Рон, олицетворяя собой вселенскую невинность, пожал плечами.

— До нас дошли сведения, что вы состоите в связи с госпожой Горх, — откашлявшись, заявила девушка. И добавила для солидности, — Сведения из достоверных источников!

— Чего? — дварф застенчиво переступил на своей жердочке, от чего она прогнулась, натужливо скрипнув, и озадаченно почесал в затылке.

— Да в кварталах кожевников треплются, будто ты с женой горховой спишь, — перевел с языка теурга на общедоступный смилостивившийся Мастерс. — Или с дочкой его. А то и с обеими сразу. Врут или как?

Парень как-то недоверчиво хмыкнул, переводя взгляд с девушки на оборотня и обратно. Хмыкнул еще разок. И заржал в голос. Даже голову назад откинул, так его разобрало. Впрочем, Рон, ничуть этого не скрывая, тоже ухмылялся во всю пасть. А вот Курой в происходящем ничего смешного не видела. Вероятно, такой юмор женщинам недоступен.

— Шутите иль как? — уточнил дварф, вволю наржавшись и утерев выступившие слезы запястьем.

— Вы можете просто ответить: да или нет? — насупившись, спросила Каро.

— Дак я даже и не знаю, чего и сказать-то, — признался парень, всё ещё подхихикивая. — Может, я и не против был. Бабы-то обе видные, что та, что эта. Особливо, ежели с обеими разком. Дак кто ж мне даст-то? Иль вы не поняли, дамочка, чем я деньгу зашибаю?

— Поняла, — буркнула умница-теург. — Не поняла только, зачем вы этим занимаетесь.

— Чего тут непонятного-то? — искренне удивился красавчик. — Где я больше срублю? Даже если богатеньких дамочек обслуживать возьмусь и то стока не заработаю. Опять же, это промысел тока пока в силе. А тута хоть до самой старости вози. Да и чего я за свою жисть не находил. И колечки-сережки, и монеты. Дажить целый кошель единожды отрыл! — похвастался «золотарь», гордо выпятив и без того фактурную грудь.

Правда, в данный момент его стати Курой интересовали меньше всего на свете. Она была озабочена тем, чтобы не добавить ничего нового к продуктам переработки, плавающим в местных ямах.

Зато она поняла, почему дварфийки не могут «дать» парню даже в теории.

Собственно, в этом дивном месте делать детективам было уже и нечего. Оставалось только раскланяться с недолюбовником и идти думать, что дальше делать. Но Каро недаром порой казалось, будто ее еще в детстве проклинали, прицепив мелкого, но крайне вредного духа. Главная задача которого состояла в том, чтобы госпоже Курой вдруг жить скучно не стало.

Не успела теург рот открыть, сказав дварфу последнее прощай, как откуда-то с боку на девушку налетел вихрь. И довольно чувствительно с ходу ткнул в печень.

— Эта-а што тут за бабьё околашивается? — заорал вихрь. Точнее, он умудрялся одновременно дико шепелявить и верезжать. Такой себе шипящий визг. — На шужого мушика не смей пасть рашевать! Сваю заведь и рашевай!

И видимо для того, чтобы до Каро быстрее дошёл смысл сказанного, остренький и оттого ещё более болезненный кулачок снова ткнул теурга в бок. Курой от такой тройной атаки шарахнулась назад, едва не свалившись с помоста. И только тут поняла, что никакого вихря и в помине не было. Зато в наличии имелась всклокоченная и крайне озлобленная молодая крысучиха.

— Чаво не поняло? — девица уперла костлявые ручки в ещё более костлявые бока, злобно посверкивая крохотными алыми глазками. — А ну вали отшель!

Честно говоря, Курой не поняла одного: с чего это она вдруг средним родом стала. Но выяснять странности восприятия крысюков теург и не собиралась. Каро просто хотела объяснить, что ни на каких мужиков в принципе, а уж тем более местных, она не претендует. Да и вообще они уже уходить собрались.

Кто бы её ещё слушать стал!

— Шаво рот рашеваешь? — в конец озверела деваха. — Вона! Не, вы видали? На шужих мушиков губишу рашкатала, да ещё и рот рашевает! Давно шголь ниhto уму-рашуму не ушивал? Так я в миг!

— Твоя, что ли? — абсолютно спокойно поинтересовался Мастерс, стоящий у теурга за спиной.

На помощь напарнице он приходит явно не собирався.

— А чья ещё? — равнодушно ответил «золотарь», тоже не стремящийся вмешиваться в скандал.

— А что всё так плохо-то? — выразил дварфу сочувствие Рон, продолжая светскую беседу.

— Да какая разница? Баба — она баба и есть.

Оборотень промычал что-то невразумительное, но понимающее.

А вот крысучиха мужской солидарности не оценила. Хотя вполне может быть, что у неё просто терпение истощилось. Или окончательно крыша поехала. Так или иначе, а взвизгнув особенно громко, красавица метнулась к Каро, вцепившись ей в волосы и норовя ещё и коленом в живот добавить.

Детство Курой лёгким бы даже оптимист не назвал. Но, всё же, опыта уличных женских драк девушка не имела. Что делать, когда мужчина хватает, она знала прекрасно. Но вот как поступить, когда тебе волосы клоками выдирают, пытаются расцарапать лицо, оглушают визгом, а шляпка улетела в яму отстойника, абсолютно непонятно. Поэтому Каро сделала единственное, что могла в данной ситуации. Она тоже завизжала и тяпнула крысучиху за руку. Деваха, взыв, отскочила, прихватив в горсти изрядную прядь теурговых волос.

От боли у Курой аж слезы навернулись, и какая-то красная пелена перед глазами

повисла. Хотя обида глодала куда сильнее. Но мстить обидчице девушка не стала. А развернувшись на каблуках, подхватила юбку и что сил имелось дунула прочь. В общем, покинула поле боя с позором.

А вот крысучиха оказалась настойчивее. Она, завывая, как баньши, преследовала теурга до самых въездных ворот. Не догнала, правда. Зато вслед орала-шипела долго. В смысл сказанного Каро вдаваться не стала. И так понятно: ничего лестного для себя девушка не услышала бы.

Мастерс напарницу догнал, когда она уже полквартила прошла, кулаком размазывая по щекам злые слезы. То, что можно не брести, спотыкаясь о собственные ноги, а кеб остановить, Курой и в голову не пришло. Правда, никаких наёмных экипажей в этом районе сроду не водилось. Да и ридикюль она в пылу драки посеяла. Наверное, теперь он булькал вместе со шляпкой.

— Да стой ты! — Рон схватил теурга за плечо, рывком разворачивая к себе. — Не слышишь что ли? Я тебя зову-зову...

В ответ Каро только и смогла всхлипнуть особенно длинно и жалобно.

— М-да, — хмыкнул оборотень, оценив внешний вид девушки. — Зря я за тебя боялся. Даже и на всю голову отмороженный леприкон при виде такой красоты с визгами бы убежал.

И, видимо, чтобы самому в обморок не упасть, оборотень принялся осторожно промокать невесту откуда выуженным платком слёзы.

Но Курой такой заботы не оценила. Она не просто оттолкнула напарника, а еще и в грудь его кулаком долбанула. Правда, на него это большого впечатления не произвело.

— Почему? — проквакала Каро.

На большее её не хватило. Да и это-то слово она смогла выговорить лишь с третьей попытки сквозь судорожные всхлипы. Но оборотень догадливым оказался. Может, все же, какие-то мозги у него и имелись.

— Почему я не помог? А ты как хотела, детка? — Мастерс одной рукой сгреб оба запястья теурга и, как ни в чём не бывало, продолжил своё занятие. То есть опять принялся слезы вытирать. — Идеи у этих ваших... Как их там? Суфражистки, что ли? Короче, идеи-то хорошие. Только ты уж определись: всем равные права вместе с обязанностями и сложностями. Или исключительно права, а так вы слабенькие и беспомощные? Но такого не бывает.

— Так ты просто ненавидишь самостоятельных женщин? — зло прогундосила Каро. — Мстишь, да?

— Я обожаю самостоятельных женщин, — заверил её Рон. — Впрочем, несамостоятельных тоже. Ты молодец, я серьезно. Решила лапами масло сбить, а не дожидаться, пока тебя куда-нибудь пристроят. Но профессию ты уж больно мужицкую выбрала. Нет, я не говорю, что у тебя не получится. Вполне может и выйти. Если ты научишься по правилам играть.

— Это правила у вас такие? Знаешь, что ошибаюсь, и молчишь! Никогда не подскажешь! А сейчас и вообще бро-осил... — новая порция рыданий сама собой к носу подкатила.

Курой сердито выдрала запястья из мастерской хватки, запрокинула голову вверх, да еще и ладонями на глаза надавила. Тихо поражаясь сама себе. Вообще-то, повышенной слезливостью она никогда не отличалась. А тут вторая истерика за два дня! Рекорд просто.

— Ты меня спрашивала, чтобы тебе подсказывать? — неожиданно жестко, каким-то жестяным тоном спросил оборотень. — Научить можно того, кто учиться хочет. А не доказывает всем и каждому, что он тут самый умный.

На такое заявление Каро даже и не сразу сообразила, что ответить. Зато слезы мигом высохли, только вот злость такая взяла — дышать ещё труднее стало. Но следом на мягких лапах подкралась мысль: «А ведь он прав!». И тут же пришла другая: «Какое, к Седьмому, прав? Тоже мне, великий учитель нашёлся!».

Девушка досадливо прикусила губу и тихонько ойкнула.

— Ну да, расцарапала она тебе губу. И под глазом вон тоже, — согласился Рон уже своим обычным, чуть насмешливым тоном. — Надо бы промыть, а то у крысюков под когтями какой только дряни не водится. Да и тебя в порядок стоит привести, прежде чем в контору возвращаться.

Курой кивнула. Следом за злостью навалилась апатия из разряда: «Делайте со мной что хотите! Всё равно мне жизнь не мила!».

Любопытство — не порок, а тяга к познанию.

Навещать родственников, когда они любимые, безусловно, приятно. А ещё приятнее ночевать у них оставаться: вкусным ужином накормят, спать в мягкую и чистую постельку уложат и в лобик поцелуют. А вот просыпаться в таких гостях не слишком комфортно.

— Лони, детка, вставай, — кажется, в третий раз проворковала мать Мастерса у него же над ухом, — на работу опоздаешь.

Собственно, первые-то два раза Рон слышал ничуть не хуже. Просто отвечать не рисковал. По утрам он вообще никогда добрым не был. А уж когда тебя будят таким вот образом... Ну, сразу хочется кого-нибудь покусать. Или в морду дать. Но мать для этих целей явно не подходила.

— Лони, завтрак уже на столе и...

— Мам, я сколько раз просил меня так не называть? — мрачно поинтересовался оборотень, надевая на голову подушку.

— Не считала, — легкомысленно отозвалась госпожа Мастерс. — А надо? Только вот завтрак от моих подсчётов горячее не станет. Вставая-вставай, малыш...

И, ни долго думая, заботливая матушка стащила с дитятки одеяло. Рон невнятно — из-за подушки его протест глуховатым вышел — взвыл и подтянул ноги к груди. Маменька, как поборница здорового образа жизни, ещё с утра распахнула окно. А на дворе лето ещё месяца полтора назад кончилось. Да и тогда Элизий тропики не напоминал.

Подтягивание ног, естественно, согреться не помогло. Пришлось вставать. Поднявшийся «малыш» смачно потянулся, зевнул, звонко клацнув крепкими челюстями. И едва ли не пополам сложился, чмокая родительницу в макушку. Ну а что делать, если мама «детке» седым пучком волос едва до груди достаёт?

— Доброе утро, сынок, — пожелала госпожа Мастерс, глядя на сына из-под очков-половинок так, как и подобает настоящей маме-оборотню: с глубокой нежностью, неизбывной гордостью и всеобъемлющим обожанием.

Правда, во взгляде Роновской родительницы имелось кое-что, отличающее её от классической матери: изрядная порция иронии и хоть добрая, но насмешка над «деткой».

— Утро добрым не бывает! — уже вполне бодро оповестил её детектив и, примерившись, чмокнул седую макушку ещё разок. — Умыться ты мне, конечно, не дашь?

— Не дам. Сначала плотный завтрак, а потом всё остальное. Не набивши желудок, никакие дела не делаются.

У госпожи Мастерс имелись свои убеждения, которых она придерживалась с завидным упорством.

— Ну, тогда корми меня, мать! — потребовал Рон и, выходя из комнаты, попытался подтянуться на турнике, распяленном в дверном проёме.

Попытался — это потому, что на перекладине, расположенной на уровне твоей груди, подтягиваться довольно тяжело. Все же за последние тридцать лет оборотень немножко подрос. Совсем чуть-чуть, даже притолоку головой не задевал. Правда, всё равно пригибался, хотя между макушкой и косяком расстояние почти в ладонь оставалось.

На маленькой кухоньке оборотень забрался на своё привычное место. Хотя так сидеть

он и не любил — спиной к двери, да ещё, прежде чем вылезти, приходилось перебираться через большой сундук, впритык поставленный к столу. Но займи Рон другой стул, перед ним бы оказался собственный дагерротипный портрет: бравый командир диверсионного спецподразделения морского флота Её Императорского Величества лейтенант Мастерс собственной сияющей персоной. Форма белоснежная, ордена, как кираса, грудь едва не до пояса закрывают. Наградной кортик, подаренный лично императрицей, на бедре. Морда мрачная.

Стараниями матушки портрет был размером с альбом. Хотя в обычных мастерских их делали с половину книжки.

— Ты его снимешь когда-нибудь? — хмуро буркнул детектив, цепляя вилкой кусок омлета. — Он мне аппетит портит.

— Зато мне повышает, — заверила сыночка нежная мама, подливая из заботливо завёрнутого в полотенце кофейника в чашку, больше смахивающую на супницу, кофе.

И бухнула туда же три столовые ложки тростникового сахара, потом сливок подлила. Рон, придиричиво наблюдавший за процедурой, одобрительно кивнул.

— И как тебе ваш новый сотрудник? — походя поинтересовалась госпожа Мастерс, намазывая тосты джемом.

Точнее, накладывая на толстенные куски поджаренного хлеба ещё более толстые слои малинового варенья.

Оборотень уставился на мать, от удивления даже жевать забыв.

— С чего ты взяла, что у нас новый сотрудник?

Детектив в последний момент успел поймать ниточку жареной помидорной шкурки, втянув её обратно в рот.

— Сначала прожуй, а потом говори! — наставительно посоветовала госпожа Мастерс. — А нового сотрудника у вас нет, я ошиблась.

— Да нет, есть он, — Рон сунул в пасть очередной ломоть омлета, пропустив замечание родительницы мимо ушей. — Мне просто интересно, как ты дошла до мысли, будто мы кого-то наняли?

— Не кого-то, а теурга, — безмятежно отозвалась матушка. — И думается мне, что это либо тег, либо девушка. А, скорее всего, и то, и другое разом.

— Высший класс! — восхитился детектив и даже вилку в сторону отложил. — Давай меняться, а? Я стану лордских дочек учить на рояле бряцать, а ты к Алу следователем пойдёшь.

— Ну, пожалуй, ты никого даже тарелками бряцать научить не сумеешь. Тебе медведь оба уха оттоптал. А вот делать выводы ещё можешь научиться, сынок.

Маменька невозмутимо поправила очки и принялась сосредоточенно, как аптекарь порошки, отмерять чайную заварку.

— Не скажешь? — уточнил Рон.

Госпожа Мастерс отрицательно помотала головой.

— Из вредности?

Маменька согласно кивнула.

— Вроде того, что догадывайся сам?

Снова кивок.

— Обижусь! — пригрозило «дитяtko».

На что заботливая родительница только фыркнула. Видимо, в возможность исполнения

угрозы она не верила ни на йоту.

— Всё верно, — Рон опять взялся за вилку, но теперь он омлет ковырял без особого интереса. — И теург, и тег, и девушка.

— И ты её взялся муштровать в своей манере: бросим в воду — захочет жить, выплывет? Тебя за это совесть гложет, потому что девушки — существа нежные. И обращаться с ними нужно бережно. А ещё ты до сих пор считаешь, будто по гроб жизни всем выходцам с Островов должен. Ну и, думается мне, она твои стати не оценила. За это ты на неё обиделся.

— Последнее-то тут при чём? — возмутился детектив.

— То есть, со всем остальным ты согласен? — уточнила госпожа Мастерс, глядя на сына поверх очков. Но ответа не дождалась — малыш надулся. — А то я тебя не знаю. Ты же не успокоишься, пока девушка при виде тебя млеть не начнёт. Налицо конфликт совести, которая, как ни странно, у тебя имеется, и кошачьей злопамятности вкупе с мстительной натуры.

— Тебе виднее... — буркнул Рон, выбираясь из-за стола.

Настроение оказалось испорченным окончательно.

— А знаешь, к чему это может привести? — ничуть не огорчилась заботливая маменька.

— И к чему?

— Не знаешь! — удовлетворенно констатировала родительница. — А я знаю. Но не скажу. Так интереснее.

— Чего ты опять выдумала? — против собственной воли, помня, что настроение мать ему испоганила, все же улыбнулся оборотень.

— Пока я ещё ничего не придумала, — покаялась маменька. — Но, кажется, у меня всё-таки есть шансы дожить до внуков. Так что, можно задуматься об именах.

На такое предположение Рон только кислую морду скорчил и повертел пальцем у виска. Но тут же раскаялся за непочтительность и, сграбастав мать в богатырские объятия, чмокнул её в морщинистую щёку.

Просто дождаться внуков у госпожи Мастерс шансов действительно имелось немного. Чистокровные люди, в отличие от тех же оборотней, например, обходились всего-то жалким веком. Да и тот дожить успевали далеко не все.

* * *

Комиссий в Элизии было много. И все как одна непременно при правительстве. Во-первых, парламент, который в последние годы абсолютно неожиданно для себя начал осознавать, что он, в общем-то, никому не нужен, охватила мания контроля. А, во-вторых, под крепкой крышей какой-нибудь государственной организации очень удобно «пилить» субсидированные денежки. Правда, удобно ровно до тех пор, пока к тебе не заявится комиссия по расходованию казначейских средств, комиссия по контролю целевого финансирования или просто комиссия Казначейства. Из министерства финансов тоже навестить могли. Там своих комиссий хватало.

В общем, контролирующих всё и вся заведений в городе существовало немало. Но все они неуловимо походили друг на друга. Такая контора неизменно располагалась в солидном, но несколько обветшалом особнячке с облезшей штукатуркой, скрипящими половицами и щелястыми рамами. На входе обязательно дремал старичок, посаженный с целью: «Никого

не пущать» — но всех проспавший. Коридоры комиссий были темны, кабинеты малы и пыльны. А служащие либо надменны, либо лебезиво-угодливы — это зависело от статуса посетителя.

Постоянным оставался и ещё один момент. В таких вот местах никто ничего не знал. Вообще. В том числе, кажется, и зачем они каждое утро приходят в свои пыльные кабинеты. В лучшем случае несчастному, у которого возникла надобность посетить контору, могли указать место, где его вопрос способны решить. Ну, или посоветовать другую комиссию, которая занималась такими делами. В худшем... А что может быть хуже, чем бессмысленное хождение по тёмным коридорам и вежливое: «Это не ко мне! Закройте дверь с той стороны!» — старательных госслужащих?

Вот и Комиссия по контролю популяции редких и вымирающих существ при Правительстве Элизия — сокращённо КпКПРиВСППЭ, а аббревиатуры канцеляристы обожали — от своих собратьев ничем не отличалась. Посапывающего сторожа Алекс миновал без проблем. Даже и заготовленный заранее надменный вид не понадобился. А дальше альву оставалось только распутать паутину коридоров, да найти кого-нибудь достаточно вменяемого и способного ответить на вопросы.

Последнее оказалось делом непростым. И не только потому, что в данном конкретном особнячке коридоры явно проектировали с помощью Седьмого и пятого измерения. Ну не может быть в доме, высотой всего в два этажа, столько поворотов, лестниц, тупиковых ответвлений и необъяснимых «заныров». Но ещё и потому что определить, кто в каком кабинете сидит, представлялось невозможным.

Росс задумчиво постоял перед табличкой, свидетельствующей, что за дверью притаился «Старший контролёр по ИЗГУЭ» и решительно толкнул створку — соседнюю. Даже надписи читать не стал.

— Закройте за собой дверь с той стороны! — оповестили из-за утренней газеты, развёрнутой над столом. — Не видите, я занят!

И следом послышался звук, который может произвести только существо, прихлёбывающее слишком горячий чай.

— Хорошо, — согласился покладистый Росс. — Я попрошу начальника отдела природоохраны и ресурсопользования навестить вас лично.

И про охрану, и про пользование Алекс когда-то что-то слышал краем уха. Но понятия не имел, существуют ли такие в реальности. По логике, должны существовать. Не отдел, так комитет. А не комитет, так комиссия, что их всех скопом Седьмой приголубил.

Так или иначе, а над газетой появилась сначала лысина, гладкостью смахивающая на яйцо, а потом и маленькие, настороженные глазки. Но вид альва заставил хозяина кабинета ускориться и, заодно, продемонстрировать искусство иллюзиониста. Не прошло и минуты, как выяснилось сразу несколько вещей: его — Росса — невероятно, просто до смерти, рады видеть. Он — хозяин кабинета — ничем особенно не занят, а просто просматривал утреннюю почту. Они — служащие комиссии — костями лягут, но решат вопрос посетителя. И ему — снова Алексу — могут скрасить ожидание решения чашка чая, кофе или коньяка.

Уточнять, подают ли тут коньяк в чашках или это было сказано в растерянности, Росс не стал. Оценив ловкость, с которой со стола хозяина кабинета исчезла газета вместе с так и не показавшимся на глаза чаем. Может, и не его тут вовсе прихлёбывали? Так или иначе, он просто заверил, что ему ничего не нужно, кроме ответа на несколько общих вопросов.

Вот тут и началась трагедия. Так как ответов-то чиновник и не знал! Хотя, следуя

вывертам собственной причудливой логики, фортуна завела альва в самый раз к наблюдателю за троллим заповедником. Но, кажется, этот самый наблюдатель не только никогда тролля в глаза не видел, а даже плохо представлял, как они выглядят.

Выяснив это, Алекс заскучал и потребовал, чтобы ему немедленно доставили знающего. И снова его ждала метаморфоза. Особнячок, до этого прикидывающийся пустым, как кладбищенский склеп, оказался просто набит служащими всех и всяческих мастей. Которые засуетились по коридорам с целеустремлённостью и назойливостью тараканов. Видимо, пытаясь хотя бы случайно обнаружить того, кто что-то знает про троллей.

Росс, поняв, что потерял час абсолютно зря, встал, чтобы покинуть почтенное заведение. И тут перед ним вновь явился запыхавшийся от чрезмерных усилий яйцеголовый, подталкивающий впереди себя сонного и несколько очумелого охранника входной двери.

— Вот! — с гордостью, словно умницу-сына представляя, провозгласил наблюдатель, утираясь большим клетчатым платком. — Он!

— Я? — робко удивился старичок.

— Ты-ты, — заверил его чиновник. — Работал же в заповеднике у этих тварей? Работал. Вот и поведай лорду всё, что он захочет услышать!

— А что вы хотите услышать? — совсем оробел сторож.

— Видите ли, — как можно мягче начал Алекс, стараясь не пугать старика ещё больше. Впрочем, это у него вряд ли получилось. Несчастный охранник и так едва не икал. — В скором времени мне предстоит посетить заповедник. А я абсолютно ничего не знаю про троллей. Кроме того, что они находятся под попечительством короны и считаются условно разумными.

— Сами вы условно разумный! — неожиданно вскипел сторож.

Но тут же опомнившись, да ещё и тычок от начальства получив, втянул голову в плечи, как черепаха.

— Вполне возможно, — улыбнулся Алекс. — Мне и самому так иногда кажется. Но давайте присядем, прошу вас. А любезный хозяин нам подаст чаю. Подаст же?

— Я? — удивился яйцеголовый.

Видимо, в этой комиссии так заведено было — уточнять.

Росс его заверил, что имел в виду именно его, а никого-то другого. Выпроводив чиновника из его собственного кабинета, усадил-таки сопротивляющегося старика в кресло и приступил к расспросам.

На них он потратил ещё два часа. Так как сторож оказался энтузиастом своего дела, вынужденным покинуть обожаемых троллей только потому, что здоровье подводить стало. Зато теперь альв мог себя считать специалистом по этим существам. А именно об этом он всю жизнь и мечтал.

* * *

— Ну, все готовы мне внимать? — поинтересовался управляющий агентством, которого свежеполученные знания буквально разорвать грозили.

Альву срочно требовалось от них избавиться.

— И даже конспектировать готовы! — отозвался Мастерс, кивком указав на угол, в котором примостилась Каро.

Действительно, держащая на коленях блокнот, а «вечное» перо на изготовку. Девушка на веселящегося оборотня только злобно зыркнула, но отвечать ничего не стала.

— Замечательно! — оценил внимание сотрудников Росс. — Значит так. Тролли — дети Пятого. Изначалье — камень и земля. Соответственно, появились тут до Изгнания. Но альвам не присоединились, а почему-то встали на сторону людей. Видимо, за это и были признаны условно-разумными. Активно участвовали в боях и были практически истреблены. Так как обладают значительной физической мощью и, несмотря на свои габариты, проворностью, ловкостью и быстротой. Но популяцию решили сохранить, создав заповедник.

— Ну, естественно! — подал голос упорно молчавший до этого момента Яте. — И кого-то только корона не сохраняет, устраивая заповедники! И всё исключительно по доброте душевной.

— У тебя есть возражения? — прохладно поинтересовался Алекс.

— В общем-то, нет. Но давай не будем забывать про тролльи артефакты, ладно?

— Хорошо, давай не будем, — согласился Росс, зачем-то трогая пальцем булавку в собственном галстуке. — В целом это действительно может стать мотивом.

— Эй, господа! — повысил голос Мастерс, как будто боясь остаться незамеченным. — Я тут один ничего не понимаю?

— Видимо, один, — огрызнулся медик. — А про артефакты вон у неё спрашивай. Она специалист.

— Я теург, а не артефактор, — не замечая, что копирует интонации Яте, ничуть не доброжелательнее поправила тега Каро. А вот Рон с альвом многозначительно переглянулись. — Но кое-что про них знаю. Например, что стоимость любого из них начинается от десяти тысяч золотых эльзаров.

— Да ладно! — не поверил оборотень. — За такую сумму можно особняк в пригороде купить.

— Я сказала, стоимость начинается от этой суммы, — веско напомнила теург. — Дело в том, что, во-первых, тролли свои поделки выгрызают из драгоценных или полудрагоценных камней. Во-вторых, эти существа обладают дыханием Пятого. А, в-третьих, это артефакты непостоянной силы.

— Выгрызают? — вытаращился Мастерс.

— Каким ещё дыханием? — недовольно поинтересовался Курой.

— Признаться, про силу я не понял, — добавил Алекс.

На личике Каро мелькнула насмешливо-победная ухмылочка. Но мелькнула — и пропала, стоило ей на Рона покоситься. Девушка сосредоточенно и даже сурово нахмурилась, выпрямив спину и сложив переплетённые пальцы на коленях.

— Тролли действительно выгрызают свои амулеты. Зубами. При этом изделия у них нередко выходят очень изящными, почти ювелирными, — Курой подумала, нахмурившись ещё сильнее, и добавила, — Наверное, это тебе важно, Рон. Клыки у троллей невероятно прочные и острые. Правда, со временем стачиваются. И, все же, предпочитают они более мягкие камни. По крайней мере, о бриллиантовых артефактах никто не слышал. Но вот рубиновые, сапфировые и изумрудные встречались.

— Это скорее мне важно, а не Рону, — уточнил Росс. — В заповедник я сам наведуюсь. А что с дыханием, госпожа Каро?

— Дыхание — это наделения предмета силой... — девушка смешалась, подбирая

слова. — Я лучше попроще попробую объяснить. Тролли сознательно магией не занимаются. Для них изготовление поделок, скорее, искусство. Но при этом, сами того не желая, они вкладывают в артефакты изначально. Действительно не желая. Поэтому изделие получается с незадаанными свойствами. Все зависит от формы, настроения и мыслей мастера. Допустим, тролль влюблён, мечтает, чтобы его избранница ответила ему взаимностью и вырезает цветок. Скорее всего, такой амулет будет вызывать у окружающих симпатию к своему владельцу.

— А если он мечтает убить другого тролля и выгрызает кинжал? — поинтересовался Яте.

— Ну, тогда что-то негативное. Я не могу так сходу сказать. Каждый артефакт уникален, — самокритично покачалась Каро. — И, как я сказала, они обладают переменчивой силой. Систему в изменении потоков обнаружить довольно легко. А вот выяснить, почему они вообще меняются, пока никому не удалось. Но возьмём тот же артефакт-цветок. Сегодня его владельцу просто встречные улыбаются, завтра все девушки на шею бросаются, а послезавтра вообще никак не реагируют.

— Занятные штучки, — протянул Рон. — Но я бы за такое убивать, а тем более шкуру сдирать, не стал.

— Вероятно, у убийцы имелось другое мнение, — заметил Яте.

— Так, давайте на этом пока и остановимся, — Алекс постучал костяшками пальцев по столу, привлекая к себе внимание. — То, что тролли создают уникальные артефакты может быть, а может и не быть связано с появлением кожи в чане. Кстати, с самим мастером Горхом стоило бы и поговорить по этому поводу. Может, всё гораздо прозаичнее, чем нам кажется. Вы, увлёкшись поисками гипотетического пока любовника, забыли расспросить жену заказчика. Да и с дочерью недоработали. И, вполне возможно, что сама тролля кожа никак не связана с проклятьем. Про которое мы, кстати, вообще ничего не знаем: ни на кого оно наложено, ни с какой целью, ни как действует. Я уж молчу про вопрос, кто его создатель.

Мастерс и Каро как по команде глянули друг на друга, а потом столь же синхронно занялись изучением пола.

— Но этим вы займётесь позже, — смилостивилось начальство. — Нам подкинули более перспективную версию.

— Подворотная команда? — хмуро спросил Рон.

Видимо, оборотню не слишком нравилось, когда его против шерсти гладили.

— Она, — кивнул Росс. — В общем, всё как обычно. Самая кристально чистая биография оказывается не такой уж чистой, если копнуть поглубже. Вот и у нашего клиента обнаружился свой скелет в шкафу. Не так чтобы уж совсем воняющий, но обещающий многое. В общем, ещё при жизни уважаемого батюшки нашего клиента, господин Горх захотел самостоятельности и решил завести на пару со своим закадычным другом собственное дело. У друга, которого, кстати, зовут Нирго Кархар, — Алекс даже в записи не заглядывал — по памяти шарил. Хотя блокнот перед ним на столе и лежал. — Имелся дом, доставшийся от бабки. Вот под этот дом они и взяли кредит на весьма приличную сумму. Дело не выгорело, деньги они потеряли. Дом тоже. Ссора, понятно, вышла знатная. Ис старый мастер Горх за сына платить отказался. Этот Кархар ещё некоторое время ошивался в Элизии, всё чаще прикладываясь к бутылке. А потом пропал. И много лет его никто не видел.

— Дай угадаю, ну дай! — Рон поднял руку, тряся ею, как школяр, знающий ответ. — А недавно он объявился. И я должен этого самого заклятого друга найти!

— Садись, отметку «отлично» я тебе в ведомость занесу, — буркнул Яте, занятый рассматриванием пуговиц на собственном жилете.

— Ты всё правильно понял, — не поддался на провокацию Алекс. — Только не «ты должен найти», а «вы должны найти». Возьмёшь госпожу Курой с собой. Всё-таки у нас речь идёт не о поножовщине, а о проклятье. Хотя я сомневаюсь, что его наложил спившийся дварф. Но всякое может случиться.

— Тем более что нового специалиста необходимо чем-то занять, — заметил медик. — Не зря же ей зарплату начисляют. Таскаться за тобой хвостом — дело ничем не хуже других. Хотя можно ещё полы помыть.

Каро скрипнула зубами, но промолчала. Честно говоря, девушка пребывала в растерянности. Никак не могла определиться, кто её раздражает больше: Мастерс или Курой. Пожалуй, только Росс особо негативных эмоций не вызывал. Но он умудрился альвом родиться. А этим уже всё сказано.

* * *

Кабак «У дядюшки Схара» явно не претендовал на звание самого фешенебельного заведения Элизия. Впрочем, в городе существовали места гораздо хуже. Ну, медная вывеска, позеленевшая до такой степени, что на ней невозможно и слова разобрать. Ну, переулок, мощённый только в одном месте — полукругом, в полуметре от двери самого заведения. Ну, мужик, валяющийся у стены. Так и времени всего пол-одиннадцатого, питейные заведения традиционно закрываются под утро, да и пьянычуга всего один. Спит себе, никого не трогает.

— А что за Подворотная команда? — поинтересовалась Каро, выискивая, куда бы ей ногу поставить.

Поиски никаких результатов не дали. Весь переулок был затоплен ровным слоем жидкой глины и никаких сухих островков тут не имелось. Да и ботинки всё равно уже по щиколотку в грязи. А подол, как его ни поднимай, испачкан. Хорошо Мастерсу — шлёпает себе и шлёпает, не обращая внимания ни на жижу, ни на морозящую крупку дождя. Только воротник плаща поднял.

— Это от слова «подворотня». Обычные уличные мальчишки. Добывают для Ала информацию.

— Дети? — удивилась теург.

И, громко ойкнув, провалилась почти по самую голень.

— А что тебя удивляет? — Рон обернулся, критически глядя на Курой, пытающуюся вытащить ногу из засасывающей, как болото, липкой раскисшей глины. — Уличная шпана слухи собирает куда эффективнее любого сыщика. Они везде пролезут, всё услышат, да и внимания на них никто не обращает. И на расспросы отвечают охотнее. Ребёнок же ничем не опасен. Почему и не поболтать с ним, если, допустим, парень своего дядюшку разыскивает?

Девушка кивнула, мол, поняла. Но вслух свои мысли по этому поводу не озвучила — не до того было. Нога-то из грязи вытаскивалась. Вот только без ботинка. Да и за подолом Каро

никак рассмотреть не могла, что там такое внизу происходит.

Оборотень, вдоволь налюбовавшись на напарницу, тяжело вздохнул. И, приподняв её за локти, просто переставил на мощёную площадку перед дверью кабака. Что примечательно, выдернул он теурга как морковку вместе со злосчастным ботинком.

— Почему без шляпы? — тоном строгой мамочки спросил Мастерс.

— Может потому, что моя в яме с...э-э-э... нечистотами осталась? — огрызнулась Курой.

Её воспитание требовало поблагодарить за помощь. А самолюбие, от которого и так остались жалкие лохмотья, настойчиво советовало сделать вид, будто ничего особенного не случилось.

— А другая к костюму не подходит? — буркнул Рон, наклоняясь над пьяницей и щупая у него на шее пульс.

Этот-то вопрос всё и определил. Теург гордо промолчала, наблюдая за тем, как детектив оттаскивает мирно спящего минотавра под жестяной козырёк у какой-то наглухо запертой двери неподалёку. Видимо, сегодня на оборотня напало всепомогательное настроение. Но даже это не заставило бы Каро обсуждать её печальное финансовое положение. И уж тем более она не собиралась объяснять, что шляпок у неё всего две. Точнее, теперь одна. Летняя, из соломки.

Правда, детектив эту тему тоже не стал развивать.

— Ну что, пойдём?

— Если ты уже всем нуждающимся помог, то пойдём, — согласилась девушка. — А то я могу ещё подождать.

Как и всякое уважающее себя питейное заведение, «У дядюшки Схара» оказался открыт. Несмотря на то, что, судя по картонке с коряво нацарапанной надписью, наливали тут страждущим строго с шести вечера. Но до последнего клиента. Вполне вероятно, что пьяный минотавр под стеной этим самым клиентом и являлся. А поскольку уйти он никуда не мог, то хозяин распивочной не имел морального права двери запирать.

Правда, внутри оказалось пусто, темно и тихо: ни клиентов, ни обслуживающего персонала, ни уборщиков. Хотя в последних зал нуждался особенно остро. Пахло тут прокисшим пивом и жирной жареной рыбой.

— Э-гей! — позвал Мастерс, постучав по стойке бармена. — Кто живой есть?

— Нету, — ответили мрачно из-за стеллажей, уставленных пустыми, но красивыми бутылками. — Закрыто всё. Не наливаем.

— Да мне не пить. Я тут заскочил долг отдать.

Из-за стеллажа тут же показалось широкое, как луна, лицо дварфийки. Впрочем, то, что это именно она, а не он Курой определила только по отсутствию растительности на щеках и модной полосатой юбке. Выглядела хозяйка внушительно. Примерно как профессиональный борец.

— Что-то я не помню, чтоб ты мне задолжал, красавчик, — подозрительно прищурилась женщина.

— Да? Ну, значит, вас память подводит, уважаемая, — выдал свой фирменный оскал Рон, крутя на стойке золотую монету. — Я вот точно помню — задолжал.

— Это за что же?

Хозяйка, опровергая все стереотипы о дварфийской скупости и жажде наживы, не спешила ни к посетителям выходить, ни за монету хвататься.

— Да помнится, вы обещали мне свистнуть, когда в столь почтенном заведении появится господин по имени Нирго Кархар. Дварф, с таким шрамом на щеке, — Мастерс провёл ногтем по собственному лицу, обозначая шрам.

Про шрам и внешность разыскиваемого в целом, Россу тоже, видимо, шпана доложила. А, может, альв информацию добыл из других таинственных источников. Но приметы детективам Алекс дал довольно подробные.

Женщина ещё раз осмотрела оборотня с головы до ног. Потом изучила Каро — с ног до головы. И свистнула.

— Вот так вот? — изумился оборотень, видимо, не ожидавший подобной лёгкости. — И сразу?

— А чего мне? — дварфийка, наконец, вышла из-за стеллажа и, переваливаясь с ноги на ногу, как утка, подошла к стойке. — Он мне ни сват, ни брат. А на шпики вы непохожи. Да и сдалась такая клиентура? Драки учиняет...

— Да, драки — это неприятно, — согласился детектив. — А не оставлял он у вас вещи какой? Может, шапку позабыл, а? Брать-то мы её не будем, только посмотрим и назад вернём.

Хозяйка, поджав губы, отрицательно помотала головой.

— Ну, может, хоть стакан вы за ним не вымыли? — взмолилась Каро. — Может, там немного жидкости осталось?

— Буду я помнить, кто из какого стакана пил! — возмутилась дварфийка, пропустив слово «мыл» мимо ушей. — Хотя... кровь подойдёт? Только засохшая уже, наверное. Вон, на тряпке, которой пол подтирали. Слыхала я, что магики по крови кого хошь найдут. Но там и того оборотня, с которым он сцепился, кровища найдётся. Морды-то они друг другу поправили знатно.

— Так-то магики... — расстроилась теург.

— Подожди нос вешать, — подбодрил девушку Рон. — Ты его кровь узнать сможешь?

— Его или не его, а кровь дварфа смогу, конечно. Только что это даст? Мне её связать-то не с чем.

Блондин ухмыльнулся, продемонстрировав весь свой частокол.

— Это даст запах, детка. А уж по запаху я его найду, можешь не сомневаться!

Курой, несмотря на его призывы, всё-таки скептически хмыкнула. Про обоняние оборотней, конечно, легенды складывали. Да и не столько они действительно запах чуяли, сколько потоки чувствовали, просто ассоциировали их с запахами. Но по засохшей крови? Да ещё и под дождём? Это уже действительно больше на балаганные фокусы, чем на серьёзную магию, походило.

Глава шестая

Уже даже фасад здания Главного Управления Полиции Элизия намекал, что правоохранительная система города структура серьезная, шуток не любящая и не понимающая. И сурово стоящая на страже суровых законов сурового правосудия. В общем, постройка представляла собой коробку, сложенную из тусклых серых блоков, словно из кубиков. Общую монолитность — но не монохромность — нарушали только щели окон. Такой себе бруствер на шесть этажей. И ни одного украшения, ни завиточка, ни выступа. Если, конечно, не считать за выступы жестяные водосточные трубы.

Только перед входом извивалось в предсмертной агонии два переплетенных нечто из белого мрамора на каменном же пьедестале высотой в мужской рост. «Нечто» призвано было олицетворять собой огонь, горящий в сердцах борцов с преступностью. Но Курой памятник напоминал откормленных, но слишком коротких аскарид, слившихся в брачном танце. Даром что у глист ни танцев, ни браков с начала мира не наблюдалось.

Тег постоял, сунув один кулак в карман брюк, а второй рукой крепко сжимая саквояж вроде тех, с которыми семейные доктора ходят. Яте усиленно делал вид, что рассматривает шедевр современного скульптурного творчества. Даже едва заметно усмехнулся — презрительно, естественно. На самом же деле он с духом собирался, чтобы внутрь зайти.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В полиции эксперта не любили. Впрочем, он отвечал этому органу власти полной взаимностью. Редкое единодушие чувств.

— Зачем тебе туда идти? — обречённо, с самого начала понимая, что спор проигран, спросил Алекс, когда Яте ему сообщил о своих планах. — Не понимаю я тебя порой. Это же чистой воды мазохизм. Единственное, чего добьёшься — тебя опять поднимут на смех. И на свет появится парочка новых анекдотов про безумного гения и умного полицейского.

— То есть, ты считаешь, что убийство троллей — это не повод беспокоить полицию? — хмуро поинтересовался эксперт.

— Не цепляйся к частностям! — поморщился альв, катая между ладонями оголовье своей трости. — И не пытайся из меня слепить бездушного монстра. По-моему, у тебя и без этого достаточно поводов мир ненавидеть. Просто подожди, пока мы соберём доказательства по делу и раскрутим его до конца. Ты же понимаешь: лоскуты кожи никого и ни в чём не убедят.

— Пока мы дело раскручиваем и собираем «убедительные» доказательства, — Яте умудрился тоном выразить всю глубину своего призрения к такой убедительности, — где-то будут свежевать новую тушу. А если ты докопаешься, что тролля кожа никакого отношения к проклятью не имеет, то и вовсе можешь забросить эту линию.

— А следователи, конечно, немедленно побегут искать охотника?

— Просто законы придуманы для того, чтобы их соблюдали, — упёрто буркнул эксперт.

— Сам же себе сейчас противоречишь, — заметил Росс. — Не ты ли постоянно критикуешь действующие законы?

— Неверные правила можно изменить, — Курой набычился, глядя куда-то в угол. — Но те, что действуют сейчас, необходимо соблюдать.

Альв на это только рукой махнул, мол: поступай, как знаешь!

Ну, Курой и поступил так, как считал нужным. Прекрасно осознавая, что сейчас

произойдёт, притопал-таки в управление. А теперь стоял, разглядывая двух страстных аскарид.

— Ба! Кого я вижу! Не сам ли господин Великий Учёный осчастливил нас визитом? — радостно заорали с крыльца.

Идиотский вопль тут же был поддержан дебильным хохотом. Вообще, по глубокому убеждению Яте, главным критерием при отборе на должность следователя полиции служило умственное состояние претендента. Если у существа не находили хотя бы легкой олигофрении, то на карьеру рассчитывать не приходилось.

Инспектор Гикорри представлял собой идеал ищейки — хоть дубликаты отливай. Он был предан своему делу, обладал хваткой бульдога, несмотря на то, что перекидывался в хорька, залит служебным рвением до кустистых бровей. И, опровергая все законы медицины, умудрялся неплохо жить вовсе без мозга. Кстати, для характеристики его карьеры эпитет «стремительная» подходил больше всего. Что делало теорию медика ещё более убедительной.

— Я думаю, господин Курой открыл новый способ сличения отпечатков, — глубокомысленно предположил один из младших инспекторов, как шакалы тигра, окружившие Гиккори. Этот отличался от остальных только мерзкими усиками-перышками и упорно незапоминающейся фамилией. — Возможно, теперь преступников следует искать по оттиску пятки, раз уж пальцы никакого результата не дали?

Намёк на то, что прокурор назвал предложение принять в качестве доказательства отпечатки пальцев убийцы «вздором», Яте проигнорировал, созерцая статую.

— Мне думается, что вы не правы, уважаемый коллега, — как в утренней петушиной перекличке тут же отозвался другой. — Скорее всего, он теперь по количеству слюны определяет, хорошо ли отужинала жертва, а по цвету называет блюда.

Тег оставался спокойным, как оловянный солдатик. Только желваки на скуластом лице поигрывали. Действительно, глупость какая! Ну, маловато на рубашке крови оказалось, да и не того она цвета! Разве это доказательство, что жертву убили в другом месте и другим способом? Мало ли что там подозреваемый лепечет, будто он соседу только нос расквасил, и тот своими ногами ушел! Кровь-то есть. Значит, и прирезал он.

— Вы оба ошибаетесь, господа! — убедительно возразил третий. — Я слышал, что нынче господин Курой гадает по глазам трупа и видит в них истинные причины убийства.

А вот это уже был удар ниже пояса. Во-первых, теорию, будто следы действия ядов можно найти не только в желудке или на сердце, но и в кишечнике или глазном дне, тег доказывал с особым рвением. Так как в своё время он хотел именно этому вопросу посвятить дипломную работу. За что и получил особо чувствительно. А, во-вторых, байка, будто изображение убийцы некоторое время сохраняется на глазной роговице жертвы до сих пор ходила среди полицейских. И это они, а не Яте, старательно заглядывали под веки убитых, надеясь обнаружить портрет преступника.

Мысленно перечислив про себя все направления, куда полицейским следовало немедленно направиться, Курой поднялся по лестнице. Очень стараясь смотреть только на захватанную и оттого тусклую латунную ручку. Но закон стаи уже проснулся, заработал и останавливаться не желал.

— Куда это вы собрались, уважаемый? — пихнул эксперта плечом самый здоровый из полицейских.

Для придумывания шуток и язвительных замечаний мозгов у него не хватало. Зато

мышц имелся избыток. И он, как особь предприимчивая, охотно заменял одно другим.

— Спусти-ка ты его с лестницы, Тук, — лениво посоветовал Гикорри, приглаживая узкой ладошкой набриолиненные волосы. — Нечего всяким недоучкам по управлению шастать.

— Охотно, — отозвался громила, которому собственная фамилия подходила как нельзя лучше. Впрочем, Бац или Бум тоже бы оказались к месту.

Гориллоподобный инспектор сграбастал Яте за лацканы сюртука, заставив тега приподняться на цыпочки. И щелчком сшиб с его головы котелок.

— Ну, ты понял, да? — глубокомысленно поинтересовался Тук.

Курой ему ничего не ответил. Впрочем, от него этого никто и не ждал. Инспектор просто развернул даже не пытающегося сопротивляться тега к себе спиной и, под дружный гогот прихвостней, отправил тега пересчитывать ступеньки.

Банки с образцами в саквояже, прощально и грустно звякнув, встречи с реалиями не пережили.

* * *

Алекс никогда не относил себя к ценителям красот природы. Всё-таки, как и всех, умудрившихся родиться в Элизии, за пределами каменного лабиринта улиц у него стремительно развивалась агорафобия^[8] и кислородное опьянение. Аромат сосен вползал в ноздри вместе с холодным, словно вода из ручья, воздухом, туманя мозги не хуже выдержанного коньяка. И от этого само собой просыпалось желание приникнуть к выхлопной трубе, чтобы повысить в лёгких уровень газолинового смога.

Однако виды заповедника троллей могли растрогать даже самое непоэтичное сердце. Располагался он в горах, но горы это были странные — ощущение высоты не появлялось. Лошадка, впряжённая в ландо^[9], бодро цокала копытами по гравийной дорожке, с упорством ослика таща экипаж вверх. Но вокруг всё время золотился лиственный осенний лес просто сказочной красоты. И чем-то другим он сменяться явно не собирался. Только иногда среди ровных стволов и зарослей дикой ежевики мелькали валуны, сглаженные веками и поросшие темным мхом. Да на горизонте маячили голубоватые пики, стыдливо прикрытые облаками. А других намёков на горы не имелось.

— Все же, красиво тут у вас, — прервал затянувшееся молчание Росс.

— Красиво? — егерь, сам довольно сильно смахивающий на тролля, растерянно огляделся, как будто видел лес в первый раз. — Да, пожалуй, что и красиво. Только вот к этому быстро привыкаешь. И не замечаешь. Вы же красота архитектуры тоже не постоянно восхищаетесь.

— И это верно, — улыбнулся Алекс.

Этот егерь двухметрового роста, почти с такими же плечами, квадратной челюстью и низким, меньше ладони шириной лбом, его забавлял. Разговорчивостью он не отличался, но уж если открывал рот, то выражался как учитель словесности с изящным столичным выговором. В общем, неординарный персонаж.

— А позвольте узнать, что вы заканчивали?

— Да я вообще учиться любил, — кривовато усмехнулся егерь, тронув поводья, призывая неторопливую, но упорную лошадку двигаться быстрее. — Сначала магистра

философии получил. Потом защитил диплом по праву. А напоследок ещё и по медицине курс прослушал. Но тут без особых успехов.

— И как же философ, юрист и почти врач оказался в заповеднике? — удивился альв.

— А мне кажется, что только тут он и мог очутиться, — усмехнулся господин Сайлс, в котором, видимо, философ всё же доминировал над остальными личностями.

— Вам виднее, — не стал спорить Росс, к пустому философствованию не склонный. — Меня еще один вопрос занимает, если вы не против. Я как-то по-другому себе заповедник представлял: с заграждениями, заборами, постами какими-то. Или это всё ещё впереди будет?

— Отчего же мне протестовать? Вы же сюда и приехали за тем, чтобы вопросы задавать, господин детектив, — размеренно и последовательно, с занудством профессионального юриста, ответил егерь. — А никаких заборов и охраны у нас тут отродясь не имелось. Кого и от чего охранять? Тролли, конечно, признаны существами опасными. Но уж не настолько они тупые, чтоб на других кидаться. Да и нет тут никого, кроме их самих и меня. Охотники, разве что? Косуль у нас прорва, лисы встречаются. А зимой и волки шалют.

— Значит, охотники бывают, — делая мысленную пометку, повторил Алекс.

Егерь кивнул.

— Хотя, может, заборы бы здесь и пригодились, — с неожиданной злостью выпалил он. — Только не для того, чтобы не впускать, а чтоб не выпускать! Повадились шляться, сволочи. Я им в морду, а они снова лезут. Хоть ноги им выдирай, паразитам!

А это, видимо, в местном зрителе здоровый медицинский цинизм проснулся.

— Это вы про кого сейчас? — осторожно поинтересовался детектив.

— Да про цирковых! — в сердцах, как ругательство, выпалил егерь. — Как их назвать? Рекрутами что ли? В общем, сманивают молодняк. Расписывают красивую жизнь в цивилизации и сманивают. А потом «благородной публике», как уродов показывают. Со взрослых по пять медных монет, а бабам и детям по три. Ясно дело, что ни одна такая карьера добром не кончилась! Старшие-то пытаются не пускать, да когда и где молодежь умных советов слушала? Если интересно, у Гры сами об этом и спросите.

— А Гры — это?..

— Ну, вроде как старейшина он у местного племени — самый старей, самый умный. Я как вашу телеграмму вчера получил, так с ним и поговорил. Он, вроде, согласился встретиться. Правда, троллей-то не всегда поймёшь. Когда у них «да» — это да, а когда «может быть» или вовсе «не знаю». Точно, как у детишек или барышень. Но они и сами как дети.

— Хорошо, что не как барышни, — буркнул себе под нос Росс и добавил, уже гораздо громче. — А как я с ним общаться буду? Они жестами объясняются или вы переведёте?

— Да как со мной изъясняетесь, так и с ним сможете. Да вон он, уже ждет нас, — егерь указал кнутом, который в руках держал, видимо, для антуража, в сторону.

Сначала Росс принял тролля за особо причудливый валун. Потом разглядел, что камень, вроде как, не один, а два их: на большой и плоский стоймя зачем-то поставили поменьше, но рельефный. Пришлось глаза напрячь, чтобы рассмотреть живое существо.

Всё-таки, Алекс егерю льстил. Не так уж сильно он и на тролля-то походил. В реальности великан действительно оказался парнем рослым — головы на три, а то и четыре, выше самого детектива. С серой, как будто шелушащейся или покрытой мелкими чешуйками

кожей и физиономией задумчивой обезьяны. Впрочем, и сидел старейшина в позе мыслителя, подперев могучий подбородок кулаком и локтём упиравсь в колено.

Из одежды на Гры имелись только грязноватые, но с кокетливыми оборочками, дамские панталоны. Росса поразили не столько факт наличия подобной детали, сколько размер белья.

— Просветительскую работы я среди них веду, — смутился егерь. — Объясняю, что голыми ходить неприлично. Некоторые проникаются. Ну а одежда... так что достанут.

Альв понятиливо кивнул и лихо выпрыгнул из ландо. Встал, опираясь на трость, и поправил цилиндр. Честно говоря, как начинать разговор с этим существом, детектив понятия не имел.

— Добрый день, меня зовут Алекс Росс. Я приехал...

— Зло, — ответил тролль голосом, больше смахивающим на рык пещерного медведя. Почему именно пещерного, альв и сам бы не взялся сформулировать. — Зло ходить лес. Зло ждать тролль. Зло убивать тролль и оставлять мясо. Тролль бояться зла.

Видимо, склонений, падежей и времён Гры не признавал как факт. Да и говорил он размеренно, с расстановкой и равными паузами между словами. Собственно, как этого от камня или существа, на него похожего, и ожидаешь. Может быть, с «псевдоразумностью» ученые мужи и поторопились, но и гениями мысли тролли явно не были.

— Тролль боится зло больше альв, — добавил вдруг Гры и, поднявшись, проворно скрылся за деревьями.

Алексу потребовалась пара секунд, чтобы осознать: кажется, это сейчас сарказм прозвучал.

— Надо же, а я и не знал, что тут такие дела творятся, — задумчиво протянул егерь. — Когда телеграмму вашу получил, думал, опять в Элизии напутали что-то.

— Я так понимаю, что аудиенция окончена? — растерянно предположил Росс. — А продолжить её никак нельзя?

— Ну, я спрошу, конечно. Но пока вас явно видеть не хотят.

Всё же, не зря Мастерс утверждал, будто работа детектива на девяносто процентов состоит из тренировки выдержки и мышц ног. На девять из результатов, доказывающих, что ты дурак. И только один процент оборотень отводил на ценную информацию.

Приходилось признать, что и Рон бывает прав.

* * *

Мастерс красовался. Ну, вот просто красовался и всё. Шёл себе, словно прогуливаясь, да ещё невесть где прихваченной веточкой помахивал. Разве что не насвистывал. Но шёл оборотень вполне целеустремлённо. Приходилось верить: он знал, куда направляется.

Самое странное — Каро это не злило. За работу с давным-давно высохшей тряпкой и определением крови именно дварфа она заслужила от оборотня похвалу. Вполне заслуженную, между прочим. Все манипуляции теург проделала легко и изящно, тоже не без показухи. Напугав явлением эфирного образа господина Кархара, а попросту говоря его призрака, хозяйку кабака едва не до икоты. Так что Рон имел право на собственную порцию профессионального шика.

— И как ты тут чего-то чувствовать можешь? По-моему воняет только какой-то дрянью! — проворчала Курой, брезгливо косясь на очередную грудку неопределимого, но

ужасно противно выглядящего хлама под забором очередной лачуги.

Ни в этом, ни в ему подобных районах теург еще никогда не бывала. И лишь сейчас осознала, насколько ошибалась в понимании определения «трущобы». Тут просто не имелось домов выше двух этажей. Никаких тебе многоквартирных зданий — только жалкие коробки-лачуги. А собирали их, по всей видимости, из всего, что на свалке найдётся: доски так доски, старые ящики так старые ящики, картон так картон.

Некоторые, вероятно, особо зажиточные, дома огораживали заборы, сколоченные по тому же принципу: штакетник, который внезапно переходил в металлическую сетку. Но через пару шагов рабица заканчивалась, а начинались хлипкие, полусгнившие доски, даже не прибитые, а приваленные друг к другу.

Кое-где за такими заборами мокли под унылым дождем жалкие огородики. Но таких тут имелось немного. Видимо, местные жители не утруждали себя заботами о хлебе насущном.

— Детка, ну ты же знаешь: на самом деле я не запах чую, а просто так потоки идентифицирую. Про обострённое обоняние врут всё, — несколько свысока отозвался Мастерс. Правда, тут же и добавил, смягчая свой снобизм. — Но без тебя я этого дварфа никогда бы не нашёл. Точнее, нашёл, в конце концов. Но проверять бы мне пришлось всех, кем тряпка пахнет. А к ней, боюсь, многие руки успели приложить.

Таким образом, комплименты профессионализму напарника стали обоюдными. И вполне можно было мирно сосуществовать дальше.

Точнее, можно бы было мирно сосуществовать дальше, не испортить всё, понятно, Рон. Его не остановило даже то, что Курой благородно пропустила очередную «детку» мимо ушей.

— Слушай, Каро, а у тебя грудь какая? — ненавязчиво так поинтересовался оборотень.

Теургу даже показалось, что она ослышалась. Девушка недоверчиво покосилась на Мастерса, но тот, к сожалению, ухмылялся в своей обычной наглой манере, косвенно подтверждая: нет, галлюцинациями Курой по-прежнему не страдает.

— Ну, грудь, — не дождавшись ответа, пояснил Рон, да еще и руками продемонстрировал нечто такое, описав полукруги от собственных плеч до пояса. — Я имею в виду форму. А то под этим корсетом и не разберёшь ничего. Понимаешь, у меня есть теория, что характер женщины можно определить по форме груди. Вот я и хочу узнать, какая ты есть, а какой прикидываешься.

В жизни Каро уже бывали случаи, когда она не сразу находила, что ответить. Но вот онемела девушка впервые. Даже неопределённых звуков не могла выдать.

— Вот, например, есть яблочки. Такие небольшие, кругленькие и крепенькие, — как ни в чём не бывало, продолжал рассуждать оборотень. — Обычно у их обладательниц характер лёгкий, смешливые они. И без особых претензий. А вот от дыnek лучше держаться подальше — ревностью замучают. Но хуже всего это уши спаниеля. Стервы, зануды и чаще всего ещё и ханжи. Ну же, давай, у тебя что? Можешь не говорить, а ладошками показать.

— У меня груди нет! — выпалила девушка.

И только потом осознала, что ляпать такое не стоило.

— Ну, ты на себя наговариваешь, — осклабился Мастерс, внимательно разглядывая торс теурга. — Что-то точно есть. Значит, абрикосики. Тоже неплохо. Обычно такие дамочки оказываются в постели ещё теми штучками.

— Да как ты... Да как у тебя... Да я... — Каро задохнулась, не в силах договорить ни одной фразы до конца. — Да я тебе по роже сейчас как дам! Специально бесишь?

Уж лучше бы она молчала. Или действительно дала наглому оборотню пощечину. Ну, или, на крайний случай, в обморок упала. Именно так поступают хорошо воспитанные барышни, а не употребляют слова «рожа» и уж тем более не интересуются, специально ли их бесят.

— Ага, — осклабился детектив еще гаже, — специально. Просто ты, когда серьезная, у тебя мордочка становится постной аж жуть. Хотя сейчас проповеди читай. Проще надо быть, Каро. И окружающие к тебе потянутся. Ты же нормальная девчонка! Только зашнуровала себя, как вот в этот самый корсет. Зачем? Кстати, мы пришли. Тут этим дварфом всё провоняло.

Курой дышала, как загнанная лошадь. Так, что вышеозначенный корсет ей в рёбра впивался. Но симметричного ответа найти так и не сумела. Поэтому просто развернулась на каблуках и двинула к лачуге, на которую указал Рон.

— Стой! — придержал её Мастерс за плечо. — Куда ты лезешь? А если он на тебя с ножом пойдёт?

— Хватит меня учить! — прошипела теург, сама того не замечая, оскалив клычки. — Разберусь, не маленькая! А ты иди дальше... груди классифицируй!

Курой вывернулась из-под ладони оборотня и едва ли не побежала вперёд, уже даже и дороги не разбирая.

К несчастью, ножа под рукой разыскиваемого детективами Нирго Кархар не оказалось. А, может, он лежал слишком далеко или дварф считал холодное оружие малоэффективным. Так или иначе, но крышка ящика, такого, для гвоздей, что в скобяных лавках используют, а тут заменяющая окно, откинулась, ударившись о стену. Девушка только и заметила что-то продолговатое и блеснувшее чёрным. Хотя, вроде, этот цвет в принципе блеснуть не может. Но понять, что, собственно, она увидела, теургу не дали. Уже в следующий миг Каро сбило с ног и вдавило в грязь дикой тяжестью. Курой открыла рот, но только жидкой грязи зачерпнула. И громкий — какой-то неправдоподобно громкий — хлопок рванул барабанные перепонки. И то, что впечатывало теурга в землю, дёрнулось, будто содрогнулось.

И тут же она оказалась свободной — тяжесть куда-то подевалась. Каро приподнялась на руках, но увидела только спину мчавшегося к дому оборотня. Причём бежал он странно: длинными, недоступными нормальному существу прыжками. И почему-то зигзагами.

— Живым не возьмешь, сволота! — рявкнул кто-то. — Всех порешу!

И опять оглушительно грохнуло. Кажется, это на землю небо обрушилось.

* * *

Каро мелкими плоточками прихлёбывала обжигающе горячий чай, обхватив армейскую жестяную кружку обеими ладонями. В нормальной бы ситуации она такую и взять не смогла — металл действительно обжигал. Но сейчас девушке казалось, что посуда чуть тёплая. Хотя озноб уже и проходить начал. Спасибо Алексу и пледу, который он непонятно откуда достал.

— Нет, я всё понимаю! — ворчал Яте занудливо, как большой шмель, бинтуя Мастерсу плечо. — Укорачиваться от пуль — это недостаточно героично. Гораздо эффективнее ловить их собственным телом. Но, может, хватит на барышень впечатление производить, а? Мне надоело тебя штопать.

— Всего-то пара стежков, — отмахнулся от него оборотень, точно так же как теург,

маленькими глотками и из жестяной кружки, прихлёбывая коньяк. — По мяготи царапнуло.

— А если бы не прошло? У тебя, между прочим, ещё и кости есть.

— Вот именно, есть. И, между прочим, довольно много. Подумаешь, одна попортилась...

Рон, конечно, геройствовал, хахалился и даже мускулами на голой груди поигрывал. Но госпожа Курой видела — даётся ему это нелегко. Уж слишком напряжёнными были жилы на шее. Да и зубы он стискивал так, что нижняя челюсть становилась совсем квадратной. Тегу бы уйти и дать медику спокойно закончить свою работу, но сил на это не хватало. Ноги как будто ватой набили. И в голове вместо мозгов оказалась такая же вата.

Собственно, она появилась не сейчас, а там, возле лачуги. Каро как будто совсем уж со стороны, словно и не из собственного тела наблюдала, как Рон скручивает в бараний рог коренастого, заросшего неухоженной бородищей до самых бровей дварфа. Как потом подталкивает его вместе с самой Каро, спеша куда-то. Девушка даже и не поняла, как они — все вместе — оказались на оживлённой улице и откуда взялся кэб. А вот в экипаже оборотень вдруг брякнулся в обморок. Ну, сознание Курой, кажется, последовало вслед за ним. Потому что прочухалась она только вот в этом кресле, под пледом и с кружкой чая в руках.

Правда, Мастерс утверждал, что она оборотня в агентство на себе затащила, как заправская сестра милосердия. Да ещё и умудрилась связанного дварфа впёред пинками гнать, при этом в голос рыдая. Конечно, «специалист» и наврёт — недорого возьмет. Но, слушая Рона, и Алекс улыбался как-то странно, а Яте назвал девушку «героиней». Правда, таким тоном, как будто поставил ей диагноз «умственно отсталая». Приходилось признать, что ради разнообразия детектив сказал правду.

Только сил от этого почему-то не прибавлялось.

— М-да, если уж тебя мои голые тела не возбудили, дело швах, — констатировал Мастерс, неловко, одной рукой, натягивая на себя рубашку. — Совсем мужики не интересуют, да?

Каро, так и не поняв, что он, собственно, спрашивает, помотала головой.

— Грустно! — постановил Мастерс и рывкнул куда-то в сторону так, что теург голову в плечи вжала. — Ал, ну что там?

— Зачем так орать? — спокойно поинтересовался альв, возникая на пороге собственного кабинета. — Я тугоухостью пока не страдаю.

— Да я думал, что ты далеко, — ничуть не смутился оборотень.

— Ты решил, будто я сам пошёл за полицией и пытался докричаться отсюда до участка? — предположил Алекс, педантично поправляя манжету. — Но за полицейскими я послал мальчишку. Так что, у нас есть полчаса на расспросы.

Мужчины, как по команде, развернулись, уставившись куда-то в угол. Каро тоже вытянула шею, пытаясь выглянуть из-за их спин. Хотя, сидя в кресле это сделать было и непросто. Но встать девушке и в голову не пришло.

А в углу обнаружился тот самый связанный дварф, имя которого теург напрочь забыла. Он почему-то сидел на корточках у стены, хотя свободных стульев в кабинете управляющего агентством хватало. Сидел, и злобно зыркал исподлобья, готовый, кажется, начать кусаться.

— Ну что же, уважаемый, поведайте нам о ваших сложных взаимоотношениях с господином Горхом, — предложил Алекс, присаживаясь на край стола.

Странно, но преступник его прекрасно понял. В отличие от «золоторя», хотя Каро

выражалась и вполонину не так витиевато. То ли Росс сам по себе говорил доходчивее, то ли дварфы умнели с годами.

— Да чего там балакать-то? — угрюмо переспросил господин Кархар — вот как его звали! — и, кажется, собирался сплюнуть на пол, но передумал. — Убью я его и все делов. Точнее, теперича-то я его вряд ли шпокну. Эх, не вовремя подоспели, шавки коповские. Не то обидно, что я галстучек пенъковый примерю. А то, что мне Горха у Предка подождать придётся. Тока я в высший суд всё едино верю, так и знайте! Воздастся ему, ой, воздастся!

— То есть, порчу вы на него наслали? — уточнил Росс.

— Чё? — изумился бородач и даже рот от удивления приоткрыл. Передних зубов в наличии не обнаружилось. — Чё я, баба иль как? Не, какая-токая порча? Драка была, да и тс не с ним. На убивство я покушался и умышлял. Да и других грехов на мне немало. Но вот порча — не. Так шлёпнуть желал. Пристрелить, как гниду!

— Кстати, откуда у тебя игрушка-то такая? — поинтересовался Рон, вертя в руках револьвер, показавшийся Каро просто огромным. — Армейская штучка.

— Да я ж последние-то двадцать лет, а то и поболее, золотой песок на Голде мыл, — вполне охотно пояснил дварф. — А там тебе всё, что душа пожелает достанут. Лишь бы монета водилась. Слыхали, небось, как Горх-то меня прокинул? Ну, вот. Помыкался я тут, помыкался. А там мне умные и подсказали: езжай, мол, на Голду. Разбогатеешь! Куда там!

Бородач криво усмехнулся и снова едва удержался, чтобы не сплюнуть.

— Не, поначалу-то дела пошли. Не сразу, а годика через три так, но пошли. Я дажить помощников нанял. Потом оженился, остепенился. Дитёнок у меня родился. А там... — он мотнул головой как-то обречённо. Год от года всё хуже и хуже. Баба от меня сбёгла и сынка прихватила. Дом я снова заклал и не выкупил. Ну, чего уж...

Вроде бы, и жалеть дварфа было не за что. Ну, сам же своими руками таких дел наворотил! И жена с ребёнком наверняка от него сбежали не только потому, что деньги кончились. А вот, поди ты, Каро вполне искренне его жалела. Уж больно жизнь какая-то у мужика нескладная. За что не возьмется — всё разваливается. Кто в этом виноват? Он сам или высшие силы?

И как сделать так, чтобы на его месте не оказаться?

— А тут до меня доходит, что Горх-то жирует, да как сыр в масле катается. И такая злоба обуяла, что аж в глазах темно. Ну, и думаю: со мной-то всё понятно, конченный я дварф. Да и к чему далее-то тянуть? Ведь любая ж собака живёт лучшее тебя. Но вот Горха я с собой прихвачу. Сам в петлю залезу, но и ему на своём горе пировать не дам! А вот как всё обернулось-то...

— Н-да, — хмыкнул Мастерс.

Без всякого веселья, впрочем, хмыкнул. А в приёмной уже грохотали подбитые гвоздями каблуки полицейских приставов.

Глава седьмая

Дома было как всегда, то есть холодно, промозгло и неудобно. Естественно, это обстоятельство настроения не улучшило. И Каро, бесцельно побродив из угла в угол, решила с меланхолией нещадно бороться. И в бой пошло самое тяжёлое оружие. Сбежав в булочную на углу, девушка притащила домой целый пакет потрясающе вкусных и возмутительно дорогих песочных корзиночек со всеми начинками, что в наличии имелись. По пути она заскочила в винную лавку, прихватив маленькую бутылочку хереса. Вообще-то, теург алкоголь недолюбливала, но рюмочка сладкого вина к пирожным — это то, что доктор прописал.

Вернувшись, она переделалась в старое и заслуженное шерстяное платье, которое уже, честно говоря, жало в груди да и щиколоток не прикрывало. Но оставалось мягким, тёплым, а оттого любимым. И, основательно подготовившись, Курой приступила к утешению себя, ненаглядной.

План провалился с громким треском. Херес оказался чересчур приторным, корзиночки в горло не лезли, а подол не прикрывал ноги, как его не натягивай. Оставалось только пойти повеситься с тоски и общего свинства этой жизни. Или лечь спать. Но ни того, ни другого делать не хотелось.

Стук в дверь показался девушке гонгом, возвещающим о спасении. Причём Каро прекрасно знала, кто это к ней завалился так вовремя. Или не вовремя? В общем-то, в гости его не приглашали. Да и посещать по вечерам незамужних девиц привычка дурная.

— И чего тебе опять надо? — поинтересовалась теург, открывая.

— Я тоже рад тебя видеть, — сообщил ей Мастерс, протискиваясь в дверь боком. Нормально перемещаться он не мог, так как прижимал к животу здоровенный бумажный пакет и круглую картонку. — Настроение что-то поганое. Вот я и решил: дай, думаю, к Каро зайду. Может, она меня утешит?

— Могу предложить на выбор сковородку, кочергу и уют, — предложила отзывчивая Курой.

— То есть, дружеского участия и совместного рыдания над несправедливостью судьбы мне ждать не стоит? — уточнил оборотень, по-хозяйски шлёпая на кухню. — Ладно, придётся справляться своими силами. О, я смотрю, ты уже начала без меня? А ты знаешь, что возлияния в одиночку — это прямой путь к зависимости? А пьющая мать — горе в семье.

— Это херес! — возмутилась Курой.

— Вижу, что не коньяк. И как вы только пьёте эту гадость? Кстати, это тебе, — Рон швырнул в Каро картонкой, будто она ничего не весила.

Девушка механически поймала коробку, иначе бы она теургу в лицо угодила — метал оборотень весьма метко. Кстати, картонка действительно оказалась странно лёгкой, словно пустая была.

— И что там? — подозрительно поинтересовалась девушка, ожидая от детектива любой пакости.

— Да ты открой и посмотри, — посоветовал оборотень, доставая из бумажного пакета свёртки, пахнущие едой.

Кажется, подкармливание одиноких и независимых вообще-то женщин у кого-то

начинало входить в привычку.

Курой ещё с минуту колебалась. Но, в конце концов, любопытство уложило гордость на лопатки. Девушка осторожно развязала ленту и, приподняв крышку на пару пальцев, заглянула внутрь. А там, в уютном гнездышке из рисовой бумаги, лежала шляпка. Светлая, почти белая, из шелковистого даже на вид фетра, с тёмными лентами и шикарным, вызывающе-розовым пером. Опиши девушке кто-нибудь это чудо словами — и она бы скривилась. Звучало это ужасно. А вот выглядело восхитительно. Вызывающе, но не вульгарно. Просто такую вещь могла бы носить только полностью уверенная в себе дама, не боящаяся привлекать внимание.

Каро боялась. До мокрых ладоней. Но руки сами собой потянулись доставать шляпку. Ну а какая женщина, достав, удержится от того, чтобы примерить? Вот и теург исключением не стала. На Мастерса она даже не глянула. И так знала, что мохнатая рожа ухмыляется. Просто подошла к зеркалу, висящему на стенке шкафа.

Шляпка шла невероятно. Пожалуй, Каро подобной вещицей никогда раньше не обладала. Затеиливый изгиб полей подчёркивал прямые, как крылья ласточки, брови, делая их ещё чернее. А колышущееся перо придавало лицу вид задорный и слегка хулиганский.

— Только не говори, что ты такие подарки не принимаешь, — буркнул Рон. — Считай это компенсаций за моё не слишком рыцарское поведение в отстойниках.

Теург задумчиво глянула на собственное отражение. Даже боком повернулась, чтобы оценить себя ещё и с этого ракурса. Вообще-то, предметы гардероба от мужчин принимать действительно не полагалось, но...

— И буду считать! — решительно заявила Каро. — В конце концов, это ты виноват, что я без головного убора осталась. Ну, остаётся только спасибо сказать.

— Так говори, — посоветовал Мастерс, крутя в руках большую бутылку в ивовой оплётке и почему-то даже не возражая против своей предполагаемой вины.

— А я уже сказала, — заявила девушка, завязывая под шиньоном, но чуть сбоку, кокетливый бант.

И неожиданно для самой себе показала оборотню язык. Всё-таки, наверное, не зря говорили, что розовое носят исключительно безголовые пустышки. Вот и под черепом у «серьёзного специалиста» неожиданно стал ветер насвистывать.

— Хватит на себя любоваться. Иди сюда, будем плохое настроение заливать.

— Шляпку я не сниму! — предупредила Курой.

— Да по мне хоть горшок сверху надень, — заверил её в своей лояльности Рон. — Вишнёвица от этого хуже не станет.

— А что это? — кивнула теург на бутылку.

— Я же говорю: вишнёвица. Вишнёвая настойка. Исключительно качественный продукт. Только местные ягоды, тростниковый сахар и чистейший спирт. Спирт я у Яте беру. Он его ещё как-то дополнительно очищает. Чего ты так смотришь? Нет, перед этим не использует. А настойку моя мама делает.

— У тебя есть мама? — тяжело поразились Каро.

— Не поверишь, есть, — кивнул Мастерс, выплёскивая из рюмки Курой херес и, не моя посуды, наливая густо-рубиновую жидкость. Себе он чашку из сушки достал. — Обратни тоже не почкованием размножаются. Точнее, матерей у меня теоретически аж две.

— Это как? — заинтересовалась теург, целиком засовывая в рот корзиночку с яичным кремом.

Как ни странно, под новую шляпку пирожные пошли отлично.

— Да просто, — довольно равнодушно отозвался Мастерс, строгая здоровенным, похожим на акулий плавник ножом, каких у Курой никогда и не водилось, ветчину. Куски у него получались тоже здоровые — солидные, толщиной с пару пальцев. — Жила-была девочка-оборотень. Ну, наверное, все же, оборотень, потому что других кровей я в себе не обнаружил. Пошла она как-то гулять, да и встретила красавца-моряка. Ну, любовь нечаянно нагрянет и всё такое. Папаша, видимо, в срок отбыл на уплывшем корабле. А мамаша меня в приют сдала. Где я и обретался лет до семи. Потом уж меня Мари к себе забрала. Она подрабатывала у нас ночной нянечкой.

— И ты даже не знаешь, кто твои родители? — тихо спросила Каро.

— Откуда бы? — пожал плечами Мастерс. — Ни прощального письма, ни фамильной драгоценности мамаша не оставила. Да и имя своё предпочла не называть.

— А про то, что отец моряк, откуда знаешь?

— Так моя сущность леопард. Много ты у нас тут пятнистых кошек видела? — подмигнул Рон, подавившейся после такого сообщения Курой. — Наверняка с кораблём откуда-нибудь с юга приплыл. Но ты не права. Своих родителей я прекрасно знаю. Точнее, маму. И, поверь, лучше её никого нет.

Слегка ошавев от такого потока информации теург, во все глаза смотрела на оборотня. Она и не подозревала, что в его кошачьей душе водится нечто сильно смахивающее на нежность.

* * *

— И всё-таки, кто это? — мотнул головой в сторону постели Мастерс, разливающий на удивление легко пьющуюся настойку.

Между прочим, это была уже вторая бутылка. Первая — абсолютно пустая — стояла у ножки стола.

— Где? — Каро обернулась, прищурившись на стену.

Предметы почему-то начали расплываться, а их контуры двоились. Из-за темноты, наверное. Просто кухоньку освещал только уличный фонарь за окном да пламя, видимое через щель между дверцей и стенкой титана.

— Да на портрете, — пояснил Рон.

— А-то ты не знаешь! — фыркнула теург, с удовольствием потягивая чуть сладковатую вишнёвицу. И закусывая её ветчиной — прямо от ломтя и без хлеба. Просто так вкуснее казалось. — Уж если ты мой адрес выяснить за ночь успел.

— Твой адрес я на конверте увидел, в котором ты Алексу письмо прислала, — признался оборотень. — А про этого я знаю только, что зовут его Григорий, он из рода Поющего Ветра, сын министра образования и социального развития. Издаёт журнал для джентльменов и является совладельцем «Времени Элизия». Помолвлен с леди Ариадной, свадьба назначена на весну. Заядлый охотник, не чурается карт. Любит сигары сорта «Глимерия». Любимый клуб — «Загородное общество любителей гольфа». Хотя сам в гольф не играет. Впрочем, в этом клубе в него никто не играет.

Рон нежно постучал надсадно кашляющую Курой по спине, едва не свалив девушку со стула.

— Что ж ты так жадно ветчину-то кусаешь? — посочувствовал он теургу. — Не торопись, никуда она от тебя не сбежит. Так кто это?

— Ты меня спрашиваешь? — прохрипела Каро, утирая слезы. — Я понятия не имею, какие он сигары курит и какой клуб считает любимым.

— Нет, я спрашиваю, кто он для тебя, — ласково, как малому ребёнку, пояснил Мастерс.

Теург открыла было рот, чтобы подробно объяснить назойливому оборотню, значение фразы: «Это не твоё дело!». А, заодно, и посоветовать отправиться куда-нибудь подальше.

— Да никто. И даже, заметь, не «уже никто». Он для меня никогда никем и не был, — вместо этого выдала девушка, на себя саму тихо изумляясь. — Точнее, это я для него никто.

— Если я всё правильно понимаю, то ты его считала всем? — сочувственно понизив голос, спросил Рон, подливая в пустую рюмку настойки.

— Смеёшься? — подозрительно прищурилась Курой.

— Ни секунды, — ответил Мастерс. А у самого глаза такие честные-честные, соболезующие-соболезующие. — Действительно просто хочу узнать.

— Да тебе-то это зачем?

Каро так расстроили нахлынувшие, хоть и несколько туманные, воспоминания, что она рюмку со стола только со второго раза смогла взять. В первый промахнулась.

— А тебе не кажется, что напарники должны друг про друга всю подноготную знать? Мы же напарники?

— Напарники, — кивнула теург, которой это слово неожиданно понравилось. А резоны оборотня показались весьма справедливыми. — Да тут и рассказывать особо нечего. Таких историй по медяку за мешок. Ну, приехала к нам как-то в колледж инспекционная проверка. Он там своего папашу сопровождал. Меня, естественно, гостям представили. Как же! Смотрите, какие мы прогрессивные! Девушек берём на обучение! Все как-то мгновенно забыли, что в год, когда я поступала, императорский указ вышел, чтобы девиц с блестящими аттестатами принимали без экзаменов. Просто в колледж я одна заявление и подала. Это вот в медицинский, я слышала, аж трёх зачислили.

Каро залпом допила вишнёвицу и опять глянула на Мастерса, проверяя, не смеётся ли. Нет, не смеялся. Слушал внимательно, подперев кулаком щеку.

— Ну а там... Как ты сказал? Любовь нечаянно нагрянет? Вот и нагрянула. На целых два с половиной месяца. Десять недель. Семьдесят дней... Ну, ты понял. Он говорил, что восхищён моей наивностью и чистотой. Что я настоящая и во мне нет фальши. Заметь, ни слова про мою неземную красоту и острый ум, — усмехнулась Курой, кивком благодаря за пополнившуюся посуду. — А дальше всё закономерно. Мне, наивной незабудке, сообщили, что в выходные со мной встретиться не смогут. Так как отбывают погостить в загородном поместье родителей невесты. Как-то раньше запомнил он упомянуть, что у него помолвка тремя годами ранее случилась. Знаешь, что дальше было?

— Примерно представляю, — дёрнул бровями Рон. — Но ты рассказывай.

— Да, пожалуйста! Оказывается, невесту он свою хоть и не любит, но безмерно уважает. Это милая, скромная, великолепно воспитанная и целомудренная леди. Понятно, что у меня таких достоинств и в помине нет. Особенно целомудренности. Да и не леди я. В общем, не смотря на мою чистоту и наивность, в качестве спутницы жизни меня никогда и не рассматривали. Со мной с превеликим удовольствием проводят время. Но теперь приятную практику придётся прекратить. Так как с женщинами, предъявляющими ему

претензии, лорд не общается. Собственно, всё. Он так и не понял, почему я не явилась на последнюю, особенно тщательно приготовленную им, встречу. Письмо мне написал, где подробно рассказал и о подготовке, и об обиде, и о непонимании.

— Ну, собственно, я всё понял, — кивнул Мастерс, заботливо наполняя рюмку и подкладывая новый кусок ветчины, с пристроенным сверху пирожным. — Кроме одного. Вот этого портрета. На кой он тебе?

— А, может, я так себе напоминаю, что мужикам верить не стоит? — Каро облокотилась о стол. Спина у неё устала. И отказывалась поддерживать тело в вертикальном положении, которое предательски норовило прилечь. — Думаешь, я не понимаю, чего тебе от меня надо?

— И чего мне от тебя надо? — усмехнулся оборотень.

— Всё того же! — Курой в сердцах ударила кулаком по столу. — Да и пожалуйста! Мне не жалко.

Она встала, ухватившись за столешницу — просто пол вдруг неожиданно покачнулся под ногами. Наверное, тоже от усталости. В смысле, притомилась сегодня девушка. Поэтому и подойти к детективу походкой роковой соблазнительницы не сумела. А просто плюхнулась на колени ошалевшему оборотню. Впрочем, теряться Каро не стала, обняла Мастерса за шею и впилась в его губы страстным поцелуем.

Как ни странно, но отвечать Рон не спешил. Кажется, он просто терпеливо переживал, когда у теурга приступ внезапно нахлынувшего бешенства пройдёт. Даже не обнял в ответ.

— Ты что, не хочешь? — обиделась соблазнительница, отстранившись.

— Хочу, — не стал отнекиваться Мастерс. — Просто если мы сейчас с тобой в постель завалимся, то утром ты об этом будешь очень сильно жалеть.

— А ты не будешь?

— Нет, детка, о таких вещах я обычно не жалею, — Рон щёлкнул девушку по носу и пересадил на её стул. — Поэтому, пока не слишком поздно, пойду-ка я, поищу их в других местах. А ты спать ложись, ладно? Порошки от головной боли в пакете, на дне. До завтра.

И, как ни в чём не бывало, встал и вышел. Даже одеваться не стал, только прихватил с вешалки куртку с кепкой. И вот как его после такого называть прикажите?

* * *

Смириться со своей участью Алексу было непросто. Но, к сожалению, совесть альва глодала. Несмотря на то, что он пытался её убедить в отсутствии достойного повода для каннибализма. Ну, подумай, сыну двадцать один исполняется! С их-то веком ещё раз двадцать по стольку же сравняется. Но уговоры самого себя закончились ничем, и Росс-таки поехал в дом, который, вроде бы, ему и принадлежал. Не для посещения светского приёма, понятно. Он на воскресение назначен был. Управляющий агентства просто решил поздравить отпрыска лично, тем самым исполнив родительский долг.

Участь его настигла в холле. Альв отдал трость, шляпу и перчатки лакею, довольно прохладно поприветствовавшему хозяина. И собирался уже подняться в собственную спальню, но тут на лестнице, между пролётами первого и второго этажа, объявилась она — как будто материализовалась точнёхонько посередине. Высокая, почти вровень Алексу, с идеальной, поистине королевской осанкой. Безукоризненное тёмно-синее платье, скромное

и элегантно, как и подобает порядочному домашнему наряду, предназначенному для вечерних часов, только подчёркивало эту идеальность. Пепельные волосы леди уложила в столь же скромную и безукоризненную причёску. В ушах ненавязчиво поблёскивали росинки бриллиантов. Шею украшала белая камея с чьим-то длинноносым профилем. В общем, хоть сейчас портреты пиши.

— Я рада, что вы, наконец-то, вспомнили о своём долге перед семьёй, — сообщила альва негромко, но весьма весомо, изящно положив ладонь на перила.

— Доброе вечер, леди Елена, — поклонился Алекс и, легко взбежав по ступенькам, поцеловал руку горячо обожаемой супруги.

Выпрямляясь, лорд убедился, что длинноносый профиль на украшении явно пытался изобразить его самого.

— Добрый вечер, господин Росс, — в голосе женщины при сильном желании можно было различить тень глубоко зарытого под толщей благопристойности сарказма.

— Так о каком долге вы изволили мне напомнить? — поинтересовался альв.

— О долге перед семьёй, — чётко и ясно ответила жена.

Желваки на лице Алекса заметно напряглись, но его голос оставался по-прежнему отстраненно-вежливым.

— О каком именно долге? Что конкретно сегодня я должен сделать? — тут же и поправился он.

Без подобного уточнения Елена вполне могла начать рассуждать о долге вообще и долгах перед семьёй в частности.

— Естественно, вы обязаны сопровождать меня на бал кронпринцессы, — ответила женщина, словно даже слегка удивившись его неосведомлённости.

Но только слегка. Она все делала слегка. Только мужа доводила до белого каления в полную силу.

— Сожалею, но вам придётся пойти без меня, — разочаровал её детектив. — На вечер у меня совершенно иные планы.

— Послушайте, я выходила замуж за лорда Александра не для того, чтобы появляться при дворе в одиночестве. И вы должны это осознавать! — попыталась воззвать к разуму вконец ополоумевшего муженька леди.

— Я сожалею, что обманул вас. Поверьте, когда с нами случилось это общее несчастье, я меньше других предполагал, что выходя замуж за лорда Александра, вы станете женой Алекса Росса.

— Никогда, вы слышите, никогда я не буду женой какого-то Росса, — слегка повысила голос альва.

Но ни смотря на общую ровность тона, сказано это было весьма решительно.

— Леди Елена, меня всегда поражало ваше умение отрицать очевидное, — Алекс, самым возмутительным образом нарушая этикет, пожал плечами. — Позвольте мне пройти. Иначе я вынужден буду быть грубым.

— Если бы вы хоть немного учитывали чужие желания, то ваш собственный сын никогда не был так далёк от вас, — чуть прищулив глаза цвета темной вишни, процедила супруга.

— Если бы я учитывал конкретно ваши желания, то никакого сына у меня вообще не было. Хотя порой я сомневаюсь в собственном отцовстве.

— У вас хватает низости намекать...

— О, Небесные Сферы! — Росс возвёл глаза к потолку, но ничего интереснее лепнины на нём не обнаружил. Впрочем, лепнина его тоже не слишком интересовала. — Мне и в голову не приходило подозревать вас в измене. Вы для этого слишком леди. По крайней мере, слишком для того, чтобы рожать детей не от мужа. Я считаю, что в зачатии Константина вам вообще посторонняя помощь не понадобилась — сами справились. Только зачем же вы от меня столь тщательно скрывали эту вашу удивительную способность? Тогда бы не пришлось делить со мной постель целых два месяца. А теперь, разрешите, все же, пройти.

— Позвольте узнать, куда вы направляетесь? — слегка побелев скулами, поинтересовалась альва.

— Для начала в собственную спальню, — любезно пояснил Росс, чувствуя, как любезность стремительно испаряется, прихватив с собой выдержку. — Я желал бы переодеться и привести себя в порядок, прежде чем встречусь с сыном. День выдался тяжёлым. И, боюсь, столь идеального лорда, как Константин, мой неприбранный вид может оскорбить.

— Я снова и снова убеждаюсь в том, что решение не подпускать вас к воспитанию ребёнка, было единственно правильным, — чуть сузила глаза Елена. — Ничему полезному он от вас научиться не мог. И вы абсолютно правы: мой сын совершенно на вас не похож. И этот факт меня неизменно радует.

Естественно, слово «мой» она подчеркнула так, чтобы Росс ни в коем случае не пропустил его мимо ушей. Но Алекс давно страдал избирательной тугоухостью.

— Помнится, меня не только к воспитанию, но и к нему самому не подпускали, — заметил альв. — Впрочем, в последнее время я тоже рад этому факту. Не так сильно разочарование. А теперь, взаимно нарадовавшись, мы расстанемся или вы все-таки меня пропустите?

— Что вы делаете в этом доме, сударь? — тоном, способным заморозить и пингвинов, поинтересовались с верхней площадки. — Неужели вам недостаёт деликатности понять: никто вас видеть здесь не рад.

Постановку мизансцены Росс оценил. Наверху лестницы сын, точно посередине мать, и внизу... Ну, в общем кто-то ещё и внизу. Но, ради справедливости стоит отметить, что выглядел Константин действительно безупречно. Столь же идеальная, как и у родительницы, осанка. Костюм без единого изъяна — Росс в своём изрядно помявшемся за день сюртуке немедленно почувствовал себя уличным попрошайкой. Белокурые, даже какие-то седоватые волосы уложены волосок к волоску. Тёмные глаза смотрят надменно и холодно. Кстати, рука тоже изящно покоится на перилах.

— Благодарю, что напомнили мне о приличиях, — небрежно поклонился Алекс. — Действительно, с деликатностью, да и вообще с душевной тонкостью у меня всегда наблюдались определённые проблемы. В своё оправдание могу сказать, что всего лишь хотел поздравить вас с совершеннолетием. И передать бумаги, дающие вам право самостоятельно распоряжаться этим домом, нашим поместьем и суммами, которые выделяет из фамильного состояния ваш дед. Но поскольку я тут персона нон-грата, то прошу меня извинить. А за сим, пожалуй, я и откланяюсь.

Росс жестом дал понять замершему сусликом лакею, подать шляпу.

— Подождите, Александр! — отмерла супруга. — Такие вопросы в холле обсуждать неприлично.

— Полностью с вами согласен, — детектив, в знак прощания, приподнял цилиндр. — Поэтому мы их вообще обсуждать не будем. Желаю счастливо оставаться.

Всё-таки, чистой и не замутнённой личными принципами натуры альва в нём имелось предостаточно. По крайней мере, на мстительность, пусть и довольно мелкую, её хватало.

* * *

В ангаре, который когда-то был складом для хлопка при давно заброшенной прядильной фабричке, до сих пор пахло ватой и пылью. Но это если принуться или лечь ничком на пол, почти сунув нос в щель между разошедшимися досками. Гораздо сильнее тут воняло кровью, потом и азартом. Последним, пожалуй, больше, чем всем остальным вместе взятым.

Толпа, окружившая выгороженный прямоугольник, бесновалась. Зрители здорово походили на единый организм — эдакую громадную гориллу, неистовствующую в приступе бешенства. Тупую, машущую руками, брызгающую слюной, тарасившую белёсые глаза перевозбуждённую обезьяну.

И с каждым ударом Большого Ныга, вбивающего в пол незадачливого новичка, решившего, что умение боксировать гораздо важнее тупой силы, рёв толпы становился всё оглушительнее. Настолько, что ни малейших сомнений в наличии у хозяина боёв волосатой лапы в полиции не оставалось. Пожалуй, при желании, вопли и в центральном управлении могли бы слышать. Но, ключевые слова тут «при желании». Его-то бравым защитникам правопорядка и не доставало.

Нет, кулачные бои, как и тотализаторы в Элизии никто не запрещал. Наоборот, такие мероприятия даже поощрялись, так как налог на доход с них доходил до сорока процентов. Но имелось одно существенное ограничение: ни калечить, ни тем более убивать противников нельзя ни при каких обстоятельствах. Государство ревностно охраняло свою монополию на право жизнь отбирать. А что это за бои, где нет фонтанов крови, хруста костей и выбитых зубов? Так, развлечение для детишек. Поэтому вот такие склады и пользовались неизменной популярностью.

— Готов? — поинтересовался распорядитель боёв, папаша Рух, выпустив прямо в лицо Яте клубы вонючего сигарного дыма.

Курой, тщательно бинтовавший кулаки, медленно поднял голову, глядя на — кто бы сомневался! — дварфа исподлобья. Распорядитель тут же понял свою ошибку и замахал руками, словно ветряная мельница.

— Прощу пардону, — извинился папаша. — Я чего спросить-то хотел. Может, ты сегодня, всё-таки ляжешь, а? Ну, не интересно же совсем! На бой ставки идут двадцать к одному. Зрители скучают.

— Я не шлюха, — буркнул Яте.

— Да кто спорит! Но такие же бабки зазря пропадают! Ну, Тег, сам подумай...

На подпольных аренах его так звали — Жалящий Тег. Прозвище Курой не сам себе выбирал — папаша, кажется, и придумал. За манеру боя. В Элизии больше уважали бокс или просто борьбу «в облапку». Искусство же Островов тут никто и не видел. Яте бы его тоже не видел. Много ли ему, мальчишке, отец успел передать? Спасибо Рону с Алексом, поднатаскали.

— Ну, нет так нет, — не стал спорить Рух.

Ещё бы он спорил. Конечно, на боях Тега большого куша дварф сорвать не мог. Но народ просто валом валил именно на этого бойца, а на арену он выходил нечасто. Так что, пусть его вместе с придурями. Не хочет деньги зарабатывать — на других наваримся.

— Я против тебя сегодня Варвара выставил. Возражений нет?

Яте только плечами пожал. Ему хоть варвар, хоть просвещённый — всё едино. Тег гораздо больше противника сам бой интересовал. Даже и не бой, а его окончание. Дрался Курой, словно в шахматы играл — холодно, сторожко, расчётливо. Ещё при выходе на арену успевая прикинуть собственные преимущества и недостатки противника. Правда, чаще всего они были одними и теми же. Организаторы обожали ставить в пару к низкорослому, жилистому Тегу эдаких громил два на восемь.

В общем, бой — это не слишком интересно. А вот его окончание дело другое. Когда боец уже валяется на полу и появляется возможность не бить — лупить. Со всёй дури, без всякой системы, но выплёскивая из себя ярость. Пока руки поднимаются, пока охранники не оттащат. А они обычно не спешили. Зрителям как раз такое зрелище подавай. Что там грузный Ныг, уминающий дохлого новичка, как тесто? Вот бешеный, воющий, скалящийся тег, голыми руками не добивающий, а убивающий — это да, это зрелище!

Странно, но количество желающих выйти с Яте на ринг почему-то не уменьшалось. Видимо, не все относились к делу с его подходом. А куш для победителя действительно обещал быть большим.

Но и сегодня чуда не случилось. Варвар, оказавшийся чудовищно сильным, тупым и неповоротливым орком, в первый раз прилёг отдохнуть всего спустя полторы минуты. Правда, быстро встал — ему стоило поблагодарить родителей за прочный, как камень, череп. Но и он бойцу не помог. Яте получил-таки свою разрядку. Да ещё и охранника, пытающегося его оттащить от окровавленной туши, в нокаут отправил. Просто он чем-то неуловимо походил на того младшего инспектора, который медика с лестницы спустил. Но охрана на него не обижалась. В азарте чего только не сделаешь. Да и платили им как раз за то, что они мордой рисковали.

Она подошла, когда Курой уже отдышался, вылил на себя ведро воды и сидел в уголке, медленно сжимая и разжимая в мясо разбитые кулаки. Мышцы наливались свинцовой усталостью, ныли и жаловались. Зато под рёбрами — там, где, говорят, душа обитает — было светло, пусто и идеально чисто. Яте чувствовал себя, как отдраенный стакан.

За этим он сюда и приходил.

— Вы всегда такой яростный? — поинтересовалась блондинка, водя пальчиком по пухлой нижней губе.

Не леди, но явно принадлежала к полусвету. Дорогая, очень дорогая кукла. И сюда наверняка пришла не одна. За себя такие платить не привыкли. Но иногда азарт и опасность заставляют отключить мозги.

— Через полчаса, — коротко приказал Яте. — Жди у заднего входа. Кеб найми.

Блондинка, судорожно вздохнув, облизнула губы. Таращась на тег глазами с расширенными, как у наркоманки, зрачками. Ни возражать, ни тем более возмущаться она не стала. Никто из них не возражал. Курой по опыту своему знал, что такой тон их заводит ещё сильнее. Хотя куда сильнее-то?

Вот и эта только молча кивнула, развернулась и пошла куда-то. Курой усмехнулся, ни минуты не сомневаясь, что она будет ждать там, где было велено.

Чистый стакан стоило немного и запачкать. А-то чересчур сверкающая посуда слишком

близка к идеалу. Которому в этом мире не место.

Не важно, что ты знаешь, важно, кто тебя знает.

Кто хоть день работал в коллективе, знает: нет ничего хуже производственных совещаний, на которых собравшимся нечего сказать. Начальство ждёт продуктивных мыслей и предложений. Подчинённые застенчиво жмутся по углам. Всё молчат, в том числе и начальство, с утра гением не осенённое. Мука и мытарство.

— Ну, хорошо, — раздражённо вздохнул Алекс, монотонно, как уставший дятел, постукивая указательным пальцем по столешнице. — Если уж никто не может предложить, куда стоит немедленно нестись, давайте тогда хоть бабки подобьём. Итак, в мастерской господина Горха две проблемы. Точнее, одна проблема и одна странность. Мы имеем проклятье, неизвестно кем, неизвестно на кого и неизвестно зачем наложенное.

— Так это уже и не проблема, — ляпнула Каро.

У девушки болела голова, желудок, совесть и чувство собственного достоинства. И всё это вместе очень мешало соображать. Вот и сказанула неподумавши.

— И почему же это не проблема? — приподнял бровь альв.

Теург поёжилась, задвигаясь глубже в кресло. Ей показалось, что господин управляющий видит свою подчинённую насквозь и без всякой лупы. И картинка ему категорически не нравится. Осуждает он увиденное прямо скажем. И непонятно, что ему больше не по вкусу пришлось. То, что «серьёзный специалист» и «воспитанная девушка» пьянствует со всякими оборотнями, как какая-нибудь... То ли что вышеупомянутая барышня вешается на мохнатую мускулистую шею как какая-нибудь. Впрочем, и то, и другое в равной степени заслуживало порицания.

— Так тот, кого проклинали, умер уже наверняка... — буркнула девушка, рисуя в блокноте скелет.

Кости явно принадлежали оборотню, правда, не слишком ясного происхождения.

— Это достоверные сведения?

— Это моя догадка, — ещё тише ответила Каро, старательно глядя в свои «записи». И краснея даже шеей. — У этого проклятья такая сила, что...

Для подбора удачного эпитета мыслительных ресурсов не хватило.

— Тогда мне остаётся признать, что догадка ваша неверна, — альв, как всегда внешне невозмутимый, над теургом явно издевался. А, может быть, даже и посмеивался. — Сегодня утром я заходил к нашему клиенту. По его словам ситуация осталась без изменений. В чаны продолжают... Кожи продолжают портиться. Но никто из входящих в дом не умер и даже не заболел. А по вашим же собственным словам проклятый и в доме, и в мастерской бывает часто.

На это у теурга возражений и вовсе никаких не нашлось. Да и могут ли у тени иметься какие-то возражения? А именно её Каро и пыталась изобразить собой.

— Итак, тут у нас тупик. Отработана идея с одним из возможных любовников жены Горха и его же старым врагом.

— Ну, это бритому ёжику было понятно, что версия провальная, — проворчал Рон, пребывающий в хмурой меланхолии и по этому поводу скучно подпирающий щеку ладонью.

Теург искоса глянула на него, но спросить так и не решилась.

— Что тебе, ёжик ты наш? — поинтересовался оборотень, в сторону девушки даже не повернувшись и уловив её недоумения не иначе как кончиками ушей, которые нервно подёргивались. — Почему провальная? Так сама же говорила, будто проклятый в доме разве что в подвал не заходил. А этот мститель в гостях у Горха лет тридцать не бывал.

Блокнот с неожиданно громким хлопком свалился с колен теурга. Каро, скривившись, полезла его доставать. Идея остаться под креслом показалась ей весьма заманчивой. А что? У неё и так что-то вечно падало. Да и, может, так она станет незаметнее.

— Нет, это не прихоть, не блажь и не ещё одна попытка утереть тебе нос, — всё тем же скучным тоном протянул Мастерс. — Просто необходимо проверять любые версии, даже самые маловероятные. Да и подозреваемый уж больно хорош. Старый друг, опустившаяся личность. Алкоголизм и жажда мести. Такие, чаще всего, молотком по башке и тюкают.

— Но у нас тут проклятье, а не проломленный череп, — напомнил Алекс. — Так или иначе, но это нам ничего не дало, кроме сомнительной благодарности полиции. Остался невыясненным вопрос, есть ли у жены господина Горха любовник или нет. Кстати, с ней вы так и не пообщались. Впрочем, не думаю, что сейчас это нужно делать. Не выяснена же и личность возлюбленного дочери. А ты, Рон, утверждаешь, что он есть.

— Есть-есть, — Мастерс потянулся в своём кресле, как будто происходящее его меньше всего интересовало. — Вас понял, господин капитан. Засада и слежка. Плавали, знаем.

Тут альв наградил Рона таким взглядом, что у Каро разом брякнулись и перо, и блокнот. Не потому, что у неё пальцы разжались или что-нибудь столь же романтическое. Просто дёрнулась теург. А как тут не дёргаться, если тёмно-голубые, просто-таки небесной синевы глаза Росса стали абсолютно чёрными? То есть вообще. Без радужки и зрачка — в щели век матовая чернота. И несколько затхлый воздух кабинета вдруг плотно толкнул в грудь, как будто девушка плашмя о стену ударилась — несильно, но чувствительно.

А вот оборотня отбросило вместе с креслом и распластало по спинке, как наколотую бабочку. Мастерс аж посинел и глаза выпучил, будто из него разом весь воздух выбили.

— И-извини... — через силу выдавил детектив.

— Это я прошу прощения, — повинился Алекс, педантично поправляя манжету. Стоило ему взгляд опустить, как воздух снова стал просто воздухом. — За несдержанность. Ты в порядке?

— В полном! — заверил его Рон, до хруста вывернув шею сначала в одну сторону, а потом в другую.

— Инцидент исчерпан, — подытожил Росс. — И да, ты всё правильно понял. Вы с госпожой Каро отправляетесь наблюдать за домом Горха.

— А я один никак? — с тоскливой обречённостью спросил оборотень.

Но на это управляющий даже ничего и отвечать не стал.

— У нас имеется ещё одна странность, — вместо заверений, что никак и начальственная воля не оспаривается, продолжил он. — А именно тролля кожа. Яте, сочувствую, но тебе придётся покинуть на время свою лабораторию и пройтись по магазинам. Мне нужно узнать, имеет ли она какую-либо особую ценность. Никогда не слышал, чтобы у неё имелись специфические свойства, но чем Седьмой не шутит? Если мы чего-то не знаем — не значит, что такого нет. Я, сам понимаешь, этого сделать не могу. Для альва и свиная щетина тут же золотой станет.

Каро ожидала вполне логичных возражений, будто хождение по магазинам — это женское дело. Но тег её удивил. Он просто молча кивнул. Видимо, тот, кто станцевал джигу

на физиономии эксперта, подарил ему и изрядную долю терпения. Правда, девушка сильно сомневалась, что пятнистое, с заплывшим глазом и лопнувшей на скуле кожей лицо медика сможет вызвать у приказчиков симпатию.

Но, в конце концов, это были не её проблемы.

— Ну а я попробую достать информацию по охотникам, промысляющим рядом с заповедником. Надо же с чего-то начинать? — завершил своё выступление управляющий.

Сотрудники, получившие ценные указания, покивали, обозначая свою готовность немедленно приступить к делу. Хотя воспламенённым указаниями не выглядел никто. В том числе и само начальство.

* * *

Алекс полицию Элизия любил ещё меньше Яте. Точнее, не всю полицию скопом, а её Главное Управление. В обычных-то отделах встречались действительно порядочные служаки, искренне верящие в то, что они делают. Ну, или не верящие, но и не халтурящие. Попадались экземпляры, которые даже взятки брали вполне умеренно, не выходя за рамки морали, и признания из подозреваемых выбивали кулаками, а не табуретом. Но в Управление такие анахронизмы не водились, вымерев ещё тогда, когда в окрестностях города драконы встречались.

Главное же Управление олицетворяло собой победу бюрократии над здравым смыслом. А вот этого Алекс терпеть не мог.

Росса тут знали и весьма неплохо. Но открыто, как, например, над заумным Курой, потешаться не решались. Всё же, альв. Это он сейчас упорно делает вид, что к лордам никакого касательства не имеет. А завтра, глядишь, и передумает. И чем тогда отольётся служащим их чувство юмора непонятно. Потому и улыбались, и кланялись приветственно, и шептаться начинали только тогда, когда детектив оказывался в другом конце коридора.

Правда кланялись так, будто их подагра разбила. Да и улыбки больше оскал паралитика напоминали. Но, наверное, полицейских стоило поблагодарить хотя бы за такой компромисс между снисходительной насмешкой и подхалимажем. В конце концов, Управление — не имперский театр. Откуда тут взяться блестящей игре?

Но благодарить кого бы то ни было за такое отношение к собственной персоне Алекс не спешил. Местную шушеру он презирал вполне открыто и своей позиции скрывать не собирался. Потому и в кабинет инспектора Гикорри он вломился, даже не постучавшись. И едва не стал виновником весьма неловкого падения следователя со стула. Просто спал светоч элизийской полиции, закинув скрещённые в щиколотках ноги на стол и сложив руки на груди. Притомился на службе, а отдыхать всем надо. А тут вламываются с грохотом! Не захочешь, упадёшь.

— Седьмой бы вас побрал, господин Росс! — рывкнул инспектор, разобравшись в собственных конечностях, в которых запутался спросонок, и поправив галстук. — Так и заикой стать недолго. Или вас вежливости не обучали?

— Обучали, — признался альв, обеими ладонями опираясь на трость, но проходить не спеша. — Только не думал, что у вас тут вежливость в чести.

— Гм... — инспектору хватило совести смутиться, — Да, понимаете, всю ночь с этим вашим дварфом провозились. Не поверите, за ним числится восемнадцать правонарушений!

И это мы с отделением на Голде ещё не связывались. Зато раскрыли одно убийство...

Гиккори смутился ещё больше и зачем-то полез в ящик собственного стола. При этом маша Россу, как сигнальный на мачте — флажков не хватало. Видимо, таким образом он приглашал проходить и располагаться.

— То есть, убийство-то, вроде, и раскрыли тому уж пять лет как, — невнятно поведал инспектор из-под столешницы. — Даже повесили там одного. Но теперь-то торжество справедливости и всё такое.

Алекс подумал и всё-таки присел на неудобный, колченогий стул. Правда, даже цилиндра снимать не стал.

Гиккори ему нравился. Местами. Насколько вообще может нравиться частному детективу государственный служака. Но хозяин кабинета действительно обладал талантами хорошего следователя. Вот только, к сожалению, мечтал сделать карьеру и выбиться в управленцы. Понятно, что для такого дела сыщицкие способности ни к чему.

А в их недопонимания с Яте Росс вообще не лез. Когда двое мужчин не поделили одну женщину, пусть и собирающуюся скрасить их одиночество всего на одну ночь, пусть и три года назад, третьему вступать — виноватым становится.

— В общем, мне вас поблагодарить стоит, — неожиданно закруглился инспектор, вылезая из-под стола и без всякой добычи.

Видимо, не нашёл он того, что искал.

— У вас есть хороший шанс, — заверил его Росс.

— На что? — не понял следователь.

Видимо, он действительно сегодня не выспался. Обычно Гиккори, особенно в таких делах, соображал куда быстрее.

— Поблагодарить, — невозмутимо ответил Алекс.

Инспектор поморщился. Не поморщился даже, а просто дрогнул усами-пёрышками, будто ему под нос что-то неприятно пахнущее сунули. И вправду, разница между «стоит отблагодарить» и «отблагодарить» огромная. Такие тонкости понимать надо. Особенно лорду.

— И чем я могу вам быть полезен? — кисло поинтересовался полицейский, нервно поправляя узел изрядно помятого галстука.

Он постоянно косился на белоснежный слегка подкрахмаленный шарф Алекса, завязанный под подбородком фантазийным бантом и подмигивающий глазком рубиновой булавки. Его собственный аксессуар, да к тому же не очень свежий, как раз и пытался повторить этот узел. Правда, не слишком успешно.

— Мне требуется от вас небольшая услуга. Действительно небольшая, — заверил его альв. — Всего лишь списки тех, кто получил в этом году лицензию на право охотиться в лесах, расположенных рядом с заповедником троллей.

Брови Гиккори дёрнулись, но хозяин тут же вернул их на место.

— Я так понимаю, что спрашивать зачем это вам, бесполезно? — протянул следователь, явно обдумывая своё. — Впрочем, как и спрашивать, почему вы не воспользуетесь собственными каналами. Ведь у них возможностей гораздо больше, чем у скромного служащего...

— Бесполезно, — оборвал его рассуждения Алекс.

Таким тоном оборвал, что полицейский словами подавился. Даже сглотнул нервно. Но на то он и талантливый карьерист, чтобы мгновенно подстраиваться под ситуацию.

— Да, достать эти списки я могу. Но это потребует некоторых усилий. И оплата помощью в поимке никому не нужного убийцы мне кажется недостаточно значительной, — заявил он довольно нагло, откидываясь на спинку кресла и сплетая руки на животе.

Алекс спокойно созерцал вид за окнами, демонстрирующими кусок серого хмурого неба и каменную стену в потёках, расчерченную квадратами узких зарешёченных окон — доследственную тюрьму.

— Мне говорили, что ваш эксперт... Как его там? Впрочем, неважно. Так вот, до меня доходили слухи, будто он по почерку может различить писавшего. Понимаете ли, у этого дварфа нашлись письма довольно интересного содержания. И мне хотелось, чтобы этот ваш тег хотя бы распределил их на группы — по авторству. Конечно, лучше если он что-то ещё сможет сказать.

Следователь выпрямился в кресле, барабанил пальцами по подлокотникам. Кажется, он вообще не мог сидеть в одной позе дольше минуты. Наверное, это суетливость его животной натуры так себя проявляла.

— Мой Как-его-там посмотрит эти бумаги, — заверил окно Росс. — И вполне возможно, что господин Не-помню-как-зовут сможет вам помочь. Насколько мне известно, Этот-без-имени разработал целую систему по графической экспертизе. И могу заверить вас прямо сейчас, что систематизировать письма по авторству Яте Курой сумеет совершенно точно.

— Ну, вот и договорились, — инспектор уже второй раз за встречу продемонстрировал свою способность смущаться и опять залез в ящик стола. Правда, теперь он появился с добычей — пачкой изрядно потрёпанных писем, перевязанных грязноватой атласной лентой. — Прошу.

Алекс покосился на верхний лист, несколько брезгливо взял стопку и равнодушно сунул её в карман.

На прощание альв изволил только небрежно поклониться.

* * *

В агентство Росс вошёл с несвойственной ему поспешностью. А попросту влетел, словно за ним сам Седьмой гнался. Даже входной дверью саданул об стену совсем в духе Мастерса.

— Ты ещё не ушёл? — бросил он Яте, который в этот момент как раз натягивал пальто.

— Собирался, — удивился ничему не удивляющийся тег. — Нужно было кое-какие дела закончить.

Впрочем, его изумление имело под собой серьёзные основания. Риторических высказываний, как и вопросов с очевидным ответом, Алекс не любил. И постоянно одёргивал Рона, который их обожал.

— Оставь, — крикнул альв из своего кабинета, громыхая дверцей сейфа. — Про кожу я сам узнаю. Для тебя есть задание поинтереснее.

Тег пожал плечами, хоть это получилось и не слишком ловко — сломанное ребро мешало двигаться свободно. Стянул пальто и, глянув на вешалку, решил, что результат усилий не стоит. Поэтому одежда осталась лежать на пустом секретарском столе. Зато и пыль со столешницы смахнул.

— Иди сюда! — позвал эксперта Росс.

Альв стоял, низко согнувшись, как складной метр, над собственным столом. И пристально изучал через лупу два листа бумаги, лежащие рядышком. Тег озадаченно почесал когтём висок, но все же подошёл к начальству, вопросительно уставившись на Алекса.

— Что ты на меня смотришь? — рыкнул управляющий, ткнув пальцем в бумагу. — Ты сюда смотри! Что скажешь?

— А что я должен сказать? — осторожно поинтересовался Яте.

— Кто у нас тут гений криминалистики? — раздражённо спросил Росс. — Ты мне, главное, скажи... Нет, сам сделай выводы, а то я тебе наподсказываю.

Алекс сунул лупу в руку Курой, за локоть отвёл эксперта к собственному креслу, надавил на плечо, заставляя тега сесть, и не обращая ни малейшего внимания на его болезненные мины.

— Работай! — распорядился альв и принялся мерить шагами кабинет, пытаюсь, кажется, испепелить взглядом ковёр.

Он уже почти умудрился тропинку протоптать, когда тег выпрямился, откладывая лупу.

— Я так понимаю, тебя интересовал вопрос, написаны ли оба письма одной рукой?

Вместо ответа альв странно дёрнул головой — снизу вверх.

— Ну, с уверенностью процентов в восемьдесят могу утверждать, что писала одна и та же женщина. Оставлю двадцать на возможность подделки. Очень хорошей подделки, — задумчиво водя подушечкой пальца по разбитой губе, начал рассуждать Яте. — Рискну предположить, что она альв со всеми вытекающими отсюда: воспитание, образование. Но перед тем как писала вот это письмо, — тег постучал когтём по листку, который выглядел чуть новее, — она довольно долго общалась с существами не своего круга. Много упрощений и даже сленговых выражений. Использует она их органично и без натуги.

— Она всегда их использовала органично и без натуги, — буркнул Росс, испытывающий, кажется, одновременно и досаду, и облегчение.

По крайней мере, лицо у него перекосилось странно.

— Ну, хорошо, — сдался Курой, не любящий не только риторические, но и обязательные вопросы. — И кто это?

— Ты о леди Ольге слышал? — тут же отозвался Росс.

— По всей видимости, должен был. Но нет, ничего такого не припомню.

— Что и странно, — заверил его Алекс, плюхаясь в кресло для посетителей и вытягивая ноги до середины кабинета. — Скандал, как его замять не пытались, знатный вышел. Хотя... Истории то уже лет семнадцать. Ты ещё в приюте был. Не думаю, что тебя интересовала политика и придворные сплетни.

— Правильно не думаешь, — подтвердил догадку Яте. — Не тяни. Что там за леди?

— Леди Ольга, — напомнил альв. — Племянница Консорта, дочь его младшего брата. То есть, личность известная. Прежде всего, своими развлечениями. Сам понимаешь, ей многое с рук сходило. В общем, её салон славился на весь Элизий. Эдакое сочетание картёжного дома с борделем. Леди называла свои вечера «На любой вкус». Действительно, вкус там могли удовлетворить любой, — Алекс брезгливо поморщился, — М-да... Не самое приятное место, но многим нравилось.

— В том числе тебе? — негромко уточнил Яте.

— В том числе, — не стал отнекиваться Росс. — Потом её в политику потянуло. Сторонников Ольга мгновенно нашла. Не то чтобы её взгляды многие разделяли. Но среди

парламентёров желающих подружиться с племянницей Консорта нашлось немало. Да и идеи интересные. Демократия, выборы, десегрегация^[10], право голосовать для всех... Молодёжь на такое потянуло.

— В том числе и тебя? — повторил Курой.

— В том числе, — как попугай, подтвердил альв. — Не скажу, что это с её подачи я уволился из армии и устроил скандал с отказом от рода. Но под влиянием идей, которые она проповедовала — это точно. Понимаешь, для нас всё серьёзно было, а она играла. Раньше секс с малолетками или, допустим, крысюками. Сегодня политические дебаты. Вчера наркотики, сегодня продвижение в парламенте закона о правах расменьшинств. На прошлой недели карточные ставки по сотне тысяч, а на следующей демонстрация в парламенте. Ну, ты понимаешь.

— Не очень, — признался медик, — никогда в парламенте не был. И чем всё закончилось?

— А закончилось всё очень забавно, — усмехнулся Алекс. — Ольга доигралась до заговора. До самого настоящего планирования государственного переворота. Они хотели ни много ни мало, а взорвать императрицу вместе с consortом.

— Неплохо, — оценил тег. — Заговор, естественно, раскрыли?

— Естественно. Когда до такого дошло, её сторонники наперегонки побежали идейную вдохновительницу сдавать.

— Надеюсь, ты в этом не участвовал?

— В забеге «Кто кого опередит» или вообще во всём этом маразме? — уточнил Росс. — Впрочем, к тому времени я не участвовал ни в том, ни в другом. Поумнел. Да и иными проблемами слегка занят был. Искал своё место в этой жизни. В общем, так или иначе, а такого даже племяннице Консорта не простили. Хотя, может всё так серьёзно завертелось, что дядя обиделся. И вправду, столько лет племянницу в зубах таскать, не успевая скандалы заминать, чтобы она тебя потом взрывать собралась.

— Но её так и не казнили ведь? Такую новость я бы точно мимо ушей не пропустил. Альвов в Элизии не каждый день казнят.

— Нет, не казнили, — покачал головой Росс. — Она исчезла. Просто исчезла и всё. В тюрьму её не сажали, держали под домашним арестом. И в одно прекрасное утро Ольги дома не оказалось. Поверь, искали её всерьёз. Это я точно знаю.

Курой кивнул, обозначая, что мнению начальства он полностью доверяет.

— И вот теперь, у какого-то никому неизвестного и, как правильно заметил Гикорри, никому ненужного дварфа находят записку, написанную её рукой. Изящное совпадение, не правда ли?

— Красиво, — оценил тег. — Только я бы не назвал это запиской, — он поднёс бумагу к глазам и без всякого выражения зачитал: «Не испортите дела! Иначе всё это кончится плохо. Прежде всего, для вас. И прекращайте лопать! Месть с пьяных глаз не творят!». Больше похоже на указания.

— Угу, — совсем не по-лордски буркнул Алекс. — Мстить наш мститель собирался только Горху. По крайней мере, нам он так сказал. А теперь вопрос на засыпку: что общего между кожевенником и политической преступницей?

— Так у мстителя и спроси, — пожал плечами тег.

— Спрошу, — согласился Росс. — Но не раньше, чем с ним закончит Гекорри. До этого счастливого момента меня никто к дварфу не пустит. Поэтому я пока поговорю с Горхом.

Эксперт снова кивнул, полностью соглашаясь с решением начальства. Тем более что начальство забыло самого медика нагрузить работой. А прежнее распоряжение было отменено.

И с чем тут не соглашаться?

* * *

Оказалось, что слежка — это крайне утомительное дело. Даже если и ведётся она во вполне комфортных условиях. Каро аж передёргивало, стоило ей подумать, что она могла сидеть не в относительно тёплой комнате, а на улице, под ледяным мерзко морозящим дождём.

Когда и как именно Мастерс успел договориться с владельцем крохотной дубильной мастерской, теург понятия не имела. Оборотень просто привёл её сюда и почтенный метр, почему-то довольно похабно ухмыляясь, протянул им ключи от сторожки у ворот.

— Что ты ему наплёл? — хмуро спросила девушка, не подозревая ничего хорошего.

— Тебе этого лучше не знать, детка, — усмехнулся Рон. — Просто радуйся тому, что у нас есть крыша над головой.

Каро и радовалась. Тем более что через подслеповатое от грязи окошко и навесы мастерской, и вход в дом господина Горха просматривались отлично.

У окна напарники сидели по очереди: полчасика оборотень, полчасика тегга. В свободное от поста время они занимали узкую скрипучую койку. Просто другой мебели тут не имелось: кровать и табурет у окошка. Хочешь лежи, а хочешь сиди. Полная свобода выбора.

Вот только само наблюдение оказалось невероятно скучным занятием. От нечего делать Каро даже принялась подсчитывать, кто и сколько раз прошёл. Монотонность только появление Алекса разбавило, да и то появился он уже ближе к ночи. Не в сторожке появился — прошёл в дом заказчика.

— Я ошибаюсь или желание навестить Горха он не озвучивал? — лениво поинтересовался Рон.

Теург, сидящая на койке, в ответ только плечами пожала.

— Сходи, спроси, — так же лениво ответила она.

Хотя эта ленивая расслабленность девушке давалась нелегко. Она одновременно дико боялась, что детектив начнёт обсуждать вчерашний вечер. И очень хотела подискутировать на эту тему. Даже целую речь заготовила. Продуманные аргументы сводились к одному: а ничего особенного и не произошло. Она свободная женщина, а он свободный мужчина. Каждый делает то, что он хочет.

Но Мастерс, как будто на зло, по этому поводу ни словом не обмолвился. Словно и вправду ничего не было.

— Слушай, а почему Алекс так разозлился, когда ты его капитаном назвал? — спросила Каро.

Просто так спросила. Просто потому, что тишина ей надоела.

Мастерс обернулся через плечо, глядя на девушку как-то странно. И молчал он довольно долго.

— А давай так, — предложил Рон. — Знаешь игру «Правда или ложь»? Сыграем?

— Зачем? — подозрительно прищурилась теург.

— Зачем играют? Скучно потому что, — логично пояснил оборотень. — Могу начать первым. Алекс терпеть не может, когда вспоминают о том, что он в армии был. Считает службу своим позором. Правда или ложь?

— А он служил? — удивилась Каро.

Как-то не вязался у неё образ педантичного альва с военным.

— Мы не беседуем, а играем, — напомнил Мастерс. — Так что?

— Правда, — подумав, согласилась тегга. — Уж слишком резко он отреагировал.

— Точно, — кивнул детектив. — Твоя очередь.

— Я девственница! — залихватски выпалила Каро, которую эта не к месту затеянная игра раздражала.

Да и желание объяснить, что в этом мире не существуют вещи, способные её смутить, начало зашкаливать.

— Ложь, — спокойно отозвался Рон, даже не глядя на девушку. — Я верю, что твой альв оценил чистоту и невинность. Но вряд ли он тебе исключительно стихи читал.

Курой сидела, пытаясь снова научиться дышать. У неё было полное ощущение, будто она только что смело шагнула в пропасть, а там ничего. Просто чёрный пол. Только нос расквасила. Не столько больно, сколько обидно.

— Ну, теперь я, — не обращая ни малейшего внимания на её реакции, продолжил оборотень. — Я участвовал в операции на Восточных Островах. Собственно, там мы семь лет оттрубили.

— Сколько ж тебе лет? — ахнула Каро.

— Я оборотень, детка, — хмыкнул Мастерс, — ты не отвлекайся. Так, правда или ложь?

— Правда, — буркнула Курой. — Могла бы и сама догадаться. Просто об этом не думала. И вот тебе факт: я терпеть не могу разговоры про тегов и Восточные острова. Никакие.

— И это правда, — усмехнулся Рон. — У нас просто намечается вечер откровений. Ладно, раз пошла такая пьянка... У меня никогда с женщиной не было отношений дольше, чем на неделю. Чаще на ночь.

— Почему? — не удержалась теург.

— Эй, малышка, у нас игра «Правда или ложь», а не «Вопрос-ответ». Так что скажешь?

На этот раз девушка задумалась надолго. С одной стороны, Мастерс и вёл себя, как мужчина, предпочитающий необременительные отношения. А, с другой, слишком уж настойчиво он это повторял. Зачем? Не затем ли, что просто прятался под маской эдакого ловеласа. Обычно так поступают те, кто, как это в романах говорится, прячет разбитое сердце. А почему нет?

— Ложь! — решительно тряхнула головой Курой.

— Промахнулась, — не без удовольствия сообщил детектив. — Чистая правда. Небось, придумала мне трагическую любовную историю, а? — он опять глянул на напарницу через плечо, — Не давай волю фантазии. Просто прагматичный подход к жизни. Ну, я тебя слушаю.

— Я вообще никаких отношений не хочу, — буркнула Каро. — Без этого жить проще.

— Пра-авда, — довольно протянул Рон, как будто теург перед ним миску сметаны поставила. — Мне нравится твоя честность. Дам-ка я тебе совет на правах опытного товарища. Старайся не врать. Вот так жить действительно проще. Не стоит переживать, что о тебе другие подумают. Какое тебе дело до их мнения? Те, кому ты дорога, примут любой.

А правду оценят. Даже неприятную.

— Обойдусь без советов старших товарищей, — огрызнулась теург, страдающая хронической аллергией на нравоучения.

— Тоже верно, — покладисто согласился Мастерс, — больше не буду. По крайней мере, пока сама не попросишь. Но мы отвлеклись. Моя очередь, да? Ты мне нравишься.

— В смысле?

— А какой тут может быть смысл? Как женщина нравишься. Ты гляди! В окно нашей дварфийке кто-то действительно лазает.

— Какой дварфийке? — не сразу переключилась ошарашенная Каро.

— Ну, судя по расположению окон, к дочке. Так, я на улицу, а ты оставайся здесь, наблюдай. Как обратно полезет, тоже выходи. Я снаружи ждать буду.

Курой кивнула, таращась в спину оборотня. Но, честно говоря, дварфийки с их ухажёрами девушку интересовали мало. Гораздо больше занимало другое: правда или ложь? Ну, и ещё одно: почему это её так волнует-то? Оборотно всё, что в юбке, нравится. Если, конечно, к юбке борода не прилагается.

На своих ошибках учатся, на чужих — преподают.

Будь Каро одна, она бы точно запуталась даже не в лабиринте, а в самой настоящей паутине ночных улиц, освещённых только жиденькой луной, едва пробивающейся из-за туч. Теургу и так приходилось нелегко. Девушка то и дело спотыкалась, оступаясь и оскальзываясь на мокрой, ничем не замощённой глине. И точно бы пропахала землю носом, не держись тегга за плечо Рона.

Мастерс что-то неразборчиво шипел себе под нос — судя по интонации, проклятья — но громко свои претензии навязанной ему липучкой не высказывал. А Курой уже почти стыдно было. Она чувствовала, как под старой курткой нервно подрагивают мышцы оборотня. Детектив явно рвался вперёд, да висющаяся на плече ноша не давала.

Никакого дварфа Каро, конечно, не видела. Собственно, она вообще ничего не видела, кроме подсвеченных зеленовато-жёлтым туч и коньков крыш. Да ещё в подворотнях и тупичках-переулках шевелились тени — темнее черноты. Но кто там обитал и что делал, теург только догадываться могла, да и то по звукам.

Ну, например, выворачиваемый наизнанку желудок сложно с чем-то спутать. Или женский стон. Хотя, вполне возможно, неосторожную проходную просто пырнули ножом и бросили истекать кровью — вот она и стонала. Но, скорее всего, в щели между двумя домами уличная проститутка клиента обслуживала, набивая себе цену и изображая страсть.

Но оборотень видел за двоих. И пёр вперёд с настойчивостью артиллерийского мерина, таща за собой девушку, как тот самый мерин пушку.

Свет вспыхнул резко, как будто в глаза кипятка плеснули. Каро показалось, что кирпичная стена дома впереди лопнула. И в щель хлынуло тёплое золотистое сияние, заставив жидкую грязь искриться, словно блёстки. Да ещё Мастерс шарахнулся назад, придавив теурга спиной к склизким камням.

Только проморгавшись девушка сообразила, что никто, естественно, не трескался. Просто дверь открылась. Плоский, будто из бумаги вырезанный, силуэт негромко переговорил с таким же, только раза в два больше — и дверь закрылась, оставив переулок наедине с темнотой и сыростью.

— Забавно... — негромко и задумчиво протянул Мастерс.

— Что? — раздражённо отозвалась Каро, пытаясь выползти из-под навалившегося на неё оборотня и при этом не собрать жакетом со стены всю слизь.

Ей происходящее забавным не казалось.

— Знаешь, куда наш дварфёнок пришёл?

— Конечно, знаю! — огрызнулась теург, безуспешно пытаясь стряхнуть с рукава грязь. Никакой грязи она не видела. Но в том, что одежда безнадёжно испачкана, не сомневалась. — Я все притоны Элизия знаю, как свои пять пальцев.

— Ну, это вряд ли. Тут играют и по крупному. Получается, в деле не только любовь, но ещё и деньги?

— Здесь играют? — не поверила тегга.

В её понимание карты — это море света, брильянты на дамах, переливающаяся магической радугой броская вывеска «Казино» и непременно темно-вишнёвые портьеры.

Тут же никакой вывески не было вообще. Да и в наличии у местных посетительниц бриллиантов теург серьёзно сомневалась.

— Ещё как играют, — хмыкнул детектив. — Тут иной раз такие ставки делают, что все крупные мадам Лю обрыдаются от зависти. Знаешь, какой процент от выигрыша платят в легальном казино?

— Да что ты заладил? — всё-таки, шёпотом ругаться — это очень неудобно. Неубедительно как-то. — Ничего я не знаю. Не можешь просто сказать?

— Могу, — заверил девушку Рон. — Так вот, по закону выигравший должен отчислить в казну тридцать процентов от полученного. Тут же, понятно, никто и медяка не платит. Вопрос в другом. Что с тобой-то делать? С собой тащить или тут оставлять?

Каро промолчала, никак не помогая детективу принять решение. Понятно, что одной оставаться в ночном переулке девушке не хотелось категорически. Да и интересно стало, как подпольное казино устроено, и кто туда ходит. Но не высказывать же свои пожелания вслух! С Мастерса станется, он ведь наоборот поступит — на зло.

— Идея, конечно, заманчивая, — задумчиво констатировал детектив. И хихикнул, зараза. — Да только избавляться от напарника таким способом слишком жестоко. Хотя, возможно, это не я от тебя, а ты город от парочки неприятных элементов избавишь. Ладно, со мной пойдёшь. Только тебя в порядок привести надо.

Курой хотела было сообщить, что, пожалуй, подобные места и непричёсанной посещать можно. Но тут гадский оборотень повёл себя совсем уж странно. Быстро — девушка и сказать-то ничего не успела — он развернул теурга к себе. Содрал с головы шляпку, судя по скрипу кожи, сунул её к себе под куртку. После чего самым наглým образом растрепал причёску тегги. А потом...

Ну, для описания того, что потом случилось, у Каро и вовсе слов не нашлось. Просто Мастерс, видимо окончательно свихнувшись, отодрал у подола юбки нижнюю оборку, укоротив наряд почти до щиколоток. Выдрал вместе с нитками верхние пуговицы жакета. И — апофеоз! — расстегнул блузку едва не до корсета. По крайней мере, сама Курой не была уверена, что единственный скромный бантик на сорочке теперь не виден.

— Ты чего делаешь? — от изумления позабыв понизить голос, тяжело изумилась Курой, пытаюсь стянуть воротник.

И даже не сообразив, что его-то можно просто застегнуть, в отличие от жакета.

— Обычно девочки не выглядят как серые мыши, — спокойно пояснил Рон, шлёпнув теурга по запястью, заставляя оставить одежду в покое. — А ты у нас проститутка.

— Я?!

— Ты-ты, не ори. Других женщин здесь не бывает. У тебя что по актёрскому мастерству было?

— Нам такое не преподавали... — растерянно пробормотала Курой.

— А зря, — посетовал Мастерс, нагло просовывая ладошку Каро себе под локоть. — Сейчас бы оно пригодилось. Всё, потом возмущаться будешь. Повисни на мне, что ли? И улыбайся как можно глупее. Улыбаться-то ты хотя бы умеешь?

— Умею, — буркнула девушка.

Впрочем, её ответа никто не ждал. Детектив уже барабанил в ту самую дверь, за которой скрылся дварф.

Странно, но створка тут же распахнулась, едва не задев оборотня. И на пороге нарисовался такой громила, каких Каро видеть ещё не доводилось. Она бы на месте хозяина

заведения подобное встречать гостей не поставила. Посетители же и разбежаться могут. Повизгивая от ужаса.

— Чё надо? — лаконично поинтересовался привратник.

— Да вот, дружок мой, Мормыш, сказал, что тут бьются^[11] по крупному и зары^[12] можно катануть. А мне как раз подфартило, при монете нынче. Так что, двигать^[13] я не собираюсь. Если, конечно, тут заманки^[14] нет, — выдал детектив, ловко, как фокусник, перекатывая по костяшкам пальцев монету.

— Ничё я про Мормыша иль как его там не слыхал, — прогудел вышибала, надёжно перегораживая дверь.

— Да ладно! — недоверчиво прищурился Мастерс. — И про Паука ничего не слышал? Мне их кликнуть, познакомить с тобой?

Такое предложение «привратник» не оценил. Он ещё раз изучающе оглядел Рона и девушку, не столько висящую на нём, сколько вцепившуюся в куртку. И сдвинулся чуть в сторону.

— Лады, проходите. Тока ты смотри, парень, я тебя...

Громила ткнул двумя скрюченными пальцами себя в глаза, потом указал «вилкой» на детектива и снова едва не загнал грязные ногти в собственные глазницы.

— Само собой, — безмятежно отозвался оборотень, бодро спускаясь по лестнице и волоча за собой Каро.

* * *

Игорный притон поражал. Да что там! Он с ног валил буквально с порога, прицельно долбя по всем органам чувств одновременно. Гул тут стоял, как на базаре. Даже выкрики слышались, словно торговки свой товар расхваливали. Правда, вместо: «Свежая рыба!» тут орал что-то непонятное, вроде: «Две девятки в паре!». От смеси табачного дыма, пота и перегара обоняние сразу ушло в нокаут. Глаза просто отказывались видеть. Наверное, именно такое освещение в царстве у Седьмого было: дикая смесь дымного полумрака с тусклыми огоньками закопчённых керосиновых ламп, которые добавляли к общей вони ещё и запахи перегретого металла. Ну а чувство прекрасного забилося в истерике при виде местных посетителей.

— И часто ты бываешь в таких местах? — ошарашенно просипела Каро, провожая глазами гоблина, который с рычанием утаскивал куда-то радостно визжащую нимфу.

Туерга поразил не сам факт утаскивания, а то, что дева дрыгала голыми ногами, взбивая юбку, и демонстрируя всему обществу отсутствие панталон. Кстати, сверху на ней тоже с одеждой дела грустно обстояли. Только тоненькая сорочка и даже без корсета.

На вопрос напарницы Мастерс только хмыкнул нечто неопределённое.

— Ты можешь себя вести естественно? — вместо подробностей о способах проведения своего досуга, спросил оборотень слегка раздражённо.

— Естественно — это так? — Курой, отправив правила приличия вслед за чувствами, ткнула пальцами в дивицу, пристроившуюся на коленях одного из игроков, сидящих за круглыми наспех сколоченными столами.

Кавалер, обративший на себя внимание тегги, обладал рожей, дающей чётко понять — свои дни он закончит на виселице. И случится это скоро. Обольстительница не обладала

ничем. То есть, торс у неё был абсолютно голым, а всё, что ниже располагалось, скрывал стол. И оба эти факта не мешали деве нежно лхнуть к своему избраннику, а тому её игнорировать.

— Послушай, сейчас не место и не время для лекций, — ещё раздражённое рыкнул Мастерс. — Но ещё неуместнее разглагольствовать о морали. Детка, ты уж реши и прямо сейчас: мы в детективов играем или в благовоспитанных девиц? Только я вряд ли смогу правдиво завизжать и упасть в обморок.

— И вовсе я не одеваюсь, как серая мышь, — логично огрызнулась Каро, чуть прищурившись, разглядывая толпу.

Теург хмыкнула и вдруг обмякла, провисла даже, уцепившись за локоть оборотня, прижавшись щёчкой к его бицепсу, а грудью к локтю. И захихикала.

— Ты чего? — обомлел Рон.

— Ой, малыш, ну ты как скажешь! Я вот прям щас юбку намочу, — придурочным голосом заявила Курой, умудряясь прихихикивать после каждого слова.

И ненавязчиво отдавив каблуком детективу ногу.

— Ты не переигрывай только, — прошипел Мастерс сквозь клыкастую улыбку. И, сволочь такая, перехватил девушку, приобняв за талию, а лапищу положив чуть ниже. — Ну что, пойдём, поищем нашего мальчика?

Оборотень подмигнул теургу и столь же ненавязчиво, как и она сама, оттянул пальцем край сорочки девушки, прихватив ещё и корсет, совсем уж неназойливо заглянув в декольте.

— Не переигрывай! — осклабилась в ответ Курой, игриво заехав детективу ладошкой по носу.

В ответ мохнатая сволочь сжал... Ну, то, на чём Каро обычно сидела. И так и поволок теурга в дымный полумрак.

Курой пребывала в твёрдой уверенности, что в этом филиале Подземья отыскать кого-то просто нереально. Вопреки всем представлениям о казино, тут, казалось, никто спокойно не сидит. И посетители не столько увлечены игрой, сколько выпивкой, хватанием друг друга за грудки и ором.

Но Мастерса словно нюх вёл. Хотя, может он оборотня и вёл, кто знает?

Паренька они нашли быстро. И то, что это именно нужный им тип, тегга определила без труда. Уж больно нелепо он выглядел. Эдакий приличный чистенький подмастерье, неуверенно мнуший в ладонях кепку и переминающийся на слишком больших, как ласты, ступнях. Обычный парнишка из тех, кого сами дварфы называли «справными». Что он забыл в подобном месте, оставалось только догадываться.

Рон ловко пристроился за спиной паренька, увлёкшись игрой за соседним столом. Только вот уши у него разве что назад не вывернулись.

— Да поймите вы меня, мастер Меченный, нету у меня денег. И взять мне их неоткуда, — гудел дварфёныш.

Досада, злость, подобострастие и униженность в его голосе смешались дивным коктейлем. От чего он и прыгал, то давая петуха, то съезжая на бас. Вот только на индивида, перед которым мялся мальчишка, это не производило ни малейшего впечатления. Ранее поименованный Меченный, расы которого Каро, как не косилась, разобрать не сумела, на парня даже и не смотрел, всё своё внимание отдавая картам.

Впрочем, в его случае такое поведение имело объяснение. Сложно следить сразу и за игрой, и за картами одним глазом. Вместо второго у господина имелся шрам, словно его

когда-то ткнули в лицо горячей головешкой. Или кислотой плеснули.

— Для тебя я мастер Рилл, — неохотно, цедя слова сквозь зубы, ответил действительно Меченный. — И ты сам деньги брал? Сам. Я тебя заставлял? Нет. Думал, как отдавать будешь? Не моя о том печаль. Чего ты сейчас хочешь?

— Я только об отсрочке прошу, — прогундосил дварф. — Чтоб на этой неделе половину, и на следующей половину. И чтоб проценты считались с этой же половины. Так справедливо будет.

— Вы слышали? — поинтересовался обожжённый тип. — Он меня ещё учит, как дела вести! Нет, ну вот я вас спрашиваю: куда мир катится? Не я ему, он мне денег должен. Не я к нему, он ко мне скулить приходит. Да ещё учит. Вот это справедливо?

Его партнёры по игре дружно согласились, что справедливость тут и не ночевала. Впрочем, согласились без особого восторга. Видимо, их положение позволяло не проявлять чрезмерный энтузиазм.

— Вот и я говорю: нету тут справедливости, — подытожил Меченный. — Эй, кто там? Грыз, что ли? Возьмите-ка это недоразумение и объясните ему, что со мной разговаривать стоит вежливо. Да долги отдавать вовремя. А ты объяснения мальчиков усваивай и впредь не хами.

Последнее наставление предназначалось для дварфа, стоявшего между двух невест откуда взявшихся громил, низко опустив голову. Но даже не пытавшегося сопротивляться.

— Пошли, — сумрачно бросил Мастерс теургу, дождавшись, когда «мальчишки» выведут парня наружу.

За задницу напарницу оборотень больше не хватал и не ухмылялся. А это настораживало.

— Подожди меня здесь. Я сейчас... — сообщил Рон, выйдя на улицу.

И приподняв Каро за плечи, поставил её у стены, как куклу. Сам он к чему-то явно прислушивался.

— Ты куда? — испуганно пискнула Курой и даже попыталась его за рукав схватить.

Остаться в этом месте одной девушке совсем не улыбалось. Но детектив её и не слушал, естественно. Рукав протёк сквозь пальцы, как вода, а Мастерс растворился в темноте.

Отсутствовал он недолго. Наверное. Просто теургу показалось, что целая вечность прошла, пока она, дрожа от бывшего её озноба, и судорожно пытаясь запахнуть лишённый пуговиц жакет, до рези в глазах всматривалась в темноту. И моля всех Семерых разом, чтобы из притона никто новый не вышел. И не зашёл.

Рон появился так же неожиданно, как и пропал. Вот только что не было его, а теперь стоит рядом, облизывая костяшки на правом кулаке.

— Я тебе должен новую шляпу, — как ни в чём не бывало сообщил детектив. — Эта помялась.

— Какую шляпу? — не поняла девушка, буквально пополам разрываемая желанием дать напарнику в морду и повиснуть у него на шее.

— Которая у меня под курткой была, — спокойно пояснил Мастерс. — Ладно, пошли.

— Куда?

— Дальше за нашим горе-любовником следить, — огрызнулся Рон. — Или ты думаешь, я его прикончил?

Честно говоря, Каро ничего вообще не думала. Но идея убраться отсюда подальше ей

Следить за Рушем, дварфёнка так звали — Руш Хир, оказалось не в пример приятнее чем за домом Горха. Во-первых, на долю Каро выпало наблюдение в то время, когда парень возвращался домой. Днём за ним Мастерс таскался и девушку с собой оборотень отказался брать наотрез. Впрочем, она не слишком и настаивала. А вечером Рон заваливался спать, предоставляя Курой право прислушиваться к звукам в коридоре и подглядывать через проверченную в двери дырочку. Но вчера парень остался дома, что и понятно. С избитой физиономией на любовные свидания не ходят.

Во-вторых, хоть и убогая, но вполне жилая квартирка прямо напротив жилья подопечного, была удобнее холодной сторожки. Но именно тут теург поняла все удобства собственного обиталища. В меблированных комнатах господина Сишу селились, кажется, только от полного отчаянья.

В-третьих, детектив настоял, чтобы тегга переделалась мальчиком. Юношей, в смысле. Аргументируя это тем, что в таких районах барышней оставаться небезопасно. Да и не побегаешь особо в юбках. А бегать, возможно, придётся. И хотя Каро до сих пор порывалась чем-нибудь ноги прикрыть, удобство бриджей, разношенных мужских ботинок и отсутствие корсета она оценила. Хотя поначалу и сомневалась, будто сможет сойти за парня.

На что Рон с присущим им тактом сообщил, что для элизийцев все теги на одно лицо и пола не имеют, если в него не ткнуть. Курой было обиделась, но быстро убедилась в правоте оборотня. Тот же Сишу, передавая им ключи от снятой квартиры, даже и глазом не моргнул. А мужчины тут часто селились не только парами, но и по трое-четверо. Разнорабочие, подмастерья и ученики так экономили на квартплате.

В общем, всё это радовало. Вот только слежка не становилась увлекательнее. Скучно, грустно и заняться абсолютно нечем. И опять-таки теург в наблюдении большого смысла не видела. Она ещё вчера убедилась, что на паренёке нет и следа проклятья, а сам он даже воздух испортить с помощью магии не мог. Но Курой мудро решила промолчать. Хватит с неё, навывступалась.

В данный момент тегга увлечённо занималась очень ответственным делом. Она расколупывала «подсматривающую» дырку когтём. Время от времени поглядывая на дрыхнувшего Мастерса. К счастью, детектив не храпел. Собственно, он вообще никаких звуков не издавал. И выглядел довольно милым.

Вот когда Каро до этой мысли додумалась, дверь в комнату Руша открылась и сам дварф появился на пороге, явно куда-то намыливаясь.

— Рон... — негромко позвала Каро.

Негромко потому, что она до конца не определилась: будить ли ей оборотня или проследить за подопечным самой. Но напарник всё решил за неё. Вскочил на ноги, словно и не спал вовсе. То есть, никакой заторможенности, позевываний и потягиваний. Сразу же подлетел к двери, собранный и свеженький, отодвинул девушку в сторону, нагибаясь к «глазку».

— А можно с тобой? — неуверенно попросила тегга.

От этой самой неуверенности вышло совсем просяще.

— Скучно? — Мастерс глянул через плечо. — Понятно, что скучно. Ладно, пойдём, будем из тебя настоящего следователя лепить.

Видимо, Семеро объявили эту неделю временем разочарований. Слежку девушка тоже представляла совсем не так. Никто не таился, не крался, по подворотням не шарахался и витрины задумчиво не изучал. Просто шли себе и шли вслед за парнем, держась от него шагах в двадцати. Впрочем, время ещё не позднее было. Народу на улицах хватало, и парочка крадущихся детективов действительно выглядела бы странно.

А вот идти оказалось далеко — почти час они шлёпали. У Каро ноги уже гудеть начали. К тому же ботинки, хоть и удобные, оказались тяжёлыми. А в итоге прибыли они к ипподрому. Курой, понятно, его не узнала, потому что никогда здесь не бывала. Просто на воротах надпись кованая имелаась.

— Так вот куда наш мальчик деньги сливает! — задумчиво протянул Рон. — Тогда понятно, почему он у барыг в долг берёт.

— А что, здесь можно много проиграть? — наивной незабудкой спросила теург, глядя на тонкую струйку посетителей, втягивающихся под чугунную арку.

Как-то не выглядели они заядлыми игроками с трясущимися от алчности руками и горящими глазами. Впрочем, аристократами, которые, вроде бы, и должны посещать скачки, тоже. Так, клерки средней руки, приказчики из дорогих магазинов. Может быть, не самые успешные врачи и адвокаты. В общем, народ приличный и вполне достойный. Многие даже и с дамами.

— А ты попробуй, — хитренько ухмыляясь, посоветовал оборотень, — Вон кассы.

— Так я не умею.

— А ничего сложного нет. Выбираешь из списка понравившуюся тебе лошадь и оплачиваешь ставку. Только сразу много не ставь. Я пока тут пошарюсь, посмотрю, с кем наш парнишка общаться будет. Встретимся на трибунах.

— Но...

Вот только все возражения теургу пришлось при себе оставить — оборотень опять куда-то пропал. И хотя Курой пребывала в твёрдой уверенности, что телепортация невозможна даже теоретически, у девушки закрадывались серьёзные опасения: Мастерс её освоил.

А вот скачки Каро не впечатлили. И общего азарта она не поняла. Сделав минимальную ставку на жеребца по кличке Ветер — по имени тегга лошадь и выбрала — Курой отправилась на трибуны. Где честно и проскучала полчаса. Сама гонка продолжалась минут пять. И двадцать минут все ждали, пока она начнётся. Может быть, знай теург, кто из скачущих Ветер, она бы и поволновалась. Всё же, на эльзар можно чашку кофе в приличном кафе купить. И даже булочку к нему.

Но победитель ей понравился. Или понравилась? Рыженькая такая коняшка. Вот только зрители её не одобрили почему-то. Ругались, руками махали, а один вполне представительный гражданин даже в сердцах ставочные билеты порвал.

— Поздравляю...

Поздравление больше смахивало на искреннее удивление. Но Каро подпрыгнула не от этого, а от неожиданности. Оборотень опять рядом оказался нежданно-негаданно.

— Ты специально? — прошипела теург, у которой от испуга сердце в горле колотится начало.

— Угу, — согласно кивнул Мастерс, но как-то рассеянно. — У тебя глаза сразу размером с эльзар делаются. Забавно же.

— Оч-чень!

— Ты просто со стороны не видишь. Попробуй как-нибудь Яте напугать — оценишь. А мальчик-то наш, оказывается, не играет тут. Конюшим подрабатывает, навоз вместе с крысюками выгребает.

Каро сообщение оценила. Понятно, что молодой подмастерье богатым по определению быть не может. Но, всё же, как дварфа припереть должно, если он берётся за крысуючую работу?

— И что мы делаем дальше?

— Да всё тоже, — отмахнулся Мастерс, — продолжаем следить за нашим влюблённым. Только сначала выигрыш твой забрать надо, наверное.

— А я выиграла? — удивилась Каро.

— Ну, ты же на Ветра ставила? — оборотень отобрал у неё талончик. — Ну, всё точно. Я так и думал, что тебе эта кличка понравится. Значит да, выиграла. Двести пятьдесят эльзаров.

— Ско-олько?

Теург понятия не имела, как у неё глаза от испуга увеличиваются. Но вот сейчас они наверняка выпучились, как у рака.

* * *

То ли Руш быстро оправился от объяснений мальчиков Меченного, которые весёлые ребята сумели донести до него. Пусть и в сильно сокращённом благодаря Рону варианте. То ли у него жажда деятельности проснулась. То ли действительно нужда припёрла. Но закончив свои дела на ипподроме — а прождали его детективы до глубокого вечера — дварф отправился явно не домой. Каро уже начала сомневаться, что же в слежке самое противное: скука и вынужденное ожидание или не менее вынужденные пешие путешествия. Ноги у девушки успели не только устать, но и обзавестись мозолями.

А целью их прогулки стал большой, некогда красивый, а сейчас обветшалый особняк красного кирпича, прячущийся за унылым, полыселым каким-то садом. И облупленный фасад, и ограда в струпьях облезшей краски, и гипсовый вазон у калитки, забитый мусором, непрозрачно намекали, что в особняке размещается госучреждение.

— Приют для мальчиков, — подтвердил догадку теурга Рон.

Невесело как-то подтвердил, даже мрачно. Оборотень смотрел на особняк так, будто за его стенами скрывался персональный враг детектива. Даже руки на груди сложил.

— Наш поприличнее выглядел, — заметила Каро.

— Сравнила! — фыркнул оборотень. — Приют для тегов и для обычных подкидышей. Пошли, я, кажется, знаю, куда это наш парнишка намылился.

Задняя часть здания выглядела ещё хуже. Тут даже ограды не имелось — обычный некрашенный и потемневший от времени дощатый забор. Вот одну-то из досок Мастерс деловито и отодвинул в сторону. В том, как он это сделал, чувствовался немалый опыт. Видимо, на территорию приюта ему забираться не в первый раз приходилось. Хотя, помнится, он говорил, что мать его забрала совсем маленьким. Да и в Элизии подобных заведений немало.

Но все же Рон здесь явно бывал. Потому что к флигелю, косо как-то, боком

притулившись к особняку, он направился очень решительно.

— Просто тут работает только один дварф, — пояснил детектив, не дожидаясь расспросов. — Дварфийка то есть. Дамочка вроде тебя, постарше только.

— Вроде меня — это как? — уточнила Курой, заранее насупившись.

— Самостоятельная, — ухмыльнулся оборотень. — Лет пятнадцать потратила на то, чтобы получить диплом врача. После чего пошла работать вот сюда. Впрочем, куда ей устраиваться? Её даже в городскую клинику не возьмут. Так ещё носится с завиральной идеей устроить бесплатную детскую лечебницу.

— Твоя подружка? — совершенно незаинтересованно спросила Каро.

— Не моя — Яте, — Рон ухмыльнулся ещё шире. Знать бы, что его так развеселило. — Даже и не подружка. Учились вместе. Он нас и познакомил.

— И чего ты, интересно, ухмыляешься? — мрачно поинтересовалась теург.

— Ревнуешь?

— Мне делать больше нечего? — изумилась Каро. — Господин Мастерс, у вас мания величия!

— Это не мания, а умение оценивать себя по достоинству, — поправил её скромный оборотень. — И очень хорошо, что ревнуешь. Как известно, это кратчайший путь для любви. Кстати, мы пришли, води себя потише.

Оборотень, умудрившийся отобрать у Курой даже вполне законное право возмутиться, пригнулся и, осторожно, вдоль стеночки, подкрался к маленькому окошку флигеля. Удовлетворённо кивнул и поманил теурга пальцем.

Окно оказалось хоть и неплотно, но зашторенным, и тегга сумела разглядеть только неясные силуэты. А вот голоса слышались отчётливо — разошедшиеся рамы с неплотно пригнанными стёклами прекрасно пропускали звук.

— Руш, ну нельзя же так! — возмутилась женщина. — Меня называют фантазёркой, но то, что ты творишь — это уже за гранью здравого смысла. Сиди ты смирно!

— Да что ты там сделать то сможешь через двое суток? — недовольно отозвался дварф. — Оставь, само пройдёт!

— Пройдёт, как же! Наградили Семеро братом! Кто тебя так?

— Да никто. Сам с лестницы упал. Споткнулся в темноте.

В комнате замолчали, наверное, на целую минуту. А, может, даже и на две.

— Это из-за тех денег, да? Что ты мне на лекарства дал? — тихо, так тихо, что Каро её едва слышала, спросила женщина.

— Да не бери ты в голову! — беззаботно, вполне вероятно даже сам себе поверив, отозвался парень. — Всё у нас нормально будет. И клинику ты откроешь, и я женюсь.

— Не по себе сук рубишь, братик...

— При чём тут сук? Я её просто люблю. А она меня. Мы бы и сейчас уже поженились. А на приданое плевать! Только куда я её приведу? В свою нору? Поэтому приходится ждать. Лишь бы её папаша ненормальный ни за кого другого не выдал. И...

А вот что там дальше дварф хотел сказать, Каро узнать было не суждено. Потому что за её спиной раздался дикий вопль: «Кис-кис!», а рядом что-то рухнуло. Теургу показалось, что упало бревно. Хотя возле флигеля никаких деревьев не наблюдалось.

Окно, естественно, тут же распахнулось настежь, являя миру пару недоумённых дварфийских — удивительно похожих друг на друга — физиономий. Вот только ему лицо подправили добрые «мальчики», а ей природа.

Брат с сестрой удивлённо посмотрели на Курой, она на них — и все дружно уставились на Рона. В данный момент больше всего напоминающего кота, облепленного котятами. Или пса со щенками. В общем, грозный оборотень валялся спиной на газоне, а трое или четверо мальчишек — они так сустились, что точнее сосчитать было затруднительно — ползали по нему, «заборов» детектива. При этом продолжая радостно вопить.

— Кис-кис, а у меня зуб выпал! Хочешь, покажу?

— Фигня твой зуб! Я крысу поймал в подвале. Во такую! Сам! Ты мне поможешь с неё шкуру снять? Только она уже вонять начала.

— Кис-кис, а когда ты меня драться научишь? Обещал-обещал, а сам... Ну научи, чтоб ногой и раз! Вот как ты тогда ветку с дерева сшиб. Научи, а! Прямо шас!

Мастерс, хоть и не без труда, но все-таки сумел подняться. Держа на каждой руке по парочке мальчишек, уцепившихся за него, как обезьянки, и в восторге болтающих ногами. Хотя до земли они и так не доставали.

— Добрый вечер, — поздоровался вежливый детектив с дварфами, разведя руками, словно демонстрируя им детей.

— И вам не хворать, господин Мастерс, — отозвалась дварфийка, а Руш промолчал. — Прохладно нынче, вы не находите?

Рон неопределённо пожал плечами.

— Мне кажется, вполне нормально для этого времени года...

На Каро он не смотрел, старательно косясь в сторону. И улыбаясь как-то странно: ни то виновато, ни то извиняясь.

— Кис-кис? — уточнила Курой.

— Ага, — радостно, словно счастливую весть сообщая, подтвердил один из мальчишек, пытаясь, вися, пнуть другого. — Это Мика придумал, — видимо, пинок должен был указать на обладателя богатой фантазии. — Но так его имеем право называть только мы. Правда, Кис-кис?

— Правда! — неожиданно грозно прорычал оборотень.

К сожалению, кому он угрожал, оставалось невыясненным. Видимо кустам. По крайней мере, именно их детектив пытался испепелить взглядом.

Глава десятая

Счастье — это когда ваши желания в шоке от ваших возможностей.

Яте с утра хандрил и по случаю его дурного настроения в офисе ничего не гремело, не взрывалось и не воняло. Зато раздражение просто-таки в воздухе витало, мешая работать. Хотя, конечно, на проверку списка из семи имён, ни особый настрой, ни сосредоточенность не нужны. А кроме эксперта и управляющего в конторе ни души и не было.

Собственно, Росс уже определился, кого из списка любителей пострелять, получивших лицензию на охоту рядом с тролльным заповедником, стоит отнести к подозреваемым в первую очередь. Только встречаться с этим типом у альва не имелось ни малейшего желания. И вот досада: спихнуть на кого-то другого эту поездку не получится. А это раздражало.

— Кто тут будет Алекс Росс?

Посыльный появился на пороге неожиданно, словно из воздуха материализовался. Управляющий не слышал ни шагов, ни хлопанья дверьми. Хотя обычно разносчики телеграмм, озабоченные собственной значимостью для общества, разве что фанфарами свой приход не сопровождали. Правда, этот мальчишка, как и его коллеги, смотрел исключительно в лист с адресами, а не по сторонам. Поэтому и вёл себя нагло. Эдакое обоснованное нахальство. Я, мол, ничего вокруг не вижу и от того мне хоть кузнец, хоть лорд, хоть сама императрица.

— Я буду Алекс Росс, — сообщил посыльному альв.

— Распишитесь, вам телеграмма, — буркнул мальчишка, швыряя на стол адресный лист и конверт из толстой, едва ли не обёрточной бумаги.

Головы он так и не поднял, а потому утопал, не осознав собственной ошибки и вины. Всё же, альву нагрубил, не лепрекону. Неприято такое обращение в Элизии. Как-никак лорд, хоть и бывший.

Росс, осознав, что пусть и мысленно, но брюзжит ради самого брюзжания, усмехнулся, ногтём на мизинце вскрывая конверт. Жест получился, конечно, красивым, но чуть не стоил управляющему маникюра — конверт оказался действительно плотным. Все почтовые отделения города стремились сэкономить на бумаге. А ещё на чернилах для печатных машин. Для того чтобы разобрать текст, потребовалась лупа и немало фантазии.

И всё равно альв не сразу догадался, что «старшина» никакой не «старшина», а вовсе даже и «старейшина». Но вот почему «выживший» превратился в «овшивленного» для детектива так и осталось загадкой. Видимо, это уже были издержки телеграфа. Всё-таки, он — телеграф — как, впрочем, и телефон многое понимал по-своему.

— Яте! — проорал поборник правил приличий и уважительного отношения к высшему сословию. — Оказывается, у троллей имеется овшивленный. И старейшина позволяет нам с ним встретиться. О чём и сообщает любезный егерь.

— И что ты хочешь узнать у тролльных вшей? — отозвался тег, не спеша являться пред ясные очи начальства. — Кстати, разве у них водятся вши? Я думал, что только блохи...

— За что я тебя люблю, так это за твою эрудицию и всестороннее образование, — похвалил Росс подчинённого, вставая. Тролли троллями, а встретиться с охотником всё-таки

придётся. — Подозреваю, что вши тут не при чём. А познакомиться тебе предстоит с выжившим после нападения. Хотя, конечно, егерь мог иметь в виду, что его подопечный в ходе инцидента заразился педикулёзом. Тогда, вероятно, это информация будет полезна для науки.

Росс задумчиво осмотрел свою трость, будто впервые видел и снова убрал её в шкаф, достав другую, с серебряным набалдашником.

— А ты сам? — эксперт, наконец, решил переговорить с альвом лично, а не перекрикиваться из-за стенки.

— А я сам отправляюсь на встречу с другом. Очень старым другом, — пояснил Алекс, натягивая белые, а не повседневные чёрные перчатки. — Да, думаю, тебе ранения пострадавшего скажут больше, чем мне.

Курой в ответ неопределённо мотнул головой, то ли соглашаясь с этим утверждением, то ли посылая пострадавшего и Росса вместе с его резонами к Седьмому. Скорее второе, чем первое. Вылезать из своей лаборатории Яте терпеть не мог.

— Кстати, ты отослал отчёт по письмам инспектору? — уточнил альв.

— И отчёт отослал, и копию нам оставил, и письма тоже переписал, — оскорбился медик. — Он же прислал тебе список, который ты просил.

— Потому и спрашиваю. Гикорри мог проявить любезность, и агентство осталось бы ему должно. А так получается просто взаимовыгодная услуга.

Курой набычившись, исподлобья глянул на начальство и сунул кулаки в карманы брюк. Всё-таки у тега имелась удивительная способность: ни слова не говоря, он умел выразить малейшие нюансы своего отношения к ситуации. Вот и сейчас моментально стало понятно, что именно думает Яте о возможности проявления любезности со стороны инспектора.

— И что там с письмами?

— Да ничего интересного, — зевнул, не разжимая челюстей, медик. — Долговые расписки в основном. Пара писем от жены с требованием денег и взываниями к совести. Аннулированное свидетельство о праве собственности на кусок земли возле Голды. Та записка от женщины, которую я сравнивал с письмом, что ты мне дал, была единственной. Но, если тебе требуется моё мнение, писала она ему не первый раз. Просто даже по тону сужу. Такое впечатление, что они общались и раньше.

— Племянница консорта общалась с разорившимся мойщиком золота? — протянул альв, покачивая тростью, как плечами весов. — Впрочем, для Ольги это нормально. Но их связь мне покоя не даёт.

— Или тебе очень хочется её поймать?

— Или это, — не стал спорить альв. — Но, так или иначе, а я даже с дварфом встретиться не могу. Гикорри меня к нему не пускает. Кстати, ты акцентировал его внимание именно на этой записке?

— По-твоему, я идиот? — обиделся тег. — Нет, естественно. Просто указал, что письмо написано женской рукой и не его женой.

А Росс тяжело вздохнул — мысленно, правда. Нет, эксперт не был обидчивым. Просто обладал цепкой памятью. Потому и не забывал ничего.

— Нет, я не думаю, что ты дурак. Просто уточнил, — ради соблюдения вежливости заверил тега Алекс. На такие извинения прощения Яте не купишь. — Ладно, пока мы не можем потянуть за эту ниточку, будем отрабатывать то, что имеем. Я займусь охотником, а ты поезжай в заповедник.

— А Рон с этой девицей? Вдруг они что-нибудь нароют?

— С женой Горха? Не думаю. Тут пользы будет не больше, чем с возлюбленным дочери. Я их туда послал просто для проформы. С ней давно стоило познакомиться. Да и, в конце концов, Мастерс всегда может вызвать меня.

Курой на это только кивнул и, ни слова больше не говоря, отправился в свою лабораторию. Росс надеялся, что для сборов в заповедник. Но уточнить он все же не решился. И кому пришла в голову идея, будто быть руководителем — это завидная участь? Иногда альв сам себе напоминал духовного наставника в пансионате для обиженных судьбой детей. Одному лишнего не скажи, второй с женщиной работать не хочет, а третья вообще... девчонка с непомерными амбициями.

И ведь никому нет никакого дела, что, например, сам управляющей не желает встречаться с «другом». А вот надо.

На этой, несомненно, продуктивной мысли Росс ещё разок тяжело вздохнул, опустил полы цилиндра пониже и покинул собственный офис.

* * *

Всё-таки недаром Алекса подмывало явиться без предварительной договорённости с хозяином. Росс знал прекрасно, что Василий тщательно подготовится к приходу гостя, постарается произвести впечатление. А так бы врасплох застал, может, не так тошно было.

Альв решил принять посетителя в ванной. Обычной фаянсовой ванной, то ли действительно вывезенной с Островов, то ли просто расписанной голубым по белому в восточной манере: водоросли, ракушки, рыбки. Сие чудо водрузили на возвышение, высотой в три ступеньки. А сам подиум находился в комнате, размером с приличный кабинет. Да ещё с окном, демонстрирующим виды на сад.

Детективу подумалось, что мыться в таких апартаментах не слишком комфортно. Замёрзнешь, пока чистоту наведёшь. Впрочем, Василий и не мылся — он посетителей принимал. Возможно, это при дворе нынче модным считалось. Встречали же одно время леди гостей, не вставая с постели. Даже салоны устраивали. Хотя, возможно, такой приём являлся личной инициативой хозяина мойни. Этот лорд очень дорожил репутацией оригинала и всячески её поддерживал.

— О, Александр, друг мой! Проходи, располагайся и будь как дома! — поприветствовал альв детектива, взмахом руки указывая на кресло, больше смахивающее на трон.

Росс не без труда удержал при себе вопрос, может ли он присоединиться к хозяину, раз уж ему предлагают чувствовать себя «как дома». Или спросить, где тут стульчак. Тоже вполне подходит под определение «свободно располагаться». Вместо этого, управляющий уселся на предложенное место, небрежно швырнув шляпу и перчатки на столик, декорированный фруктовыми скульптурками. Алекс покосился на лебедя, искусно вырезанного из моркови, но пробовать не решился. Не любил он овощи.

— Итак, что тебя заставило вспомнить о нашей дружбе через столько лет? — поинтересовался Василий, видимо решив, что с гостеприимством можно и заканчивать.

Впрочем, терпеливостью он никогда не отличался.

А вот Росс молчал. Во-первых, хорошая пауза и доведение собеседника до состояния нервного подёргивания ещё никому не вредило. Пусть он сам придумает повод для визита,

вспомнив все свои грехи. А, во-вторых, Алекс рассматривал плавающего альва и искренне недоумевал: ведь когда-то, не так давно, кстати, он вот это действительно считал своим другом.

Бледное, без единого изъяна, вылощенное — почти выхолощенное — тело почему-то живо напоминало пузо дохлой лягушки. Длинные, предусмотрительно переброшенные через край ванны тёмные волосы больше смахивали на женский парик. А идеальное лицо на маску. Не мужчина — кукла.

Хотя интересы и увлечения у Василия всегда были вполне мужскими.

— Так я тебя слушаю, — напомнил хозяин о своём присутствии.

— А я ещё ничего и не говорил, — заверил его Алекс, постукивая пальцами по тулье собственного цилиндра.

— Ну, так скажи. И, может, ты хоть пальто снимешь?

— Благодарю, но у тебя тут прохладно.

И это утверждение вполне соответствовало истине. В Элизии не принято оборудовать большие помещения не потому, что площадь экономят. А потому, что отопить сложно. Дрова дороги, газ ещё дороже, а связываться с огненными элементами не каждый рискнёт.

— Ты и раньше отличался излишней нежностью и чувствительностью, — тонко улыбнулся Василий, заставив бокал вспорхнуть с подносика, и придирчиво рассматривая собственные, отполированные до жемчужного блеска, ногти.

— Если я не ошибаюсь, ты любишь охотиться рядом с заповедником троллей? — Росс решил, что промариновал лорда достаточно.

Дальше тянуть уже просто невежливо было.

— И что? — приподнял очерченные ровными дугами брови альв.

— И при этом возглавляешь в парламенте партию ярых ксенофобов?

— Стой-стой, — лорд поднял ладонь, как будто отгораживаясь от Росса. — Позволь мне самому догадаться. Кто-то убивает или измывается над этими обезьянами. И ты решил, что я к этому руку приложил?

Собственно, такая прозорливость детектива несколько не удивила. Василий был кем угодно, но только не дураком. А два и два сложить действительно несложно.

— Друг мой... Позволишь мне тебя так называть, хоть ты и отрёкся от нашей дружбы? Так вот, друг мой, мои политические убеждения и реальность никак не связаны. Они даже и не пересекаются.

Алекс молчал, не спеша комментировать.

— Видимо, ты слишком давно не бывал в обществе и несколько отвык, — альв одарил «друга» ещё одной тонкой улыбкой. Впрочем, тут же спрятав её за краем пойманного в воздухе бокала. — Как ты изволил заметить, я возглавляю в парламенте партию ксенофобов. Изящно сказано, не поспоришь. Хотя я её называю кружком по интересам. Ведь в нем состоят представители самых разных течений и официального статуса он не получила...

— Какое это имеет отношение к интересующему меня делу?

Росс сам поразился своей нетерпеливости. Помнится, раньше он без труда выносил подобные разговоры. В высшем свете просто неприлично сразу переходить к делу, не наплетя сперва словесных орнаментов.

— Минуточку, мой любезный гость, — изящно, как балерина, взмахнул фужером Василий. — Так вот, мы просто представители, скажем так, парламентёров, придерживающихся единых, вполне материальных, а не политических, заметь, интересов.

Согласись, что статьи бюджета, новые налоги или финансирование армии от политических взглядов никак не зависят. Но при этом все мы должны оставаться в том течении, в котором плывём. И как же нам договориться? Объединиться под трескучим лозунгом! Раньше это было: «За честь короны!» или «Спасём Родину!». Сейчас: «Троллей в зоопарки, крысюков в резервации!». Завтра, может быть: «Любители пива губят нацфонд!». Или какой-нибудь подобный идиотизм. И пока старичье посмеивается, поглядывая на нас свысока, мы всё уже решили, поделили, распределили. Осталось только вложить дельные мысли в лысые головы наших «вождей».

— То есть, на самом деле ты троллей любишь? — усмехнулся Росс, которому, почему-то, вдруг стало мутно.

— Да чхать я на них хотел! — возмутился Василий. — Мне что тролли, что дубовые рощи. Ещё раз говорю — это просто ширма.

— Ну, а разве ширма не требует иногда активных действий? Так сказать, подтверждения трескучих лозунгов реальным актом?

— Александр, ты в своём уме? — занервничал альв. — Одно дело с казной мухлевать. И совсем другое с уголовщиной связываться. Ты думаешь, я стал бы себя так подставлять? За кого ты меня принимаешь?

— За лорда Василия из рода Золотой Зари, — заверил хозяина Росс, вставая.

Он чувствовал себя полным и окончательным идиотом. И не потому, что сам не додумался до всей этой околополитической мути. Представить, будто альв, даже в угоду собственным убеждениям, совершит поступок, способный ему навредить — бред! Да он козла, скорее, под хвост поцелует. Особенно, если это поможет продвижению.

— Последний вопрос, — сказал Алекс, надевая цилиндр. — Ты ничего не слышал об Ольге?

— О ком? — бедный лорд даже вином поперхнулся. И побледнел ещё больше, став голубее фаянса собственной ванны. Впрочем, видимо это помогло ему вспомнить альву. — Она... объявилась?

— Нет, я просто так спросил, — вежливо улыбнулся детектив.

— Ты всегда был странным, — заверил его лорд, глядя на Росса настороженно.

Кажется, в этой ванной комнате не только управляющий «Следа» жалел, что затеял эту встречу.

* * *

Каро одёргивала себя, но всё же посматривала на госпожу Горх. И поражалась схожести мужских вкусов, которые, кажется, от расы не зависели. Хотя, может, дело было и не во вкусах. Какая самка сможет дать обильное потомство? Широкобёдрая. А без проблем выкормить его? Пышногрудая. Но при этом спутница жизни должна отличаться отменным здоровьем и лишний жир, как известно, свидетельствует об обратном. Значит, талия обязана быть тонкой. Длинные ноги... Ну, возможно, это признак того, что женщина от врагов убежать сумеет.

Правда, на оправдание больших глаз, непременно синих, длинных волос, обязательно блондинистых, аккуратных носиков и пухлых губ фантазия теурга стопорилась. Ну, ладно губы. Мягкие, наверное, целовать приятнее. А целовались в Элизии теперь все. Даже те, чьих

предков от такого действия брезгливо передёргивало. Ну, ладно пышные и блестящие волосы. Тоже признак здоровья. Но длинные-то почему? А глаза с носом?

Так или иначе, а всеми признаками женской красоты госпожа Горх обладала и даже в избытке. То есть, хватило бы на пару женщин. Глаза не синие, а сапфировые. Волосы не блондинистые, а цвета вызревшей пшеницы да ещё и с золотом. Грудь... Кормилицей бы ей быть профессиональной.

Собственно, падчерица походила на мачеху. Но так же бронза золото напоминает: оба металла жёлтенькие и блестят.

Помниться, матушка заказчика говорила, что нынешняя супруга сына приворожила. Теперь природу приворота Каро знала абсолютно точно. Таким женщинам магия ни к чему. Достаточно губки надуть и ресничками похлопать — мужик твой. Вот и Мастерс уже растекался карамельной лужицей, улыбаясь, как слабоумный. Кажется, и вовсе забыл, зачем они сюда пришли.

— Я задам, наверное, не деликатный вопрос, — выдала Курой чересчур резко. — Но объясните, почему человечка, да ещё с весьма внушительным приданым, вышла замуж за гнома.

Оборотень глянул на напарницу и даже улыбаться перестал. А глазки красотки позмеиному сузились. Тег на это только села прямее. Плевать! Они детективы, а не гувернантки. И информацию необходимо получить любым способом. Пусть даже и хамя.

Тем более, если это тебе самой нравится.

— Вы хотите меня оскорбить? — жёнушка Горх не говорила, а прям-таки пела, голос лился мёдом.

Даже на языке липко стало. Хотя, по логике вещей, липко должно было стать в ушах.

— Нет, — заверила метрессу теург, мило улыбаясь. «Да!» — радостно рывкнуло у неё же под черепом. Но внутренние вопли Курой вслух озвучивать не спешила. — Простите, если мой вопрос обидел вас. Но ответ на него действительно важен. Посудите сами. Люди обычно живут закрытыми общинами. Финансового благополучия добиваются немногие из них. Логичней предположить, что красивую дочку, да ещё с богатым приданым, постараются выдать за своего. И вряд ли родители захотят отдавать её в семью dwarфов, которые не только к людям, а ко всем расам относятся пренебрежительно.

— В общем, вы правы, — сиропный голосок начал подмерзать. Интересно, замороженный мёд — это вкусно? — Но дело в том, что содержанок нигде не считают достойными членами общества.

— Вы были содержанкой?

— Каро! — конфузливо прошипел Мастерс.

И тут же участливо погладил госпожу Горх по руке. Она, между прочим, в ответ благодарно пожала обратную пальцы. Несомненно достойное поведение для почтенной замужней женщины! Да, с моралью у этой метрессы дела обстояли куда хуже, чем с волосами.

— Нет, — как ни в чём не бывало ответила вышеупомянутая метресса. — Содержанкой была моя мать. Кстати, этого факта я никогда и не скрывала. Между прочим, в dwarфийской общине её до сих пор хорошо помнят. Потому что её попечитель — очень уважаемый бизнесмен — оставался верным ей на протяжении более двадцати лет.

— Каро! — чуть повысил голос Рон.

Вопрос: «Это он ваш отец?» пришлось проглотить. Впрочем, и без всяких уточнений

было понятно: Алесия Горх чистокровный человек. Но всё же задать его очень хотелось.

— Не волнуйтесь, господин Мастерс, я всё понимаю, — всепрощающе улыбнулась человечка. — Ваша напарница просто ещё слишком юна и порывиста.

У Курой рот сам собой открылся. Во-первых, эта Алесия если и была старше, то года на три — не больше. Хотя, конечно, двадцать пять для человека и тега вещи абсолютно разные, но жизненный-то опыт один. Во-вторых, говорить о присутствующих гадости, да ещё так, как будто этих самых присутствующих тут и нет, неприлично. И, в-третьих, не ответишь же ничего!

Всё-таки, иногда оставаться благовоспитанной барышней невероятно тяжело.

— Кроме того, вы, мужчины, в силу своего ума стараетесь составлять собственное впечатление, а не руководствоваться чужим мнением. Мы же, женщины, часто судим со слов других. Я знаю, что с моей свекровью вам доводилось общаться. И, несомненно, она рассказала про меня много нехорошего. Но это свойственно всем матерям, безумно любящих сыновей. Как правило, первая жена становится воплощением добродетелей, а дети от неё обожаемыми внуками. Каждая последующая супруга оказывается олицетворением пороков.

— Я всё прекрасно понимаю, — заверил Горх оборотень, снова демонстрируя в улыбке безупречный оскал. — И, поверьте, никто о вас плохо не думает.

— Не уверена, — грустно, но понимающе, улыбнулась госпожа Алесия. Просто какой-то марафон улыбок! — Но посмотрите на это дело с другой стороны. У почтенной метрессы в этом свой интерес.

— Какой же это? — буркнула Каро, решившая, что чужое хамство её молчать не заставит. В конце концов, детектив должен иметь толстую шкуру. Мало ли кто и что скажет!

Впрочем, в данный момент теурга обижали не столько слова, сколько то, как эта человечка игнорировала девушку. Вроде и на вопросы отвечала, но смотрела при этом только на Рона, словно никакой теги тут и не было. Курой и впрямь себя призраком начала чувствовать.

— Я уже говорила: внуки, рождённые первой женой, для бабушек самые любимые, — пропела человечка оборотню. — И в память о первой супруге у моего достопочтимого мужа осталась дочь. Конечно, это может показаться чудовищным, но дварфы в первую очередь всегда думают о материальном. Так вот, если с господином Горхом, не дай такого Предок, произойдёт несчастье, то наследство будет разделено поровну между мной и падчерицей. Если же у меня родится сын, бедной девочке вообще выделяют всего лишь приданое. И совсем по-другому дела обстоят в случае, когда дочь останется единственной преемницей. Естественно, бабушка хочет, чтобы так оно и оказалось.

— И поэтому строит козни против вас? — не без ехидства поинтересовалась Каро.

— И поэтому она оценивает меня субъективно, — сообщила Алесия оборотню, упорно не замечая теурга. — Хотя я не буду удивлена, если вдруг всплывут обстоятельства, меня компрометирующие.

— А есть чему всплывать?

— Пожалуй, нам пора, — Мастерс вскочил со своего места и галантно, совсем как придворный кавалер, приложился к ручке красавицы. — Благодарю вас за содержательную беседу. Вы очень нам помогли. Я уж не говорю о том, что находиться в обществе такой женщины — это безумно приятно.

— Оставьте! Всегда буду рада вас видеть вновь, — госпожа Горх улыбкой продемонстрировала оборотню, что эти слова не пустой звук.

— Пойдём, Каро... — рыкнул Рон на теурга.

И, кажется, едва удержался, чтобы не выволочь её за шиворот. Спасибо, ограничился только плечом. Но тегу за собой он действительно тащил.

* * *

— И что ты там устроила? — поинтересовался оборотень, остановившись только в квартале от дома Горха.

И там же отпустив Курой, которая начала подозревать детектива в не слишком благородных намерениях. Например, в желании затолкать напарницу в переулок потемнее и там тихонечко придушить. Но Мастерс всего лишь достал из внутреннего кармана изрядно потёртой куртки щегольской, кажется, даже золотой, портсигар и несколько нервно закурил.

Курой это удивило даже больше непонятной злости детектива. Всё же, обоняние — обычное, а не магическое — у оборотней обострённым было. Поэтому курящий перевёртыш такое же частое явление, как совестливый лорд.

— Чего смотришь? — усмехнулся Мастерс. — Во время службы в таких местах оказываешься, что табак единственная возможность не сдохнуть от вони. Да и нервы успокаивает. Так что ты там устроила?

— Ничего я не устраивала. Это ты там с ней любезничал. А я работала!

— Детка, я тебе уже говорил: на варенье осы слетаются гораздо охотнее, чем на горчицу. Будь приветливее и окружающие к тебе потянутся.

— А мухи охотнее слетаются на... — Курой осеклась и договаривать свою мысль всё-таки не стала.

Просто отвернулась.

— Как же всё запущено, — протянул Рон. Кажется, эта фразочка грозила стать его «коронкой». — Ладно, и что ты наработала?

— Кроме наблюдения, что тебе достаточно глазки соорудить, и ты уже ничего не видишь и не слышишь?

— Кроме него. В нём ничего ценного нет — это и без тебя все знают. Ну же, Каро, сооруди мне глазки. Я стану добрым-добрым, хорошим-хорошим, послушным-послушным. А если ты ещё и губки бантиком сложишь...

— А если я тебе по башке дам? — окрысилась Курой.

— Тогда я стану задумчивым, — заверил её Мастерс. — Так ты заметила что-нибудь ценное или день опять в пустую прошёл?

— Заметила, — недовольно буркнула теург. — Твоя Алесия, конечно, простой человек и никакого проклятья она сотворить не могла. Но вот тень на ней есть. То есть, она довольно плотно общается с тем, на ком наговор висит. Значит, надо искать среди ближнего круга.

— Ну, это с самого начала было понятно, — Мастерс старательно раздавил окурок каблуком, даже в землю его втоптал. — Гнилое какое-то дело нам досталось. Вязнем в нём, как в болоте. И не туды, и не сюды.

— Туды-сюды, — передразнила его тегга, оскорблённая тем, что её заслуг не оценили. — Может, это действительно мать Горха? А что? Прокляла кого-нибудь, потом свалит на его жену. Мол, это она всё затеяла. Дварф и разведётся. Тогда всё наследство внучке достанется.

— Ну, ты же сама говорила, что проклясть она никого не может. Впрочем, кто мешает ей за помощью обратиться?

— Вот именно. Конечно, нелегализованные проклятия запрещены. Но за хорошую плату в Элизии и до самого Седьмого добраться можно. Сам же знаешь: если у тебя водится монета, то купить можно всё.

— Всё? — ухмыльнулся Рон.

— Всё, — со знанием дела заверила его Курой. — Только не начинай про любовь, дружбу и преданность. Это тоже покупается. Была бы цена подходящая.

— А счастье?

— А что такое счастье? — пожала плечами Каро. — Это же всего лишь какое-то мгновение. Ну, может не миг, но всё равно просто состояние души. Проходящее, заметь. Никто не может быть постоянно, безусловно счастлив.

— Спасибо за пояснение, — поблагодарил её вежливый оборотень. — Но я спрашивал о другом. Счастье купить можно?

— Конечно, можно, — Каро с толку сбить себя не дала. — Для кого-то счастье вкусно поесть. Для меня стать действительно высококлассным специалистом. Для тебя, наверное, затащить в постель самую красивую женщину. И всё это, заметь, вполне покупается.

— Вот так вот значит? — хитровато прищурился оборотень. — Ладно, следуйте за мной, леди.

— Куда это?

Но объяснять детектив ничего не стал, только лыбился хитровато.

Мастерс остановил кеб и, не слишком вежливо подпихивая напарницу, усадил её в экипаж, шепнув адрес возничему так, чтобы девушка не слышала. Ехать им пришлось довольно долго и молча. Курой упрямо сжала губы, отвернувшись к окну — обиделась за такую таинственность, а, вспомнив, заодно, и за совершенно неоправданный «наезд». Рон тоже заговаривать не спешил, но продолжал ухмыляться.

Оказалось, что направлялись они к отелю «Империя» — самой роскошной, самой дорогой и самой модной гостинице Элизия. Теург не знала о чём и думать, глядя на высоченное — в двенадцать этажей — здание, сверкающая огнями и вылизанными до хрустального блеска стёклами. Будь это заведение попроще, и она, не задумываясь, вlepила бы оборотню пощёчину. А так... Её самооценка до стоимости номеров в этом отеле не дорастала.

Мастерса растерянность девушки забавляла. Он теперь не только скалился, но и прихихикивать начал. По-прежнему ничего не объясняя, детектив схватил тегу за руку и поволок за собой. А направился он почему-то к задней части гостиницы. По пути о чём-то пошептавшись со швейцаром и сунув ему в кулак свёрнутую бумажку — то ли записку, то ли купюру, теург не разобрала.

Как ни странно, но в кухню отеля их пропустили беспрепятственно. Только ещё одна бумажка перекечевала в лапу охранника. Но в чадной и душной поварной, где, словно прислужники Седьмого, призраками носились белоснежные колпаки и куртки, оборотень задерживаться не стал, пройдя её насквозь. Потом запутанными полутёмными коридорами они почти добежали до лестницы.

— Кстати, забыл тебя спросить. Ты высоты боишься? — поинтересовался оборотень.

— Очень кстати, — раздражённо огрызнулась Каро. — Понятия не имею. Я ещё не бывала на такой высоте, которой стоит бояться.

— Ладно, проверим опытным путём.

Что значит взобраться, затянувшись в корсет, по крутой лестнице на двенадцатый, а, фактически, на тринадцатый этаж, знает только тот, кто совершил подобный героический поступок. Под конец Мастерс уже не волок, а почти нёс на себе Курой, которая собралась помирать и тосковала по мужской одежде. И по-настоящему пребывала подозрительно близко к обмороку.

Но дурнота мгновенно прошла, стоило им выйти на крышу. Упругий, странно пахнущий холодной, почти зимней свежестью ветер, хлестнул по лицу. Мигом и без всякого труда выдрал шпильки, растрепав волосы. Но Курой совсем не была против. Она даже не замечала, что Рон сжал её ладонь, а левой рукой придерживал девушку за талию.

Теург от неба оторваться не могла. Вечер ещё только наступал, но солнце уже висело над горизонтом, окрашивая вату облаков во все мыслимые оттенки красного — от почти жёлтого до густо пурпурного. А выше них переливались ленты света: сиреневые, багряные, нежно розовые.

Такого неба тебе видеть не доводилось.

Мастерс подвёл Курой к краю крыши, к самым перилам, которые, по сравнению с громадностью неба и густо-алого шара солнца, выглядели не толще паутины. И перед Каро будто ковёр раскатали, лоскутный цветной ковёр до самого разноцветья заката. Ветер трепал волосы, задирает юбку, сдувал со скул слёзы, которые сам же и выжимал, заставлял захлёбываться своей свежестью.

Теург привстала на цыпочки, готовая взлететь.

Закат прогорел быстро, словно занавес задёрнули. Небо потемнело, и весь мир почернел. Не выцвел, а налился густым мраком. Но снизу начало разгораться золотистое тёплое свечение. Каро не сразу сообразила, что это зажглись фонари.

— С тебя эльзар, — шепнул Мастерс на ухо тебе.

— За что? — ошалело спросила девушка, не слишком хорошо понимая, что она и говорит.

— Ну, я же продал тебе кусочек счастья?

И вот тут теург расхохоталась. Просто так, от полноты переполнивших чувств.

— Интересно, а когда ты свой выигрыш сестре нашего дварфёнка отдавала, ты что ощущала? — почесав костяшкой уголок рта, ненавязчиво поинтересовался Мастерс.

— Мне стоит спрашивать, откуда ты знаешь, что я деньги на приют отдала?

Странно, но ни сам вопрос, ни то, что её «страшная» тайна раскрыта, девушку не разозлило и не обидело. Наоборот, это казалось даже забавным. Всё-таки, оборотень — настоящая проныра. И доставала. И вообще существо неожиданное.

Глава одиннадцатая

Чем горячее хвалят товар, тем вероятнее, что вас нагреют.

Яте егерь явно не одобрил. Смерил тяжёлым взглядом, и даже попытки вылезти из коляски не сделал. Хотя догадаться, кого именно он ждёт, труда не составляло. На местной почтовой станции, представляющей собой наглухо запертый сарайчик, смахивающий на не слишком большую собачью конуру, других тегов и не наблюдалось.

Впрочем, эксперту громила не понравился ещё сильнее. Существ, возвышающихся над собственной Куроевской макушкой хотя бы на ладонь, медик недолго любил. А поскольку повальное большинство жителей Элизия превосходило тега ростом, то Яте практически ни к кому пиетета не испытывал. Но всё же и он при виде вроде как ожидаемого гостя в пыль не плевал и в сторону не отворачивался.

— Я чем-то лично вас не устраиваю, — мрачно поинтересовался Курой, не спеша забираться в ландо.

Егерь, казалось, смутился. Даже вроде бы скулы покраснели. Впрочем, поручиться за это Яте не мог. Во-первых, под кустистой бородой, почти доросшей до глаз, лица и не разглядеть было. А, во-вторых, кожа местного зрителя и так отливала кирпичной краснотой.

— Да не вы вовсе, — егерь громадными, словно лопаты, ручищами разобрал поводья. — Просто щёголи городские. Посмотришь на вас, и плюнуть хочется. На что свою жизнь тратите? Ради чего стараетесь?

— Я щёголь? — до глубины души поразился эксперт, которого в чём только не подозревали. Но вот в излишнем внимании к своему внешнему виду не обвиняли ни разу. — И, кстати, плюнуть вы не только хотели, но уже это и сделали, — не из горячей любви к фактам, а из природной склонности капать ядом по поводу и без добавил тег.

— За это прощения просим, — прогудел лесничий. — Манерам не обучены, сморкаемся в пальцы...

— Про ваши два с половиной образования я наслышан, — не стал отказывать себе в очередной шпильке медик.

— Ай, незадача! — цокнул мужик. — Так вы забираетесь или скамеечку у станционного зрителя попросить.

— Ну, это уже низко и без изящества.

— Да, невысоко, — тут же согласился зритель. — Ладно, серьёзно, дальше болтать будем или тронемся? Дел ещё полно.

— Ёлки не считаны?

Курой легко и ловко, едва коснувшись подножки, не без красования, запрыгнул в натужно скрипнувшее экипаж.

— Пихты с лиственницами, — ухмыльнулся в бороду троллий надсмотрщик. — Не растут у нас тут сосны.

— Беда, — посочувствовал Яте. — А Алекс о вас отзывался как о воспитанном и удивительно приятном собеседнике.

— Так он ж альв! — егерь тихонечко свистнул и шевельнул вожжами, не столько хлестнув, сколько погладив лошадь по сытым бокам. — Такому хамить, потом беды

разгребать замучаешься. Правда он ещё предупреждал, что вы личность не разговорчивая и не общительная.

— Кругом наврал, — посетовал Курой.

— Кругом, — согласился егерь.

И временное перемирие было подтверждено крепким мужским рукопожатием. Правильно, достаточно найти третьего, виновного в угрюмости двоих, и эти двое тут же найдут общий язык.

Эксперт, поняв, что вид столичного специалиста тут ни на кого впечатления не произведёт, расстегнул пиджак, ослабил галстук, а пальто с котелком и саквояж забросил за скамейку. И сунув тут же найденную соломинку в зубы, вольготно устроился на сиденье, вытянув ноги.

— И чем, позволь узнать, тебе так столичные щёголи не угодили? — спросил Курой.

За полчаса он намолчался вдоволь, хотя в лаборатории мог и за сутки слова не сказать. Но местные природные красоты настраивали на лирический лад. А, возможно, ему, как жителю городскому, птичье чириканье показалось слишком незначительным звуковым сопровождением.

— А ежели, допустим, не позволю? — покосившись на гостя, поинтересовался егерь.

— От обиды не помру, — заверил его Яте.

— Здравый подход к недостатку информации, — мотнул бородищей смотритель, полностью одобряя точку зрения тега. — Потому тебе и скажу. Только ты мне на один вопрос ответь. Вот, допустим, живёт себе существо. Нормально живёт, как все. А потом — бац! — и страх у него появляется. Буквально на пустом месте. Темноты там или пауков бояться начинает. Как считаешь, с чего такое?

— Это сейчас называют фобиями, — обстоятельно ответил Курой, языком перекидывая соломинку из одного угла рта в другой. — Целые труды по такому пишут. Но, если коротечко, то все беды от переживаний. Обманула тебя баба, вот ты и начал от пауков шарахаться. Или старух ненавидеть. Это уже манией обозвали.

— Ну а ты-то как сам считаешь?

— Я-то? — тег задумчиво поскрёб ногтём бровь. — Ну, я же не философ и даже не юрист. Только медик недоучившийся.

— А всё-таки? — видимо, дипломированному философу, юристу, но всё же тоже не осилившему врачебное образование полностью, ответ тега казался важным.

— Да Седьмой знает, откуда что берётся, — отмахнулся криминалист. — Конечно, проще всего на переживания любовные всё списать. Но вот взять меня. Нет и не было никогда никаких страданий. А шестерёнки то и дело стопорит.

— Как это не было? — поразился егерь. — А ваша чехарда на Островах? Вас, небось, уже и грузили больными на всю голову.

— То же верно, — кивнул Яте. — Значит, правы адепты модного учения. Если ты с визгами пауков тапками гоняешь, то виноват в этом глубокий душевный надлом.

Егерь с ним полностью согласился. И свеженайденное взаимопонимание скрепили ещё одним рукопожатием.

— Вот и мне всё обрыдло — хоть волком вой. Ну, буквально бесил город! Я аж окна одеялами занавешивать стал, только б не видеть и не слышать ничего. Не поверишь, на улицу боялся выходить. Книгами обложусь и пишу, пишу, пишу. Правда, написал я изрядно тогда. Теперь-то моя книжонка в библиотеке при императорской академии пылится.

— А чего писал? — уточнил Курой.

— Так я тогда как раз троллями и увлёкся. Точнее, поделками их. Не поверишь: материалов по этому делу масса, да только никто их не систематизировал и серьёзно не изучал. А я вот взялся. Да только в городе-то за полгода один труд накропал и второй почти наполовину. Но как сюда приехал и блокнота не измарал. Некогда, сосны пересчитываю, — хмыкнул егерь и причмокнул, понукая никуда не спешащую лошадь. — Так о чём я? Это я уж тут понял, с чего на меня нахлынуло. Любовь, провались она к Седьмому. Любовь да обида.

— Бросила? — изображая сочувствие, выгнул бровь тег.

— Если бы! На карьере он был помешан. Всё репутация, да реноме, да: «А что же скажут другие?». Значит, для тебя я хорош, а для других плох? Репутацию тебе порчу, карьере мешаю?

Голос зрителя гремел, отдаваясь эхом в далёких горах. А сам он выпрямился, вперив горящий гневом взор только в ему видимые дали. Лошадь, испуганно покосившись на возницу, прибавила шаг.

— Ну, вот я сюда и подался, — совершенно спокойно закончил мужик, опять сгорбившись, сведя могучие плечи, будто крылья сложив.

— Н-да, — крикнул тег, не найдя ничего более умного.

— Вот и я говорю, — согласился егерь. — Все беды от наших переживаний. Надо только расслабиться и всё сразу станет хорошо.

— Это в тебе философ заговорил.

— Ну да. А как юрист я люблю всё усложнять. Только тут жизнь простая, как топориче. Усложнять нечего.

На это тег тоже не нашёл симметричного ответа. Потому и поступил, как все истинные мудрецы: промолчал и закрыл глаза, решив вздремнуть.

* * *

Старейшина местного троллего племени, почтеннейший Гры, ждал гостей на том же валуне, что и в прошлый раз. В смысле, Яте, конечно, этот камень видел впервые в жизни. Но Алекс его подробно описал, как и свои впечатления от старейшины. Поэтому когда обломок древней скалы распался на две части и один из кусков оказался живым существом, Курой вздрагивать не стал. Да и дамские панталоны угрожающих размеров истерики у него не вызвали.

Впрочем, смешливостью тег вообще не обладал.

— Знает? — уточнил тролль, разглядывая эксперта крохотными и сметливыми, как у слона, глазками.

— Ну, кое что я знаю, — согласился Яте, доставая из-под сиденья свой саквояж.

— Хорошо, — одобрил старейшина. — Знать — польза.

— Полностью с вами согласен. Образование в наше время играет важную роль, — вежливо ответил тег.

Нет, мысленно он, конечно, к встрече с этими реликтовыми существами готовился. Объяснения и наставления Алекса слушал внимательно. Хотя и не без глубоко запрятанного чувства превосходства. Всё-таки сам Курой считал, что начальник повёл себя не слишком умно. И медик бы с задачей справился гораздо успешнее.

Но при виде этой глыбы, смахивающей на скверно обработанную каменную статую в женских панталонах, все заготовки куда-то подевались. Да и сложно разговаривать с существом, которое тебя понимает, но вроде бы не полностью. А, возможно, это ты его недопонимаешь.

А на затруднительную ситуацию эксперт всегда реагировал одинаково. Он начинал злиться. Вот и теперь Яте, подумав, и нацепив всё же котелок, вопросительно уставился на тролля, постукивая каблуком от нетерпения.

Из-под каблука лёгкий ветерок выдувал прозрачные облачка пыли. В отличие от Элизия, видимо, решившего утопиться, тут дождя с месяц, наверное, не было. И тишина стояла какая-то ненормальная, искусственная — даже птички не чирикали. Курой смотрел на старейшину, тролль на эксперта, егерь на холку лошади, коняга в пыль. Что примечательно, все дружно молчали. Только досаждало это исключительно тегу. От чего он злился сильнее.

— Детёныш. Плохо, — наконец удручённо покачал головой троллий вождь. — Знать мало. Думать меньше. Плохо.

Он постучал серым пальцем по лысому, в чешуйчатой коже черепу, и горько вздохнул.

— Я — детёныш? — поразился Курой второй раз за этот день.

Вероятно, реальность взяла на себя заботу разуверить медика в его невозмутимости.

— Детёныш, — кивнул старейшина и решительно рубанул ребром ладони воздух. — Женщины нельзя. Против.

— Что? — растерянный и, кажется — впрочем, в этом он не был уверен — униженный Яте обернулся к егерю.

— Да нет, — лениво перевёл возница, не отрывая взгляда от холки лошади. — Он не имеет в виду, что женщины против тебя. Старейшина считает, будто ты слишком молодой, чтобы к женщинам пускать. Он против этого.

— И где логика? — прошипел, начиная всерьёз закипать, тег. — Если я детёныш, то меня как раз к женщинам и надо отправлять. В чём дело вообще? Я что, зря сюда тащился?

— Да у троллей детёнышей мужики воспитывают. Только к самым маленьким, сосункам ещё, баб пускают. А что с них взять? Всем известно, самки, они же без мозгов. Уронит ещё, — невозмутимо пояснил егерь. — А дело в том, что мзду ему дать надо. Тогда, может и получится, что ты не зря сюда тащился.

— Та-ак, — Яте запустил пятерню в волосы и с силой дёрнул себя за длинную чёлку. — Какую ещё мзду? И почему ты не предупредил?

— А я знал, что он платы потребует? С альвом же согласился общаться за так. Правда, может потому и ушёл быстро, что уважения не проявили и подарка не принесли.

— Нет, это действительно разумные существа! — вызверился эксперт. — Только обладающий разумом может до взятки додуматься!

Старейшина, внимательно слушавший всю эту ахинею, переводя взгляд с одного собеседника на другого, вдруг тихо, но так, что стволы ближайших деревьев дрогнули, рыкнул.

— Ты давай потише, — предупредил лесничий, соизволив, наконец, посмотреть в сторону эксперта. — Слово «взятка» они тоже понимают прекрасно.

— Как далеко шагнула цивилизация!

Рык у Курой вышел не столь грозным, как у тролля. Но в выразительности мог бы с ним и поспорить.

Кажется, дипломатические методы исчерпали себя, и переговоры зашли в тупик. Эксперт прикинул возможность воззвать к совести старейшины. И напомнить этому валуну с глазками, что детективы, вообще-то, расследуют дело об убийстве его же соплеменников. Но опыт общения с существами, считающими взятки «проявлением уважения», говорил, что совесть у таких атрофируется в глубоком детстве.

Но ситуация, как это обычно и бывает, разрешилась сама собой. Пока переговорщики буравили друг друга далёкими от дружелюбия взглядами, один из валунов за спиной старейшины шевельнулся и выпрямился. Оказавшись, понятно, ещё одним троллем, только поменьше. И этот, который поменьше, заурчал, словно гигантский кот. Только не ровно, как нормальные кошки, а с модуляциями — то повышая, то понижая голос.

Курой в это урчание не вслушивался. Всё его внимание сосредоточилось на новеньком тролле. Точнее, наверное, всё-таки, тролльше. Потому что торс у неё обматывала тряпка, пропущенная подмышками. Хотя никаких выпуклостей тег не заметил. Ещё одна странность состояла в том, что этот новый оживший валун хоть и выпрямился, но не до конца. То есть, попросту, он остался сидеть на хвое, как-то безвольно подогнув под себя слишком худые ноги.

Старейшина урчания самки до конца дослушивать не стал, а оборвал её рыком, который и без перевода поддавался пониманию: «Замолчи и свернись обратно!». Тролльша не смутилась и продолжала ворчать, тыча в Яте пальцем.

— Что у неё с коленями? — негромко спросил Курой у егеря. — Или это врождённое? Но явно же с коленями, а не тазом или бедренным суставом.

— Всё верно, с коленями, — лесничий, видимо, страдающий повышенным слюноотделением, сплюнул на дорогу. — Простреляны обе чашечки. Эта скотина ей и плечи выбила. Прикладом, видимо. Руки-то я починил, а вот ноги... Сам понимаешь.

— Ещё ранения есть?

— Шкуру он с неё снять пытался. Но успел только надрез сделать. Помешал я ему. И зубы вышиб.

— Зубы? — удивился тег.

Насколько он знал, клыки у троллей можно было вышибить исключительно тараном. Да и то скорее голову оторвёшь. Ну, или он тебе оторвёт, пока ты его очаровательной улыбкой лишаешь.

Эксперт, не обращая никакого внимания на старейшину, шагнул к тролльей девице. Как ни странно, но так и не почествованный вождь ему мешать не стал, спокойно пропустив тега мимо себя. Курой почесал когтём висок, соображая, как бы подоступнее донести свои желания. И вдруг дико оскалился, махнув рукой.

Тут произошла вторая странность. Тролльша его поняла — из всех присутствующих только она его и поняла. Но оскалилась, демонстрируя серые десны. Яте, со свойственной медикам деликатностью, обеими руками влез в рот пациентке, ещё сильнее оттягивая губы и щеки. Потом также придирчиво осмотрел шрамы и колени.

Девушка отнеслась к осмотру с философским спокойствием, не сопротивлялась и только ворчала тихонечко, даже ласково. А когда Курой, закончив, хотел уже отойти обратно к ландо, она погладила его по голове с поистине материнской нежностью. Правда, тег от такой ласки аж присел — то ли испугался, то ли рука у тролльши оказалась тяжёлая.

К его невероятному облегчению больше попыток приласкать самка не делала. Только сунула что-то эксперту за пазуху.

— Уходить! — безапелляционно приказал старейшина.
Собственно, против этого Курой ничего не имел.

* * *

Каро в балаганах никогда не бывала. Воспитанниц пансионата на экскурсии в подобные места, понятное дело, не водили. А учёба в колледже на развлечения времени не оставляла. Да и не пристало приличным девицам сомнительным увеселениям придаваться. Потому и любопытство не мучило. Например, бордели теург тоже не посещала. И не тянуло тегу туда почему-то.

Спроси кто-нибудь девушку сейчас, как она тут очутилась — не ответила бы. Потому как и сама не сообразила, каким именно чудом её сюда занесло. Просто когда они с Мастерсом с крыши гостиницы слезли, настроение спустилось вместе с ними. Душа требовала чего-то яркого, необычного. В общем, продолжения банкета она просила. А реальность только насмеялась над подобными желаниями морозящим дождём и отражением фонарей в лужах.

У ворот отеля оборотень остановился, придержал девушку за подбородок и понимающе хмыкнул. Естественно, Каро тут же вырвалась и независимо отвернулась. Но как-то очень быстро оказалась в кэбе, а потом вот тут.

Постоянного места у балагана в Элизии не имелось — на то он и балаган. Но поскольку город требовал развлечений, то циркачи, зверинцы, немудрящие аттракционы и обязательно прилагающиеся ко всему этому великолепию торговцы всем и вся переезжали с места на место. Временами к ним присоединились новые труппы, а старые отправлялись путешествовать. Временами, по поводу ярмарок или праздников, балаган разрастался до городка. Но, так или иначе, а каждую ночь в столице крутились деревянные с облупленными мордами лошадки каруселей, играли шарманки и орали зазывалы, расхваливая выставленные на потеху публике чудеса.

Вот посреди всего этого Курой, совершенно неожиданно для себя, и очутилась. Ослеплённая, оглушённая, растерянная и поражённая до глубины души. Огни горели повсюду. Да не просто плоски или газовые фонари, а магические, разноцветные, переливающиеся как светляки, выписывающие в воздухе вензеля, оставляющие за собой светящийся след. Музыка выливалась из каждой палатки, из каждого сарайчика и везде разная. Трубы выли, барабаны бухали, животные ревели, существа разумные галдели.

Ни смотря на то, что время к ночи подбиралось, толчея тут была изрядная. Только вместо детей и подростков, сейчас здесь толпилась молодёжь обоих полов и всех мыслимых рас. Объединяло их одно — не самый обеспеченный, хоть и не совсем бедствующий, вид.

В одной руке Каро сам собой, кажется, возник вафельный стаканчик со сливочным кремом, а во второй булка с вложенной в неё жареной, возмутительно жирной сарделькой. Да ещё и с горчицей.

— Это что? — озадачилась теург, не очень понимая, как с этим нежданно свалившимся богатством поступить.

— Жуй, давай, — посоветовал Мастерс, умудряясь перекричать толпу. — И поменьше ушами хлопай, а то дохлопаешься.

— Вот это есть? Прямо тут? На улице? — усомнилась Курой, представив, чтобы сказала

преподавательница манер.

Впрочем, наверное, она бы ничего не сказала. Молча в обморок свалилась.

Рон теурга тоже убеждать не стал. Просто взял девушку за руку и, без труда преодолев её сопротивление, едва не ткнул булкой в рот. Пришлось кусать. Всё-таки, есть на улице приличнее, чем ходить с горчицей, размазанной по физиономии.

Дождавшись, когда тега прожует первый кусок, Мастерс тем же макарон скормил ей второй — от рожка. Не дав Каро и шанса возмутиться против подобного приёма пищи. Впрочем, желание возмущаться быстро пропало. Острота приправ, которых в сардельку сунули чересчур щедро, обожгла рот. А горячий жир от лопнувшей колбасной шкурки брызнул на язык. И это оказалось удивительно вкусно. И сладкий прохладный крем, растаявший сам собой, довёл удовольствие почти до кулинарного экстаза.

В общем, дальше теург кусала уже без посторонней помощи, наплевав на все правила приличия, набивая рот до хомячьих щёк. Просто так вкуснее казалось.

— Почему ты меня постоянно кормишь? — невзначай поинтересовалась Курой, тишком оглядевшись и быстро облизав жирные пальцы.

— Прикармливаю, — невозмутимо отозвался Мастерс, всовывая в руку кружку с восхитительно холодным яблочным соком.

— Зачем?

— А зачем прикармливают? — пожал плечами оборотень. — Чтобы приучить?

От такого заявление Каро едва питьём не подавилась. Но Рон, отобрав у неё пустую кружку, одарив разливальщицу сияющей улыбкой, наградив такой же парня, которого они случайно пихнули, и ещё одной девицу, пихнувшую их самих, потянул Курой куда-то в сторону.

Выбираясь из толпы, сгрудившейся у палаток с едой, теург заметила, что Мастерса вообще подозрительно часто толкают. И что примечательно, в основном девушки. Да и вообще смотрят они на оборотня как-то... плотоядно. Впрочем, их вниманию удивляться, наверное, не стоило. Исключительно по причине врождённой любви к справедливости, Курой отметила: беловолосая макушка детектива возвышалась над разношёрстной толпой. Развороту плеч мог позавидовать даже атлет, красующийся мышцами перед ярко разрисованной палаткой. А улыбался оборотень куда обаятельнее, чем все зазывалы вместе взятые.

Тут ещё Рону пришла в голову идея, что тащить тегу за собой не слишком продуктивно. И он, не спрашивая, понятно, разрешения, просто взял её под локоть. И девицы стали толкать и теурга. Конечно, комфорта это не добавляло. Но, почему-то доставляло удовольствие. Так Мастерс ещё сумел подлить масла. Оборотень галантно не позволил Курой ступить по хлипким мосткам, брошенным в лужу, больше напоминающую небольшое озеро. Он просто перенёс девушку на руках.

Какая-то блондинка, виснувшая, между прочим, на собственном парне, поступок тоже оценила. И прошипела: «Дура ускоглазая!». Наверное, на такое обидеться стоило, а то просто развернуться, да и покинуть это развесёлое местечко. Но вместо этого тега почему-то гордо задрала нос. И сама сунула ладошку под локоть оборотня. За что заслужила очередную кривоватую и такую понимающую-понимающую улыбку.

— Ну, детка, куда направимся? — жизнерадостно поинтересовался Рон.

— Понятия не имею, — легкомысленно отозвалась Каро, тряхнув наскоро собранными в пучок и изрядно растрепавшимися волосами. — Лучше скажи, что я должна сделать, чтобы

ты меня перестал так называть?

— Постареть? — предположил оборотень. — Но поскольку в ближайшее время тебе это не грозит, то... займёмся планами. Если ты не знаешь, куда нам идти, скажи тогда, чего ты хочешь.

— Всего! — заявила Курой.

— И сразу?

— Нет, можно последовательно, — не поддалась на провокацию тега. — Но сначала я желаю сахарной ваты. И на качели. Кстати, это вполне можно совместить.

И теург, гордо и независимо подняв подбородок, решительно пошла к окружённому зелёными огоньками ларьку, где магичил, наматывая на палочку тонкие нити, продавец ваты. При этом руки Мастера она не отпустила, уже сама таща тихонько хихикающего детектива к цели.

— Шевели-шевели ногами, — попыталась остудить его веселье Курой. — Тебе меня ещё на качелях качать. Я хочу выше, чем вон тот парень.

— Дотянуться до звёзд желаете, леди?

— Ну, Луну же ты мне не даришь...

* * *

Каро уже была готова сдаться и заявить, что с неё на сегодня развлечений достаточно. Ноги казались чугунными, в животе от всего съеденного и выпитого бурчало. Корсет стягивал рёбра так, что они уже угрожающе потрескивали. И голова кружилась. До звёзд они, конечно, не достали. Но Рон, посмеиваясь, очень старался. А силы оборотню не занимать было. Да и руки отваливались.

Мастерс совершенно не по-джентельменски заявил, что его дело призы выигрывать, а дело дамы их тащить. Пушистый медведь из настоящей овчины, корзина с грушами и леденец совсем уж гигантских размеров казались пудовыми. Но бросить их Курой моральных сил не находила. Хотя её и посещала мысль, что груши она не очень-то и любит.

— О, давай зайдём! — жизнерадостно предложил оборотень.

Теург с сомнением оглядела палатку, расписанную кривоватыми звёздами и кометами.

— «Мадам Алейна предсказывает будущее. Темна вода во облацех, но мы даём стопроцентную гарантию. Если гадание не сбудется, то деньги вернём!» — прочитала тега вслух. — Кстати, ты не знаешь, что такое «во облацех»?

— Понятия не имею. Так что, заглянем?

— На гадание со стопроцентной гарантией? — фыркнула Каро. — Интересно, когда они собираются возвращать деньги? Ну, напророчит она, что у тебя родится пятеро детей. Так ты ей и на смертном одре претензий предъявить не сможешь. Шансы-то, пока не помер, имеются.

— Ну и что? — упёртостью Мастера Семеро наградили даже ещё щедрее, чем физической силой — это тега уже заметила. — Всё равно интересно. Пойдём.

— Рон, не дури, — попыталась вразумить напарника Курой, тормозя пятками. Правда, помогало это не слишком сильно. Оборотень её сопротивления и не замечал. — Предсказать будущее вообще невозможно. Ты хоть представляешь, сколько должно совпасть факторов, чтобы, например, у тебя именно третьего марта родился сын с зелёными глазами?

Миллиарды! Будущего нет, есть только прошлое и настоящее.

— Что-то тебя на детях заклонило, — усмехнулся детектив. — Я в тебе бужу материнские инстинкты или инстинкт размножения? Не будь занудой, детка. Относись к вещам проще!

И на этой нравоучительной ноте оборотень-таки затащил девушку под звёздчатый полог.

Внутри палатки обстановка оказалась ровно такой, какой Каро и ожидала. Таинственно-сумрачно, только одинокая керосиновая лампа горела. Видимо, боясь пожара, открытого огня мадам Алейна разводить не рисковала. А на магический не хватало ни способностей, ни денег. Воздух подванивал курящимися благовониями. Под потолком висело чучело, почему-то, акулы из брюха которой сыпались трухлявые опилки. И куча псевдо-магической атрибутики, вроде собачьих черепов, хрустальных шаров и псевдо золотых чаш.

Сама гадалка пыталась сойти хотя бы за альва-полукровку. И надо сказать, что темнота и густая вуаль ей в этом деле помогали. Правда, воск, придающий кончикам ушей остроту, размяк и потёк, выдавая «магичку» с головой. Да и «шикарный» белокурый парик стоило купить и подороже.

Курой готова была спорить, что гадалка родилась скорее получеловеком.

— Что вас привело ко мне? — таинственным, но несколько хрипловатым от постоянной говорильни голосом поинтересовалась мадам.

— Хороший вопрос для предсказательницы, — хмыкнула тега. — Я уж даже и не говорю про то, что должна бы угадать. Просто вот зачем, по вашему мнению, могут зайти в палатку к гадалке? Молока купить?

— Каро... — одёрнул девушку Рон.

Правда, губы его тоже как-то подозрительно кривились, а брови оборотень насупил слишком уж сурово.

— Каждый, проходящий ко мне, хочет услышать ответы на разные вопросы. Кого-то интересуют деньги, кого-то здоровье, а кого-то любовь, — мадам наглядно продемонстрировала, что опытную мошенницу дешёвыми шутками с панталыку не собьёшь.

— А вы деньги раздаёте? — рассеянно спросила теург, внимательнее присматриваясь к предметам.

Стоило отдать предсказательнице должное, не всё здесь было бутафорией. Имелась, например, маска, влияющая на эмоции посетителей — успокаивающая и настраивающая на позитивный лад. Амулетик, рассеивающий внимание. Хитрый веночек из сушёных трав, вызывающий симпатию к той, над чьей головой он висел. Да и акула украшала интерьер не просто так. Под ней стоять никому не рекомендовалось. А то, приди гадалке в голову фантазия поугадать клиентов, лёгкими ожогами можно и не отделаться.

— Нет, деньги я не раздаю, — заверила тегу мадам. — Наоборот, их мне платят. Я имела в виду, что многих сейчас интересует, разбогатеют они или нет. Раньше больше про любовь спрашивали.

— Падение нравов, моральная деградация, — посочувствовала девушка, вытягивая оборотня за рукав из-под чучела.

Так, на всякий случай.

— Слушайте, а сколько у меня детей будет? — выдал вдруг детектив.

Видимо, амулеты оказали-таки на слишком мягкий мозг Мастерса своё пагубное

влияние. Хотя оборотни подобной магии вообще поддавались с трудом.

— И это меня на детях заклинило? — фыркнула теург.

— Хорошая попытка поймать меня на незнании, — хрипловато пропела гадалка, откидываясь на спинку кресла. — Вы же уверены, что ни одного, верно? Не собираетесь быть отцом вовсе. Но уж простите. У судьбы на вас свои планы. Вот эта девушка родит для вас двоих. И ещё одного принесёт река жизни.

— Так, ну всё, с меня хватит! — решительно заявила Каро. — Если хочешь, слушай весь этот бред в гордом одиночестве, а я пошла.

— Ну да, вы же тоже уверены, что никогда не станете матерью, — провидица оказалась упорной.

— А вы уверены, что вам мешает разбогатеть судьба? — вдруг разозлилась теург.

Хотя, почему вдруг? Как любой образованный магик, она терпеть не могла шарлатанов.

— Вы можете посчитать, сколько денег у меня в кошельке? Не знала, что ко мне заглянула коллега-ясновидящая, — усмехнулась мадам.

— Должны бы знать, госпожа пророчица! — тега, зажав медведя подбородком и едва его не уронив, ткнула пальцем в сторону. — Вот на этом миленьком черепе лежит проклятье. Старенькое и слабенькое, но вполне действующее. Оно и мешает осуществиться мечте.

— Девочка, проклятье невозможно наложить на предметы.

— Тётенка, меньше верьте сказкам, — огрызнулась Курой, поудобнее перехватывая свои сокровища. — Наложить нельзя. А вот запечатать, например, сбросив с себя, опытный операционист вполне может. Всего-то и надо, что тихонечко своим потоком его подпитывать. Всё, пошли отсюда.

Сунув леденец подмышку, она уцепила странно притихшего Рона за локоть. Оборотень молча повиновался, упорно глядя куда-то себе под ноги. Каро пришлось его два раза окликать, прежде чем детектив его услышал.

— Ты думаешь, что это действительно вранье? — задумчиво спросил Мастерс.

Вместо ответа Курой пальцем у виска покрутила.

— А вдруг?.. — теургу показалось, что в голосе её напарника мелькнуло что-то, сильно смахивающее на страх.

— Ты явно на качелях перетрудился! — вынесла вердикт тега. — Не знаю, как там насчёт реки жизни, но вот я тебя счастливым отцом делать точно не собираюсь. Себя, кстати, тоже.

— Отцом? — ухмыльнулся блондин, отмирая.

— Матерью! — рявкнула теург.

Глава двенадцатая

Неожиданность — один из залогов победы, но, возможно, не твоей.

— Объясни мне, пожалуйста, почему мы должны мочить свои... ноги здесь? Почему просто не зайти в дом? — проворчала Каро, пытаясь устроиться поудобнее.

Сделать это было совсем не просто, даже и в штанах. На землю не сядешь — мокро слишком и гадостно. В полный рост не встанешь. Кусты и летом-то густотой не отличались, а сейчас и вовсе поредели. Поэтому и приходилось сидеть на корточках. А поза эта очень неудобная. Уж не говоря о её пристойности.

Хорошо ещё, прохожих не много. Те же, что есть, озабоченные своими делами, спешат куда-то под моросящим дождём и по сторонам не смотрят. Потому что со стороны детективы выглядели, наверное, мягко говоря, странно. Вот что может предположить любое нормальное существо, увидев двух парней, присевших за кустиками? Вероятно, поблагодарит всех Семерых разом, что за кустики ушли, а не расположились посередь дороги. Бывало в Элизии и такое. Хотя, конечно, не в кварталах dwarфов. Эти ребята пытались приличия блюсти и за чистотой следили.

— А как ты себе это представляешь? — отозвался Мастерс.

Вот ему такое с позволения сказать «сидение» никаких неудобств не доставляло. Рожа абсолютно спокойная, даже блаженная, словно он в кресле развалился. И не шевельнулся ни разу. А у Курой уже коленки трещали.

— И что тут сложного? — огрызнулась теург. — Ты же хотел расспросить служанку маменьки нашего клиента, так? Ну, пошли да расспросим. От дома нам пока, вроде, не отказывали.

— Ты думаешь, служанка при хозяйке всю подноготную так нам и выложит? — оборотень насмешливо покосился на напарницу. — Интересный способ нарваться на увольнение без надежды на рекомендации. Сплетничать о хозяевах в их присутствии.

— Тогда она и без хозяев ничего не скажет!

— Ну, это мы ещё посмотрим.

А у самого физиономия такая самодовольная, чуть не трескается от осознания собственного профессионализма. Прямо-таки демонстрирует, что уж ему-то, такому со всех сторон замечательному, все всё расскажут. И даже покажут.

Вся затея изначально казалась Каро не слишком успешной. С утра её собственное предположение, будто козни может плести мать господина Горха, выглядело не слишком убедительно. Но выслушав отчёт Мастерса, который не забыл упомянуть про версию Курой, но запомнил сообщить об их походе в балаган, Росс счёл идею достойной проверки. Вот тогда они и решили выловить служанку почтенной метрессы и хорошенечко её расспросить. Вследствие чего тега и сидела на корточках за сомнительными кустиками, опять облачённая в мужскую одежду. Хотя последний факт скорее радовал, чем возмущал.

— Кстати, вот и она, — оповестил оборотень. — Ты сиди тут и не высовывайся. Я сам с ней поговорю.

— Это стоит понимать, как: «Не мешайся под ногами»? — огрызнулась теург.

Рон только хмыкнул нечто неопределённое. Видимо, соглашался с трактовкой.

Детектив одёрнул куртку, поправил кепку, заломив её на затылок, и вышел на дорогу. Лихо, а, по мнению теги так придурковато, сунув руки в карманы. Служанка — дварфка, понятно — при виде оборотня сначала вскрикнула. Нормально так вскрикнула, как любая женщина, на пути у которой возникает невесть откуда взявшийся мужик размером со шкаф. Но потом она ещё и взвизгнула, уже эдак кокетливо-испуганно. И ручку к пышной груди прижала, головка на бок, глазки опущены и дышит тяжело, словно бежала сюда от самой площади Мира. Видимо, детектива узнала.

Курой аж зубами скрипнула от досады, хотя её саму от этого звука продрало. Но невозможно же спокойно смотреть, как некоторые женщины весь свой род позорят! Или эта дварфийка думала, что Мастерс слепой, её ужимок не заметит и примет всё за чистую монету? Так ведь не слепой. И не дурак, между прочим. В смысле, дурак, конечно, но...

Короче, служанка Каро не понравилась категорически.

Впрочем, оборотень тоже вёл себя не слишком прилично. Согнулся над пухленькой кокеткой, как знак вопроса. И урчал нечто такое, а может и эдакое, но тоже кокетливое. А потом, кажется, и вовсе девушку обнял. Теург не смогла толком разобрать, сколько шею не вытягивала. Оборотень ей весь обзор своей спиношей загородил. В результате тега чуть не шмякнулась, вывалившись из-за кустов. Только в последний момент успела выставить руку, перепачкав её в грязи.

В конце концов, Мастерс отошёл чуть в сторону, даже назад шагнул. Не далеко уйдя, правда. По мнению Курой, к девице он всё равно стоял непозволительно близко. Но, по крайней мере, Каро теперь могла рассмотреть глупо хихикающую служанку. Правда, разглядывать её у теги ни малейшего желания не имелось.

— А как же, господин Рон! Конечно метресса Горх из дому выходит. Не будет же она целыми днями сиднем сидеть! — выдала дварфийка и опять хихикнула.

Идиотка!

— Ну, так может, я такую милую девушку и навещу, когда хозяйки не будет? — большим котом промурлыкал Мастерс.

— Ой, ну что вы! Она же чай днём уходит, не ночью. В доме-то ещё других полно. И слуги, и дочка хозяйская с женой...

— Да вы только скажите, когда ваша хозяйка уйдёт. А там уж я сам все проблемы решу, — напирал мохнатый наглец. — Вот, скажем, если она по пятницам в храм ходит, то я мог бы задками к вам и пробраться. Она же, наверное, с сопровождающими молиться отправляется? Всё соглядатаев меньше.

— Нет, по пятницам госпожа дома сидит, — расстроилась дварфийка, которой, видимо, и самой уже хотелось, чтобы оборотень навестил её в приватной обстановке. — Только по средам. То есть, сегодня вот её не будет.

— Вечером? — оживился детектив. — Так, может, я тогда мастеровых отвлеку? Пивком их угощу, а сам к вам.

— Да нет, днём, — совсем расстроилась девица. — Она обычно в полдень отбывает, а к обеду возвращается.

— Незадача, — протянул оборотень, почесав затылок и сдвинув кепку на лоб. — Ну, ничего. Я обязательно найду возможность поговорить о ваших любимых цветах наедине. Вы уж только не гоните меня.

— А мы и сейчас поговорить можем. Ежели вы меня проводите, то у нас с вами почти час будет, пока я по лавкам хожу. Поможете тяжёлую корзину тащить. А то, знаете, порой

руки просто отваливаются.

— Никак не могу, — искренне огорчился Рон. — Дела, дела... Вот как раз сейчас вынужден бежать. Зарабатывать прелестным девушкам на розы.

— Ну и как желаете! — дёрнула пухлым плечиком служанка, явно разочарованная не слишком джентельменским поведением Мастерса. — И у меня, между прочим, свои дела имеются. Так что не думайте, господин хороший, что я вам завсегда рада буду. В следующий раз хозяйка-то и отлучится, только и у меня занятия найдутся.

— Вы разбиваете мне сердце! — простонал Мастерс, видимо, для наглядности, хватаясь за грудь.

Любой уличной актёришка от такой «достоверной» игры на месте скончался бы. В конвульсиях.

Но дварфийка, видимо, поверила. Потому как фыркнула надменно, ещё раз дёрнула плечиком — хотя, может, она просто от нервного тика страдала? — и с гордо поднятой головой удалилась, независимо покачивая корзинкой.

Видимо, сейчас ноша её рук не оттягивала.

* * *

Пришлось детективам за кустиками ещё посидеть. Причём молча — Мастерс просто зажал Каро ладонью рот, когда она вознамерилась выразить своё отношение к случившемуся. Появилась почтенная матушка господина Горха только в полдень. Но появилась одна, без сопровождения. И весьма шустро направилась куда-то.

Следить за дварфийкой, подозревающей за собой слежку, а потому поминутно оглядывающуюся, оказалось делом нелёгким. Когда теург разговаривала с матроной, она показалась дамой почтенной, в силу возраста к чрезмерной шустрости не склонной. Но внешность частенько бывает обманчивой. По улочкам метресса передвигалась вполне шустро.

Вот тут Рону нелегко пришлось. Курой в своём маскарадном костюме вышагивала вполне свободно. А оборотень напрыгался по подворотням в лучших традициях шпионов из авантурных романов. Поэтому настроение у детектива радужностью не отличалось. Временами он странно морщил нос, словно оскалиться собирался, да сдерживался. А тут ещё тебе приспичило порассуждать о моральной стороне детективного дела.

— Ну, хорошо, я согласна, — разглагольствовала теург, сама не заметив когда, сунув руки в карманы своей поношенной куртки, выданной её оборотнем. — Информация для нас важнее всего. И получить её нужно любым способом. Но существуют же рамки!

— Чем тебя мои рамки не устраивают? — огрызнулся Мастерс, присаживаясь, будто у него шнурок развязался — госпоже Горх в очередной раз приспичило обернуться. — Я её не бил, не пытал и не насиловал.

— Ты её не что? — поперхнулась Каро.

— Главное, что я её не. Всё остальное вторично.

— Интересный у тебя подход к делу, — поморщилась тега. — Но кроме физического вреда есть ещё и вред моральный. Ты же ей надежду дал.

— На что? — удивился оборотень.

— На то, что она тебе понравилась. На то, что у вас с ней могут быть серьёзные

отношения. Ты же её обманул, просто использовал.

— Угу, понятно. По-вашему, госпожа Благовоспитанность, я должен каждой женщине, с которой заговорил, как минимум предложение сделать? Ну, хотя бы из вежливости. А если посмел за руку взять, то жениться обязан непременно. Даже против её воли?

— Не передёргивай, — насупилась Каро. — Но обманывать женщин — это недостойно. Девушка рассчитывает на тебя, надеется...

— Стоп! — резко приказал детектив. — Ты сейчас договоришься до того, что женщины от мужчин зависят. А потом сама же за это мне на голову кирпич уронишь. Давай определимся, ты чего на меня взъелась? Это просто сочувствие подруге по несчастью? Типа: «Я-то этих лживых сволочей знаю!». Или ты ревнуешь?

— Да как ты... — от возмущения у Курой даже дыхания договорить полную фразу не хватало. — Да я тебя... Да посмей только...

— Общую концепцию я понял, — абсолютно спокойно заверил её Мастерс и совершенно неожиданно рявкнул. — Вот только ты меня допекла!

Оборотень вдруг дёрнул девушку за руку, затащив её в щель между домами, заваленную мусором. Но, собственно, местные красоты теге рассматривать некогда было. Потому что её прижали к стене, до боли сжав пальцами подбородок и... поцеловали. Настойчиво так, основательно, вдумчиво и с большим знанием дела.

Не то чтобы Каро немедленно голову потеряла или там колени у неё подкосились. С физиологией ничего критичного не произошло. Вот только почему-то даже мысли о сопротивлении не возникло. А руки сами собой на шее оборотня оказались. Да и губы напористому Мастерсу отвечали. Не сказать, что столь же умело, но охотно.

— Пойдём жениться? — негромко поинтересовался Рон.

— Зачем? — ошалело спросила Курой.

Всё-таки, соображалка у девушки взяла тайм-аут. И в голове крутилось только одно: глаза у оборотня оказались разноцветными, а вовсе не зелёными. Пульсирующий зрачок очерчивала полоска густой, почти чёрной зелени. Потом зеленовато-жёлтый топаз, а на краях ободок цвета спелого крыжовника. И ещё коричневатые крапинки.

— Я же тебя обесчестил. Надо жениться, — пояснил Мастерс. — Или не будем жениться, и я тебя не бесчестил?

— Не будем, — как заворожённая повторила теург.

— Я тебя чести не лишил, а девица должна сама выбирать, с кем ей кокетничать, а с кем нет?

Тега только послушно кивнула в ответ.

— И ты больше не станешь критиковать мои методы ведения дознания. А, наконец-то, сунешь свои амбиции куда-нибудь подальше и начнёшь на ус мотать?

— Знаешь что? — возмутилась Курой.

— Не полный успех, но тоже неплохо, — не слишком последовательно заявил Рон. — Будем достигать желаемого результата постепенно. И не знаю я. Главное, что я сейчас не знаю — это где нам теперь Горхшу искать. Вот говорил же: на кой мне напарник?

— Например, сказать, куда дварфийка зашла? — выделив в слюну хорошую порцию яда, поинтересовалась теург, отталкивая от себя оборотня.

Конечно, её силёнок не хватило даже на то, чтобы с места эту громадину сдвинуть. Но Мастерс сам решил отойти.

— И куда?

— А вот в ту кондитерскую!

Пожалуй, вполне законное чувство превосходства было приятнее, чем все поцелуи мира вместе взятые.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно прищурился Мастерс. — Амулет какой-нибудь особый?

— Ага, глаза называются! — огрызнулась тега. — Просто заметила, что она туда свернула, когда ты меня сюда волок.

— Н-да? Ну, пойдём, проверим. Может, и недаром говорят, будто новичкам везёт...

Кажется, вместо слова «новичок» детектив хотел употребить другой эпитет. Но сдержался.

А новичкам действительно везло. В кондитерской, как и во всех подобных заведениях в Элизии, хозяева оборудовали ещё и крошечную кафешку всего на четыре столика. Чтобы покупатели имели возможность не спеша продегустировать местный товар, запив свежую выпечку чашечкой кофе, чая или шоколада. В общем, местечко милое и вполне уютное. Вот только для тайных встреч совершенно неподходящее.

Несмотря на то, что дварфийка села за самый дальний, не заметный от дверей, столик, через большую стеклянную витрину её было видно прекрасно. И даже вычурные буквы рекламы не мешали. Да и с таинственными личностями в кондитерских встречаться, наверное, не слишком умно. Какой-нибудь кабак для этого подходит гораздо больше. Хотя, конечно, там бы уже не личность, а сама почтенная матрона выделялась, как чернильное пятно на простыне.

Но знакомства метресса Горх водила, мягко говоря, странные. Поджидающий её мужчина старался остаться никем не замеченным. Настолько старался, что не заметил бы его исключительно слепой. Визави дварфийки кутался в чёрное слишком широкое, будто с чужого плеча, пальто с поднятым воротником. И нижнюю половину лица он замотал таким же чёрным шарфом. А широкополую шляпу, вроде тех, какие пастухи носят, личность старательно натягивала на нос. Да при этом ещё и постоянно нервно оглядывался, отчего напоминал дёрганную юлу. Как будто этого мало, таинственный незнакомец горбился, едва грудью не ложась на столик. И, видимо, шептал, заставляя престарелую госпожу наклоняться к себе.

— Это что ещё за чучело? — озадаченно поинтересовался Рон.

Каро, хоть детектив и не к ней обращался, пожала плечами. Просто ей типус тоже показался странным. Просто-таки актёр, играющий роль секретного осведомителя: «Я знаю вашу страшную тайну, госпожа! Но она умрёт вместе со мной, если вы отдадите фамильное ожерелье с рубинами!». Только вот играл он как-то не слишком убедительно.

* * *

Каро даже и не удивилась тому, что дварфийка покинула кондитерскую первой. Классика жанра — она классика жанра и есть. Следуя ей, уходить нужно по одному. Вот только слишком уж таинственный собеседник после ухода госпожи Горх повёл себя совсем странно. Он явно расслабился, сбросил с плеч пальто, под которым оказался вполне приличный сюртук, размотал шарф и снял шляпу. Оказавшись очень даже привлекательным саламандрой. Даже лицо у него не слишком вытянуто было. Собственно, только красная

чешуя на принадлежность к этой, довольно-таки редкой, расе и намекала.

Уходить он не спешил. Заказал себе чашку чего-то парящего и неторопливо её выпил.

— А у нас план-то есть?

— Конечно, есть, — согласился Рон, явно думая о чём-то своём.

— И кто этого очаровывать будет? — не без ехидства поинтересовалась Каро. — Снова возьмёшь эту задачу на себя?

— Детка, подход к клиентам должен быть дифференцированным, — снисходительно отозвался оборотень, от напряжённой работы мыслей даже хмурясь. Кажется, он не задумался, а пытался что-то вспомнить. — Этого очаровывать не надо. Раз по почкам — и вся информация наша.

— Оча-ро-ва-тель-но! — оценила Курой, не уверенная, что подобный подход ей нравится. — Но без меня.

— Естественно, без тебя. С твоим хилым тельцем только мух полотенцем гонять.

Теург на такое заявление руки на груди сложила и гордо отвернулась. Отвечать на подобные злобные наветы — собственное достоинство ронять. Конечно, она не считала себя эталоном красоты. Но и «хиленьким» своё телосложение не назвала бы. Если только по сравнению с оборотнем. Ему и слон недокормышем покажется.

А пока теург дулась, саламандр увязал свои «таинственные» одежды в узел, закинул его на плечо, вышел из кондитерской и направился своей дорогой, кажется, даже насвистывая. Мастерс, не удосужившись сообщить напарнице о своих намерениях, отправился следом. Пришлось теге догонять детектива едва не вприпрыжку.

За красночешуйчатым детективы тащились довольно долго. Он, как будто назло, выбирал оживлённые улицы. И в подворотни сворачивать не спешил. А бить его по почкам на виду у почтенной публики, наверное, не самая хорошая идея. Вот и прогуливались сотрудники «Следа» добрых сорок минут, всё надышаться не могли Элизийским смогом.

Наконец, саламандр, как будто сжалившись над преследователями, нырнул-таки в переулок, с обеих сторон зажатый сплошными, без окон, стенами домов. Тут Мастерс, уже порывающийся от нетерпения, тормозить не стал. Рванул вперёд, всей своей нехилой массой сбил парня с ног, но тут же подхватил за шиворот, не давая упасть. И противореча собственному утверждению про почки, прижал его к кирпичам, придавив горло предплечьем. А вот бить не стал. Только быстро и как-то очень профессионально обшарил левой рукой карманы, не забыв залезть за ремень. И перебросил теге смешной, похожий на игрушку, револьвер и совсем не смешной тесак.

Каро, застывшая в растерянности у входа в переулок, не слишком хорошо понимающая, что ей-то делать в данной ситуации, брошенное машинально поймала. Да так и осталась стоять, то ли брезгливо, то ли опасливо держа оружие на отлёте.

— Кто такой? — коротко поинтересовался Рон.

— Да пошёл ты! — не слишком испуганно, хоть и слегка придушенно, отозвался парень.

— Я-то пойду, — не стал спорить оборотень. — Только вот сможешь ли ты ходить — это ещё вопрос.

— Мастерс, я вам дорогу не перебегал...

— И всё-таки я тебя знаю. Вот понимаю же, что знаю. Только вспомнить не могу, откуда.

— Что поделаешь, возраст, склероз, — посетовал саламандр. — Агентство «Ваша безопасность».

Оборотень уважительно присвистнул и отпустил парня. Даже сюртук на нём заботливо поправил.

— Пардон, коллега, не признал, — покаялся детектив.

Впрочем, в его сожаления Курой не очень-то поверила. Саламандр, кажется, тоже. Потому что он выдал длинную и прочувственную тираду. Смысл которой сводился к тому, что Рон, вместе со своими вопросами, может идти куда-нибудь подальше отсюда. А вот от формы пожелания щеки теурга вспыхнули, как вечерние фонари. Хотя она значения и половины произнесённых слов не знала, но интуитивно догадывалась.

— Ладно-ладно, — даже закалённый Рон от таких словоизлияний поморщился. — Буду должен. Лучше скажи, чего от тебя Горх хотела.

— Послать бы тебя... — огрызнулся парень.

— То есть, это было всего лишь дружеское пожелание? — удивился оборотень. — Да будет тебе. Сказал же, должен. Мне подробности не нужны. Так, в общих чертах нарисуй.

— Морду бы тебе разрисовать, — снова начал мечтать саламандр. Впрочем, тут же и закончил. — Да за снохой я её слежу. Женой сына.

— И как?

— А никак, — ухмыльнулся чешуйчатый, показав треугольные, как у акулы, зубы. — Дома сидит. Если и выходит, то только по магазинам пройтись, да и то в сопровождении служанки. В гости к ней никто не является, писем не получает. Золотой заказ.

— Это когда ничего делать не приходится, а деньги платят приличные, — пояснил Мастерс явно для Каро.

Хотя в сторону девушки даже и не повернулся, вежливый такой!

— Стажёр? — насмешливо сморщил удлинённый нос саламандр. — Наставничаешь, новое поколение пестуешь?

— Пестую, — опять согласился Рон, размышляя о чём-то отвлечённом. — Сын.

— Да ладно, это ж девка! — возмутился недоверчивый парень.

— Серьёзно? — тяжело поразился оборотень. — Опять обманули. Ладно, иди себе. И прости, если помял слегка. Сам понимаешь, всякое бывает.

— Только ты мне железки-то отдай, — напомнил саламандр.

Мастерс кивнул Курой, видимо, намекая на то, что оружие надо вернуть владельцу.

— А зачем вам это? — указала девушка подбородком на валяющийся узел с пальто и всем прочим.

Не сумела всё-таки теург любопытства сдержать, как не крепилась.

— Это называется грамотный подход к делу, — снова озарил переулочек своей жутенькой улыбкой парень. — Дай клиенту то, что он хочет — и денежки рекой польются. Дамочкам нравится в таинственность играть. А желание клиента для нас закон.

— Я думала, что задача детективов не деньги качать, а правду узнавать, — буркнула Каро.

Саламандр ей нравился всё меньше.

— Вот поэтому ты и подвизаешься в каком-то там «Следе», детка. Научишься понимать, что почём в этом мире, может, дорастёшь и до нас.

— Слышал я, что у саламандр язык такой длинный, что его можно вокруг их собственной шеи обмотать, да ещё и останется, — сумрачно выдал оборотень, глядя на чешуйчатого исподлобья.

— Не нравится правда жизни? — нагло поинтересовался парень, хотя улыбку и

притушил.

— Деток ищи в другом месте, — посоветовал Мастерс, хмурнея ещё сильнее.

— Понял-понял, уже удаляюсь.

Саламандр проворно подхватил свой узел и ужиком скользнул мимо Курой, по пути сграбастав оружие. Впрочем, для теги он никакого интереса уже не представлял. Девушка открыла рот, чтобы поблагодарить напарника. Но, видимо, воспитанность ей проявить было не суждено.

— Опять облом, — мрачно сообщил Рон, ладонью растирая подбородок. — Что ж так не везёт-то? Надо подумать хорошенечко. Ладно, детка, пошли.

Понятно, что рот Каро тут же и захлопнула. Желание благодарить оборотня у неё почему-то пропало.

* * *

Возвращение вышло мрачным и переполненным недовольством: на ход следствия, на напарника и на весь мир в целом. Мастерс хмурился и балагурить не пытался. А Каро раздражение просто распирало. Да ещё и устала она. Но склоку начинать не хотелось. По крайней мере, первой.

— Я тебя до дома провожу, а сам в контору поеду. Всё равно сегодня уже никакой работы не будет, — ненавязчиво поставил Курой перед фактом оборотень. — Перед Алексом тоже сам отчитаюсь.

— А почему ты? Может, у меня это объективней получится? — огрызнулась Каро.

— Это почему?

Детектив искоса глянул на теурга и тут же отвернулся. Как будто ему на девушку даже смотреть было неприятно.

— Да потому что ты обязательно постарайся замазать собственные промахи. А то и меня выставишь виноватой!

Между прочим, такое заявление даже с точки зрения самой теги имело весьма опосредованное отношение к справедливости. Но раздражение кипело, бурлило, вздувая пузыри и подпуская в воздух вонь.

— Я тебяставляю виноватой? — отдельно, едва не по слогам, повторил Рон. — И в чём, скажи на милость, мои ошибки?

— А госпожу Горх я что ли упустила? Да если меня там не было, ты бы её сроду не нашёл!

— Если бы тебя там не было, я ни на что не отвлёкся!

— Так вот я кто? — зашипела Каро. — Отвлечение для великого сыщика! А ты со мной нянчишься и пестуешь? Спасибо тебе огромное! Могу благодарность в письменной форме составить! Только, между прочим, я не просил ни нянчить меня, ни пестовать. Я взрослая, вполне сформировавшаяся личность и дипломированный специалист! А ты мне ничего не даёшь сделать. Поэтому мы никуда и не продвигаемся!

— Интересно услышать, куда это ты собираешься продвигаться? — рыкнул Рон. — Я уж не говорю, чтобы увидеть расследование великого специалиста. Может, поделишься планами?

— Чтобы ты присвоил все заслуги себе? Держи карман шире! Всё, я с завтрашнего дня

работаю одна! И с господином Россом поговорю сама! Всего хорошего!

Курой развернулась на каблуках и помчалась по улице едва не бегом.

— Стой! Тебе вообще в другую сторону, специалист! — крикнул ей в спину Мастерс.

— Без тебя разберусь, в какую мне сторону! — буркнула себе под нос Каро. — Тоже мне, знаток всего и вся. Великий воспитатель!

Она содрала с головы дурацкую, давящую на виски кепку и на ходу завязала волосы в узел. Подумала и зашвырнула головной убор на фонарный столб. Не добросила, естественно. Кепка спланировала в грязь, как подбитая чайка. Но поднимать тега её не стала.

Куда теург шла, она и сама понятия не имела. Город девушка знала плохо, а уж кварталы dwarфов и подавно. Просто шла себе и шла — прямо. Благо, время не позднее было. И нарваться на неприятности Курой не боялась. Раздражение требовало активных действий, хоть каких-нибудь.

Только вот теург забыла, что, например, Мастерсу время суток не помешало зажать незадачливого чешуйчатого детектива в тихом переулке.

Первого парня она чуть не снесла с разгона. Тот девушку едва успел перехватить, придерживая и мешая в себя врезаться.

— Тю, да это ж девка! — изумился гоблин, обдав Каро волной вони, густо замешенной на чесночном перегаре, пивном духе и аромате гнилых зубов. — Так гораздо весельше!

Курой, ещё ничего не понимая, дёрнулась назад, вырываясь. Парень её удерживать не стал, только ухмыльнулся, продемонстрировав, что с зубами у него и впрямь всё плохо. Теург оглянулась, нашаривая взглядом выход из закоулка. Но вместо выхода наткнулась на ещё двоих, стоявших у неё за спиной. С перепугу она даже расы весельчаков не разобрала. Только и поняла, что они тоже ухмыляются.

— Я закричу... — предупредила тега.

— Валяй, — благосклонно позволил первый. — Только хто ж тебя тут услышит? Зря, что ль, мы такое местечко усмотрели? Сидим, понимаешь, ночи дожидаемся, шоб на промысел податься. А тут — гля! — птичка сама прилетела!

— Да что вам надо-то? — пролепетала Каро. — У меня даже денег нет. Кошелёк в агентстве оставила. Вместе с сумочкой.

От собственной беспомощности, а ещё от страха, кишки в узел завязались. И мерзко елозили в животе, как змеи.

— Денег нет — эт плохо, — посочувствовал всё тот же, разговорчивый. — С деньгами ещё б весельше стало. Но мы тебе и без денег разобъясним, как за проход заплатить. Верно, пари?

Пари — то ли «парни», то ли «парии» — поддержали идею объяснить дружным хохотом. А Курой вдруг сообразила, что надо бы действовать, а не разговоры разговаривать. И ломанулась вперёд.

Ничего хорошего у неё не вышло. Схватили девушку сразу двое. Один за шиворот сзади, а другой за локти спереди. И на стену дома швырнули так, что у теги дыхание вышибло. Правда, даже согнуться теургу не дали. Прижали, шарахнув затылком о кирпичи. Сознания она не потеряла, хоть мир и закрутился каруселью с заунывным напевом шарманки. А земля под ногами встала косо боком.

Но лучше уж она в обморок упала. Тогда хотя бы не чувствовала скользких и липких, как слизняки рук у себя на груди. А они оказались именно скользкими и липкими, хотя даже куртка, кажется, осталась застёгнутой.

Что дальше произошло, Каро пропустила. Никаких разговоров, криков, ударов — ничего этого не было. Просто вдруг стало дышать легко, а потом сложно, как будто она во что-то носом ткнулась. И темнота наступила. Но это что-то, мешающее дышать, оказалось мягким и пахло знакомо: чуть-чуть табаком, серым мылом и немного бумажной пылью. К этому примешивался и другой запах, но его определить Курой не сумела.

— Ты цела? — прогудело странно, сразу с двух сторон — над головой и под самым ухом, будто из бочки. — Болит где? Да не молчи ты, Каро!

— Затылок... — проныла девушка, облизывая губы, которым стало мокро и солёно.

И почувствовала на собственной голове лёгкое, почти не ощущающееся прикосновение.

— Разбили, но не сильно, — констатировали опять с двух сторон. — Ссадина, но промыть стоит. Ты решила боевые ранения коллекционировать? И что тебя всё на каких-то маргиналов тянет, а? Нет бы с благородной леди подраться.

— Рон, это ты, да?

До Каро, наконец, дошло, что носом она тычется в куртку Мастера. Темно и дышать сложно потому, что прижимается к оборотню слишком сильно. И голос детектива двоится тоже по этой причине.

— Нет, это не я, — не согласился детектив. — Принц-спаситель из девичьих грёз.

— А эти где?

Теург не слишком понимала, что Рон говорит. С другой стороны, сейчас понимание казалось не существенным.

— Вот дурочка! Ну, ведь дурочка же!

Так и не поняв, куда делись те, воняющие гнилыми зубами, тега оказалась на руках у оборотня. Собственно, ничего против этого она не имела.

Глава тринадцатая

Отсутствие неожиданностей не равняется отсутствию неприятностей.

От тоски и общего уныния, царивших в конторе, даже мухи передохли. По крайней мере, их никто не видел и не слышал. Впрочем, вполне возможно, дело было не в атмосфере, а в том, что на дворе второй месяц осени заканчивался. И все насекомые откинули лапки по естественным, а от того вполне уважительным, причинам.

— Ну, мы пока можем поработать с троллями, — кажется, даже для себя неожиданно, проявил инициативу Яте.

— И как ты с ними работать будешь? Проведёшь поголовный осмотр троллих? — кисло, без огонька, съязвил Рон.

— Для определённых выводов мне и одной хватило! — Курой не слишком дружелюбно глянул на оборотня, сложив пальцы «домиком» и спрятавшись за ладонями.

— В принципе, Яте прав, — подал голос Алекс, неохотно, будто одолжение кому-то дела, перебирающий бумажки у себя на столе. — Он сделал вывод, что клыки у тролльши... троллихи... самки... гм!.. — альв, конфузливо кашлянул в кулак, но нашёл-таки верный эпитет. — Что клыки у дамы удалены профессионально.

— На зубах счёт за услуги позабыли? — скривился Рон, сегодня явно решивший претендовать на титул главного зануды.

— Не оставили. А то бы ты уже гонял преступника по переулкам. И шикарно подставлялся под пули, — своей короны тег отдавать не собирался. — Я уже говорил, помнится, что тролли выгрызают свои поделки из камней...

— Это не ты говорил, а она, — ткнул Мастерс пальцем в теурга.

Каро на это чуть приподняла плечи, будто желая в них спрятаться. Её сегодняшнее поведение тоже отличалось оригинальностью. Девушка была тиха, с инициативами не влезала, со следователем не пикировала. И в целом привлекала внимание не больше, чем пыль. По крайней мере, для «Следа» такое сравнение можно считать вполне уместным. Пыль тут дружно игнорировали.

— Прекрасно! — порадовался уточнению Курой. — Тогда пусть она и излагает выводы, сделанные на основе осмотра.

И тег решительно сложил руки на груди, демонстрируя всем и каждому, что ни слова больше не скажет. Даже и под пытками.

— Достаточно, — прекратил склоку Росс, хлопнув ладонью по бумагам. — Выводы изложу я, если никто не против, — управляющий медленно, тяжело и очень убедительно оглядел своих сотрудников. Странно, но желающих ему возразить не нашлось. — Тролли и выгрызают артефакты потому, что у них очень мощные зубы. Если за удаление клыка возьмётся дилетант, то он такому пациенту всю челюсть разворотит. У тролльши Яте нашёл аккуратные шрамики. То есть, зубы выдрали со знанием дела. Основываясь на этом факте с достаточной долей обоснованности можно сделать вывод: охотится на обитателей заповедника стоматолог. Далее, выстрелом у неё разбиты обе коленные чашечки...

— На этом-то какой вывод можно построить? — не вытерпел Рон, явно позабывший захватить из дома чувство самосохранения. — Он просто хотел обездвигить жертву, вот и

всё.

— Верно, — кивнул альв, на счастье Мастерса, зарезервировавший терпение про запас. — Но, во-первых, можно сказать, что наш господин отличный стрелок. Тролли, конечно, существа немаленькие. Но точность выстрела, точнее даже выстрелов, ты оценить должен. И, во-вторых, что он, скорее всего, бывший военный. Согласись, охотники редко вырабатывают навык обездвиживания жертвы. Они обычно с другими целями стреляют.

Против такого расклада Рон возражений не нашёл. Хотя, судя по натужно нахмуренному лбу, искал он тщательно.

— Соответственно, нам нужно найти в списке получивших разрешение на охоту рядом с заповедником стоматолога с военным прошлым. А если такового в списке не окажется, то проверить всех, имеющих охотничью лицензию. Не так много вариантов получим, я думаю.

— Нет, погоди, погоди, — вскинул ладони Мастерс. — Почему ты так налегаешь на то, что это именно охотник? Места глухие, от Элизия далеко. Да и ближайшая деревня не близко. Пришёл, сделал своё дело и ушёл. Никто и не заметит.

— В принципе, ты прав. Но он с собой как минимум шкуры забирал. И риск нарваться с таким-то грузом слишком велик. Но если есть лицензия, то никаких вопросов возникнуть не должно. Охотник и охотник, шкура и шкура. Кто будет проверять, чья это шкура?

— Ладно, я понял, — сдался Рон, осознавший, наконец, что отвертеться ему не удастся. — Засяду за бумажки и найду вам этого охотника. Член Седь... эм... Я хотел сказать, что работа это в самый раз для члена парламента. В смысле, не один день уйдёт.

— Другие варианты есть? — поинтересовался альв и тут же сам себе ответил. — Других вариантов нет. Ведь так, госпожа Каро? У вас не возникло никаких новых мыслей о личности проклятого?

Несчастливая теург вздрогнула так, что это и слепой бы заметил. Да ещё вдобавок и густо покраснела, виновато теребя страницы своего блокнота.

— Н-нет, — проквакала она невнятно. — В смысле, я тут подумала... То есть, меня навела на мысль предсказательница... В общем, я вспомнила...

Но что конкретно девушка вспомнила, она изложить так и не решилась. Или моральных сил не нашла. В общем, замолчала тега, старательно разглядывая собственные колени.

— Вы хорошо себя чувствуете? — эдак заботливо удивился Алекс. — Не простыли?

— Да всё с ней нормально, — отмахнулся Мастерс, — поспорили мы с ней вчера. Как раз по поводу гаданий и поспорили. Девочка уверяла, что можно предсказать судьбу. Ну, пришлось ей на пальцах доказать, что такое невозможно. Вот и забилась теперь. Переживает, бедняжка.

— Что?! — от возмущения у Каро и голос мгновенно прорезался, и смущение куда-то подевалось. — Всё же как раз наоборот было! Да и не вчера, а...

Рон скривил заинтересованную физиономию и бровь задрал, мол: «Да-да? Я весь внимание...». Тегга резко выдохнула, а потом со свистом втянула воздух сквозь стиснутые зубы. А что тут скажешь? Придётся тогда докладывать, как они по балагану романтично гуляли. Заодно можно поведать и про крышу. Ну и для полноты картины рассказать о вчерашних приключениях.

— Так что вы вспомнили? — поторопил теурга альв, так и не дав высказать всё, что она про оборотня думает.

Впрочем, это тоже стоило придержать при себе.

— Да, простите, — Курой села ровнее и демонстративно повернулась к Мастерсу

полубоком. Хотелось бы спиной, конечно. Но кресло не позволяло. — Я просто вспомнила, как в колледже нам рассказывали о том, что опытный маг может скинуть наложенное на него проклятье. Грубо говоря, переложить его на другое существо. Любое, даже и на собаку. Или вовсе на предмет. Главное, держать проклятье на поводке. В смысле, подпитывать его своими потоками постоянно. Иначе оно рванёт, а тогда последствия непредсказуемыми окажутся. А то и просто выдохнется, рассеется. Может и обратно к проклятому прилипнуть. Так что, маг действительно сильный должен быть. Альв, как минимум. И то не всякий.

— Ольга своими умениями славилась, — заметил Росс негромко, педантично поправляя манжету.

— Опять Ольга? — как бабка всплеснул руками Мастерс. — Ал, ты помешался? Ты в доме у Горха хоть одного альва видел? Сплошные дварфы, да ещё человек — его жена! Если только твоя Ольга собакой не прикинулась. И то я бы почувял.

— Дело даже не в этом, — перебила оборотня Каро. — Не стоит забывать про охранные амулеты в доме. Если, допустим, проклятье переложили на собаку, они бы сработали. Но, кстати, о людях...

Дверь в кабинет Росса, и без того наполовину открытая, вдруг ударилась об стену. И на пороге объявился господин Гикорри собственной персоной. Правда, несколько всклокоченной и чем-то невероятно взволнованной.

— Нирго Кархар покончил с собой! — на выдохе выпалил инспектор и рукавом изрядно запылённого сюртука отёр лоб.

— А кто такой Нирго Кархар? — наверное, от неожиданности голос Каро вдруг поднялся до мышинного писка.

Впрочем, ей немедленно захотелось именно мышкой и обернуться. Потому что все присутствующие, включая полицейского, уставились на неё как на умственно больную.

* * *

Раньше в тюрьмах теургу бывать не доводилось. И она искренне надеялась, что не доведётся и впредь. Заведение оставило о себе исключительно негативное впечатление. Просто какие-то средневековые казематы, а не современное исправительное учреждение. Низкие сводчатые потолки, мокрые каменные стены, толстые стальные решётки вместо дверей. И отсеки, забитые так, что напоминали бочки с солёной рыбой, а не жилые помещения.

К камере незадачливого дварфа — бывшего друга их заказчика, упечённого в это место не без её, Каро, помощи — детективов сопровождали сразу шестеро охранников. Которых, кажется, отливали по одной форме: гигантский рост, плечи, едва проходящие в двери, кулачищи, размером с хороший капустный кочан, и полное отсутствие лба, компенсированное кирпичеподобной челюстью. Причём шли надсмотрщики так, чтобы загородить от заключённых тегу.

И всё равно незамеченной процессия не осталась — девушку заметили. Что тут началось, описать сложно. Такого улюлюканья, воя, свиста и рёва и на площади Мира во время празднования дня рождения императрицы не услышишь. Да, к тому же, гвалт отражался от низких потолков и стен, катясь по коридору громыхающим эхом.

Шум должен был заглушать отдельные крики, но только странно их усиливал.

Пожеланий и предположений, что с ней можно сделать, Курой наслушалась вдоволь. Честно говоря, даже больше, чем хотелось бы. Гораздо больше. Девушка и не пикнула, когда Мастерс обнял её за плечи, спрятав у себя подмышкой. Наоборот, задвинулась подальше, едва не нырнув под полу куртки.

— Прощу прощения, милая барышня, — покаялся Гикорри, с трудом перекрикивая шум, к которому прибавился ещё и грохот деревянных дубинок надсмотрщиков по решёткам. Это охранники так заключённых успокаивали — колотя по прутьям. — Конечно, это заведение не для женщины. И я, между прочим, говорил об этом господину Россу.

— Она не милая барышня, — огрызнулся Мастерс, — а теург и сотрудник нашего агентства.

— Тогда я пекарь, — усмехнулся инспектор, разгладив усик-пёрышко большим пальцем.

— А я это всегда знал, — буркнул Яте.

— Слово «знать» и вы — это оксюморон^[15]! — продемонстрировал богатый словарный запас полицейский.

— Перестаньте! — поморщился Алекс. — У нас слишком много взаимных претензий. И высказывать мы их до утра можем.

— Какие у вас могут быть претензии к полиции? — возмущённо взвился Гикорри.

— Сколько раз я вас просил разрешения поговорить с подозреваемым? Но вы же боялись, что он мне расскажет больше, чем вам. И чем дело кончилось?

— Мне вообще непонятен ваш интерес к Кархару! А объяснить его вы отказывались. Он у вас в офисе несколько часов провёл. Допрашивали бы себе, сколько вздумается!

— Прекратите! — взмолилась Каро. — Сил больше нет!

Вообще-то, теург обращалась к охранникам, с удовольствием младенцев-дегенератов возящих дубинками по решёткам. От этого звука не только уши готовы были свернуться в кочанчики брокколи. Виски угрожали лопнуть. Главное, что толку от их действий не наблюдалось. Заключённые только громче вопили.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но, как ни странно, послушались её не надсмотрщики, а спорщики. Дружно глянув на девушку и как по команде виновато отведя глаза. Росс даже пробормотал что-то похожее на извинения.

— Н-да, — кашлянул Гикорри, — собственно, мы пришли. Вот тут у нас одиночные камеры. В них содержатся опасные или особо ценные преступники.

— Чем же он для вас так ценен был? — надменно поинтересовался Алекс. — О его опасности я вообще умолчу.

— Вашим необъяснимым интересом! — огрызнулся инспектор.

— Славны будут семь небес, и мы под золотом их!

От шока Каро вдруг вспомнила молитву, которую с детства не слышала. И уж, тем более, никогда не повторяла. Хотя при виде такого зрелища не только давным-давно забытые молитвы вспомнишь — забудешь, как саму зовут. Просто уж слишком неординарный способ свести счёты с жизнью выбрал дварф. Он даже не повесился, а удавился. Сплёл из разодранного на полоски гнилого одеяла нечто вроде верёвки. Привязал этот «хомут» к ножке стола, привинченного к полу. И, встав на колени, приналёг на удавку.

— Упорный мужик, — присвистнул оборотень.

— Секундпятьдесят до потери сознания, — деловито заметил Яте. — А то и больше.

Вы тут ничего не трогали?

— Его точно не трогали. Оставили эту честь падальщикам. То есть, я, конечно, хотел сказать: вам, господин Курой. Нам и без троганья всё понятно.

— Может, подождёшь во дворе? — тихо, так, что его только Каро и расслышала, спросил Рон.

— Как ты абсолютно справедливо заметил, я теург, а не нежная барышня! — решительно вывернувшись из-под его руки тега. — Не мешай мне, будь добр!

— Хорошо, что ты себя со стороны не видишь, — хмыкнул оборотень, послушно отходя в сторону. — Мертвяки обычно румянее, чем ты.

Девушка в ответ только плечами передёрнула. Вероятно, она хотела продемонстрировать, что не нуждается в мнении оборотня. Хотя вполне возможно её просто нервная дрожь пробрала.

В камеру теги вошли вместе — и только они. Все остальные предпочли остаться в коридоре. Каро двинула вдоль стен, рассматривая помещение через друзу лупы. А Яте, не трогая его, встал рядом с трупом на колени, стараясь заглянуть мёртвому дварфу в лицо. Кто-то из охранников брезгливо икнул. А когда медик наклонился ещё ниже, нюхая синие, вывернутые как булки, губы, не выдержал и куда-то побежал, громко топая подкованными ботинками. Наверное, поспешил рассказать сослуживцам о профессионализме сотрудников «Следа».

— Ну, это уже чересчур... — пробормотал Гикорри.

Правда, слова у него вышли не слишком внятными. Просто тяжело говорить разборчиво, прижимая к носу платок.

— Наговор, — вынесла вердикт Каро, прищурившись, разглядывая то, что осталось от Кархара. Причём смотрела она не просто так, а поверх мозаичного амулета, который крутила за цепочку, как будто играясь. — Слабенький. Заставляющий видеть или слышать что-то, чего в реальности не существует.

— И как этот ваш наговор оказался... — инспектор покрутил пальцем в воздухе, подбирая слова, — ... на нём? В смысле, тут.

— А это вы уж сами узнавайте, — пожала плечами вполне пришедшая в себя тега. — Но на расстоянии его наложить невозможно. Амулеты тоже не действуют. Нужно оперировать непосредственно потоками жертвы. Грубо говоря, сделать в них дырку и вложить внутрь образ.

— Тогда понятно, зачем его наркотиками пичкали, — подал голос Яте, как раз в этот момент оттягивающий веко трупа и внимательно разглядывающий его глаза. — Я бы сказал, что галлюциногенами.

Теги переглянулись, кивнув друг другу в полном согласии.

— Усиливали эффект, — озвучила их общую мысль теург.

— Так вот чего он по камере носился! — прогудел охранник. — И всё орал: «Она смерть! Она смерть!». Я-то думал, что башкой тронулся. Мало ли таких?

— Почему мне не доложили? — набросился на стража Гикорри. — Как в тюрьме оказались наркотики? Кто пропустил постороннего?

— Так тут оркестр с маршем пройдёт — не заметит никто, — простодушно пояснил надсмотрщик, наивно хлопая белёсыми ресницами. — Нет, чтоб выпустить — это никак. А отчего не впустить?

— А чё, правда? У него в глазу убийца? — заговорщицким шёпотом поинтересовался

второй охранник, сунувшись в камеру. — Откуда вы про наркоту-то узнали?

Объяснять пытливому орку никто ничего не стал. Яте только глянул искоса, странно скривив губы. Зато Мастерс, закрыв лицо руками, тихо сполз по стеночке, усевшись на корточки. Оборотень не издавал ни звука, но плечи его вздрагивали. Альв же просто отвернулся, покусывая губу.

Зато инспектор высказывался за всех разом. Если верить его словам, всей тюремной охране в ближайшее время грозило повешенье перед императорским дворцом. Причём особо извращённым способом. По крайней мере, Каро не слышала, чтобы палачи раньше протягивали верёвку через столь странное место.

* * *

— А почему мы раньше её не допросили? — спросила теург, рассматривая фасад дома.

Хотя рассматривать было особо нечего. Обычный четырёхэтажный муравейник, не облагороженный даже канализацией. Эдакое промежуточное звено между «на самом дне» и «ниже падать некуда». Обычно квартиры в подобных строениях снимали те, у кого денег на аренду, пусть и самую дешёвую, ещё хватало. Но покупка бутылки дешёвого пойла уже становился актуальнее, чем приобретение хлеба.

Впрочем, жена разорившегося золотомойщика, да ещё не имеющая родственников, зато умудрившаяся родить двух спиногрызов, вряд ли могла себе позволить более приличное жильё. Маловероятно, что Кархар при жизни утруждал себя семейными долгами и регулярно выплачивал супруге и детям содержание.

— Так Гикорри же запрещал, — пояснил Рон. — К сожалению, лицензия частного детектива не позволяет творить всё, что хочешь. Собственно, полиция на наши действия может наложить любой запрет. «Интересы следствия» — и никаких гвоздей. Жди, когда этот интерес пропадёт.

— Понятно, — протянула девушка, старательно глядя в сторону, но и в подъезд заходить не спешившая.

— Ладно, — оборотень обошёл напарницу и встал перед тегой так, что игнорировать его Каро уже физически не могла. — И в чём дело? Только давай мы сделаем вид, что ты уже пять раз мне сказала: «Ни в чём!», хорошо?

Тега исподлобья глянула на Мастерса, шевельнула губами, будто собираясь ответить, и уставилась в землю.

— Ни в чём, — упрямо буркнула она.

— Видимо, вводные нужно давать чётче, — усмехнулся Рон. — Ради Семерых, Каро! Где трагедия?

— Ты провёл ночь в моей постели! Это, по-твоему, не стоит внимания?

— Так я же тебе сказки рассказывал, а не... — искренне изумился Мастерс, — Даже лежал поверх одеяла! Между прочим, замёрз, как собака. Оцени сравнение.

— Да какая разница! Ну как ты не понимаешь? А вдруг другие узнают?

— Другие — это кто? — уточнил оборотень. — Ал с Яте? Твои соседи? Ну, узнают и что?

Каро только раздражённо вздохнула, беспомощно сжимая кулаки. Ему-то, конечно, ничего! А ей? У теурга, между прочим, ещё и репутация имеется. Ведь всё ещё имеется, да?

Не всё же потеряно? Хотя, конечно, мужчина, выходящий из твоей квартиры ночью — это уже конец. А уж утром... Плакат, что ли, на двери повесить: «Он мне действительно только сказки рассказывал, пока я в подушку рыдала»? И вправду даже попытки поцеловать не сделал, между прочим. Так не поверит же никто.

— Всё, кончай ерунду обсасывать! Пошли! — скомандовал Рон, решительно волоча напарницу в подъезд. — И вообще, я бы на твоём месте уже станцевал голый на окне. Тогда вопрос о том, что можно делать, а что нельзя, и как там другие посмотрят, был бы решён. И никаких тяжёлых раздумий.

— Тебя послушать, так гулящие женщины — самые разумные существа на свете, — пробормотала Курой, слабо сопротивляясь.

— Зато живут они не в пример проще тебе. Сомнениями не маются, — заверил её Мастерс, кулаком ботая в обшарпанную дверь.

Открыли детективам сразу. Так, словно дварфийка их с утра поджидала — оборотень второй раз даже долбануть не успел. Странно, но тем, кто это её дверь выломить пытается, женщина не заинтересовалась.

— Помер, да? — тихо спросила она, комкая в красных отёкших руках край передника. — Нет, ну вот я знала, что со дня на день помрёт. Вот как следовательно со мной поговорил, так и знала.

— Понимаете, госпожа Кархар... — начал Мастерс.

— Да чего ж не понять-то? — отмахнулась дварфийка. — Она это, змеища подколодная. Точно вам говорю — она. Вы уж извиняйте, что в дом вас не зову. Не прибрано тама у меня. Да и вообще. А соседи что? Пусть все знают, как из-за одной твари жизнь приличной-то женщины под откос укатиться может! Вот пусть все знают!

Госпожа Кархар высунулась за дверь и последнюю фразу выкрикнула в темноту лестничных пролётов. Рон, явно такой реакции не ожидавший, аж отшатнулся, пихнув Каро. А девушка едва успела схватиться за липкие перила, иначе бы улетела вниз, ступеньки пересчитывая.

— Эм... — озадаченно протянул детектив и спросил осторожненько, — А «она» — это кто?

— Да почём я знаю? — возмутилась дварфийка. — Я же её не видала! А то б уж зеньки повыщарапывала, да пустила голяком народ пужать! Уж это точно! Змеища она и всех дел. Не сойти мне с этого места.

— Так! — оборотень почесал бровь. — Я так понимаю, что у вашего мужа была любовница? Это из-за неё вы господина Кархара бросили?

— Точно, из-за неё, прости меня Предок, твари такой, — быстро-быстро закивала женщина. — Тока никакая она не полюбовница. Я-то тоже сначала думала, будто крутит мой на стороне. Ну, а кто ему писульки писать станет ещё? Конечно, мы грамоты не разумеем. Меня мамка в жёны готовила, а не в писари. Но только ежели буковки женская рука выводит, я разгляжу, верно? Да и денех она ему давала, это точно. Она, больше некому.

— То есть, имелись и другие письма? — задумчиво протянул Мастерс. — Вопрос, куда они делись?

— Какие такие другие? — подозрительно прищурилась дварфка. — Ни про какие другие я не знаю. Эти были, а других не видала.

— Подождите! — встряла Каро, понявшая, что в письмах они сейчас и завязнут. — Вы сказали, будто сначала думали, что пишет ему любовница. То есть, потом передумали?

— Вот! Правда твоя, девка, передумала, верно! — снова быстро, словно её за подбородок дёргали, закивала госпожа Кархар. — Это уж я потом, когда от муженька то свинтила, додумалась. Не, не любовница она никакая. А самая что ни на есть змеища подколотная. Этот-то, как письмо получит, прям сам не свой делается! За бутылку хватается, дёргается и всё Горха поминает. Что, мол, он жизнь испакостил, а сам жирует. Так что, когда он ентого Горха, чтоб пусто ему стало, убивать взялся, я уж и не удивилась совсем. Всё к тому и шло.

— То есть, получается, кто-то натравливал Кархара на Горха? — выпалила Каро.

— Спасибо, госпожа Кархар! — выпалил Мастерс, одаривая дварфку сияющей улыбкой. А заодно сжимая руку теурга так, что она едва не взвизгнула. — Вы нам очень помогли! Спасибо большое!

И поволок, зараза такая, Курой по лестнице вниз. Ни словечка больше не дал сказать. А, между прочим, у теги ещё вопросы имелись.

* * *

Рон, в упор не слыша возмущённые вопли Каро, впихнул её в кеб и только там выпустил изрядно помятую руку. Что примечательно, ни кебмен, ни прохожие явно сопротивляющуюся девушку тоже не заметили. По крайней мере, на помощь ей бросаться никто не спешил. Даже к полиции не вызвал.

— И что это было? — сердито поинтересовалась тега, растирая покалеченное запястье.

— А у меня тот же вопрос, — огрызнулся оборотень. — Я всё понимаю. Но ты каждому встречному о деле докладывать собираешься? Делаетшь выводы, так делай их молча! Мало ли кто к ней ещё с вопросами придёт? И что она расскажет. Думай головой!

Мастерс постучал себя пальцем по лбу.

— То есть, тебе можно, а мне нельзя? — возмутилась теург.

— Это ты сейчас про что?

— Про: «Значит, имелись и другие письма...»! — елеиным голоском пропела Курой.

Да ещё и глаза к носу скосила, и губки бантиком сложила. Вышло совершенно не похоже на оборотня, но удивительно ехидно. Рон только и сумел, что крикнуть в ответ, смущено поелозив задницей по истёртому сиденью.

— Ладно, в общем, никому так делать не надо. Ни мне, ни тебе, ни Алу, — буркнул Мастерс.

Каро фыркнула, гордо задрал подбородок.

— Хорошо, больше не буду, — тоном всепрощающей победительницы пообещала Курой. — Но ведь я же и тут права. Получается действительно странно. Как-то много всего навёрчено, тебе не кажется? И непонятный проклятый, который крутится рядом с Горхом. И троллы кожи. Да ещё неизвестная змеища, натравливающая Кархара. А когда это не получается, доводящая его до самоубийства. Или это уже не её рук дело? Главное, всё из разных спектаклей. Если уж взялись извести дварфа, то зачем такие сложности? Наняли бы каких-нибудь. Мало что ли у нас прохожих в тёмных переулках убивают?

— Умница ты моя! — похвалил напарницу Рон.

И, притянув её за шею, звонко чмокнул в лоб.

— Да я серьёзно! — вывернулась Каро.

— Да я ещё серьёзней, — заверил её Мастерс. — Чего ты от меня хочешь? Чтоб я, с места не сходя, всё объяснил? Ну, так нет у меня объяснений. Говорю же, это дело как болото. Только засасывает больше.

— Скорее уж как сладкая вата, — тега закрутила пальцем в воздухе спираль, видимо, показывая сладкую вату. — Слой за слоем. А я тебе предлагаю подумать. Вдруг вдвоём до чего-нибудь умного додумаемся?

— Не хочу я думать, — лениво отозвался детектив. — Устал. Мозги скрипят. И, вообще, я тупой оборотень. Мне думать не положено. Кстати, мы приехали. Вылезай, гений сыска.

— Куда это мы приехали? — Курой, ничего хорошего от напарника не ожидающая, подозрительно выглянула в окно, отодвинув пыльную занавеску.

И увидела отмытую до блеска стеклянную витрину, на которой золотыми буквами аркой вывели: «Шляпная мастерская госпожи Иранеш». А пониже, но уже без изысков, просто в строчку: «Наши шляпки любую сделают красавицей!».

Каро от окна даже отшатнулась, словно оно девушку укусить могло.

Модницей тега себя не считала. Но жить в Элизии и при этом ничего не слышать про мадам Иранеш нереально. Её головные уборы действительно и из крысочихи могли сделать придворную леди. А из банкира нищего. Если бы, конечно, жена банкира пожелала приобрести тут пару аксессуаров.

— И чего ты тут делать собрался? — пискнула теург.

— Новые ботинки себе покупать? — предположил Рон, соскакивая с подножки и протягивая Курой руку. — Я тебе шляпу задолжал, забыла?

Теург решительно замотала головой, то ли отрицая у себя возможность склероза, то ли подтверждая её. То ли показывая, что из кеба она не выйдет ни за какие коврижки.

— Да ты хоть знаешь, сколько тут они стоят? — почти благоговейно прошептала тега.

— Знаю, — легкомысленно отозвался оборотень. — Прошлую, ну ту, с пёрышком, я здесь покупал.

Курой вцепилась в сиденье обеими руками. Просто оно как-то странно покачнулось под ней. Кажется, сознание теурга решило покинуть хозяйку. А, может, это просто бешенство мозга застилало. Шляпку от мадам Иранеш сунуть под куртку! Потом, напрочь о ней забыв, пойти кому-то физиономию чистить! Не уберечь! Убить его мало!

А сначала придушить за то, что оборотень её вообще купил. И имел наглость подарить.

— Так ты сама вылезешь или тебя вытаскивать? — напомнил о своём существовании детектив.

Лучше б уж он этого не делал.

— Ясно, — вынес вердикт Рон.

И действительно выволок слабо сопротивляющуюся тегу из экипажа, захлопнув за её спиной дверцу. Тем самым подло отрезая путь к спасению. А устраивать истерику на глазах почтенной публики — действительно, очень почтенной, другой на этой улице дорогих магазинов и не водилось — было уж вовсе не с руки. Так ещё у приглашающе распахнутой стеклянной двери уже стоял прилизанный приказчик, явно дожидаясь напарников.

Курой почувствовала себя дешёвой содержанкой, которую лорд привёл в шикарный ресторан. Имелся у неё подобный опыт. И повторять его она не желала категорически. Да и Мастерс на лорда совсем не походил. В общем, оборотень умудрился их обоих поставить в такую ситуацию, когда очень хочется просто проснуться.

— Добрый день, господин Мастерс. Рады приветствовать вас, госпожа Мастерс. Я очень

рад, что та чудная розовая шляпка вам понравилась. И вы решили посетить наш салон лично, — звонким ручейком разливался приказчик, пока детектив подпихиваниями в спину побуждал теурга к движению вперёд.

Впрочем, пел прилизанный продавец абсолютно зря. Курой ни слова из его журчания не поняла.

— Понравилась, понравилась, — вальяжно отозвался Рон. — Да только вот беда! Поломал я эту шляпу. Вот, приехали за заменой. Так что вы принесите, что я в прошлый раз отобрал. Пусть Каро глазками посмотрит и сама уж выберет.

— Конечно, сейчас всё сделаем! — источая мёд, заверил их приказчик. — Проходите, госпожа Мастерс, присаживайтесь вот на стульчик. Мы ещё и новые модели вам покажем.

Девушка растеряннo оглянулась, пытаясь рассмотреть, кто тут «госпожа Мастерс». Но кроме неё самой, оборотня и прислужника в приятном полумраке салона никого не углядела.

— Что-то не так, госпожа Мастерс? — всполошился прилизанный. — Может, вам дует?

— Это я госпожа Мастерс? — ошарашенно переспросила теург, для уверенности себя пальцем в грудь ткнув.

— Всё в порядке! — разулыбался Рон, силой усаживая Курой на «стульчик», оказавшийся вовсе и креслом. — Просто поженились мы недавно. Никак не привыкнет к новой фамилии. Правда, дорогая?

— О, понимаю! — восхитился продавец. — Будьте любезны, подождите всего минуту!

— Ты сказал, что я твоя жена? — прошипела Каро, когда прилизанный большим мотыльком упорхнул за занавеску.

— А что мне надо было говорить? — сделав страшные глаза, зашептал в ответ Рон. — Что я покупаю для боевой подруги?

— А они не удивляются такому количеству твоих жён?

— Какому такому? Я в прошлый раз сюда впервые пришёл. Просто чаевые хорошие оставил. Вот он меня и запомнил. Или ты думаешь, я всем своим девочкам дарю корзинки? Тыфу ты, шляпки!

— Я не твоя девочка! — вызверилась Курой, предусмотрительно не забывая понизить голос.

— Вот именно, — логично отозвался оборотень.

К сожаление, продолжить склоку не получилось. Приказчик, которого за круглыми коробками и видно не было, появился действительно через минуту. Оставалось только шляпки мерять.

Глава четырнадцатая

Если вы летаете в небе от счастья, проверьте, может вас просто надули.

Иногда лавочки становятся настоящим спасением. Не лавочки даже, а просто почерневшая от дождей и времени доска, положенная одним концом на половинку бревна, а другим на пустой ящик. Вот нашлась же добрая душа, соорудила эдакую полезную конструкцию рядом с каким-то забором. И времени у неё это заняло минут пять. А пользы хоть фургонами грузи.

Вот на эту скамейку Каро и плюхнулась, не заботясь ни о её чистоте, ни о том, что подол платья угодил в лужу, натёкшую под лавку. Впрочем, юбка и так промокла до колен. Это если снизу ощущать. Потому что и жакет и блузку тоже можно было смело отжимать. Осень в Элизии на воду никогда не скупилась. Сверху тебя поливает дождик, снизу лужи полощут. В общем, личной гигиеной себя можно и не утруждать. Всё равно вымытым станешь. Ну, или хотя бы намоченным.

— Всё, дальше я не пойду! — устало выдохнула теург. — Вот хоть что ты со мной делай.

— А что я с тобой делай? — уточнил оборотень.

Рон глубокомысленно созерцал девушку, сунув руки в карманы брюк и покачиваясь с носка на пятку. Ему все нипочём. Как будто кто другой, а не детектив с утра носился по всем задворкам столицы, пытаясь отыскать несуществующих в природе приятелей самоубиенного дварфа. Конечно, когда у тебя ноги длинной с рост некоторых несчастных тег, можно и носиться. Чего бы и не побегать с такими лапищами?

— Что хочешь, то и делай! — огрызнулась та самая несчастная тега. — Только я больше с места не сдвинусь. У меня ножки отваливаются.

— Какая прелесть! — умилился Мастерс. — Вот так и должны выражаться уважающие себя барышни. «Ножки», «ручки», «милочка» и «котик». Хотя нет, «котик» — это из другого репертуара. Ночевать ты тоже тут будешь?

Курой решительно кивнула.

— Вот прямо тут, под забором? — Рон ткнул пальцем себе под ноги.

Где, между прочим, никакого забора и не наблюдалось. Но Каро снова кивнула, правда менее решительно.

— Понятно. Это такой способ самостоятельной и независимой женщины сказать: «Возьми меня на ручки и не мучай мои ножки!», — пришёл к выводу детектив, который, как известно, обладал недюжинной логикой.

Курой, смутно осознавая, что, кажется, подначивают её не зря и в результате этих издевательств над гордостью девушка как раз и делает то, что требуется оборотню, решительно встала со скамейки. И, не разбирая дороги, прямо по лужам, зашагала вперёд. Не забыв, понятно, выпрямить спину и гордо задрать подбородок.

— Эй, ты куда? — окликнул теурга Рон.

— А что у нас там по плану дальше? — холодно поинтересовалась Курой. — Очередной притон, ночлежка или кабак?

— У меня ничего. Всё, что имелось, мы уже обошли. Видимо, ты что-то самостоятельнс нарыла, да?

— Издеваешься? — сквозь зубы прошипела тега, медленно оборачиваясь.

И увидела ровно то, что и ожидала. Абсолютно, то есть совершенно невинную физиономию оборотня.

— Я? — поразился Мастерс. — Да как я могу? Все знают, что Рон — милейшее и добрейшее существо в Элизии. Мухи не обидит, воды не замутит, юбки не задир... Впрочем, это мы пропустим. Но, так или иначе, дражайшая, просто драгоценнейшая моя Каро, очередной бесцельный день прожит. Очередное бессмысленное задание мы с блеском провалили. И теперь с чистой совестью можно отправляться на покой. В смысле, спать в своей постельке, а не под забором. С чем я нас и поздравляю. Пойдём, я тебе до дому провожу.

Всё эту ахинею он выдал, сунув руку девушке себе под локоть и, понятно, выдернуть её не позволив. Но, по крайней мере, направлялся детектив явно в сторону проезжей улицы, где можно было остановить кеб. Столько, сколько за последние несколько дней, Курой не ездила в экипажах за всю свою жизнь. А что делать, если конки только по центру города курсировали? Впрочем, обходить на своих двоих даже не кварталы, а целые районы девушке раньше тоже не доводилось.

И, главное, всё бесполезно! В город Кархар вернулся совсем недавно. Старых связей у него тут не осталось. А те, кто его ещё помнили, с опустившимся дварфом никаких общих дел иметь не желали. Деньгами бывший мойщик золота не обладал, а потому даже собутыльниками не обзавёлся. Во всех крысиных углах, в которых детективам посчастливилось побывать за этот день, неудачливого господина если и помнили, то только по учинённым им дракам.

Да и повторный осмотр его дома, если так можно было назвать то, для чего и эпитет «лачуга» преувеличение, тоже ничего не дал. Единственное, чего там имелось в избытке — это пустые бутылки и грязь. Собственно, больше ничего в хибаре и не было. Старые газеты, ещё более старое одеяло и пара стоптанных ботинок, умоляющие о вечном покое, никого не заинтересовали. Правда, дотошные полицейские всё же оторвали от башмаков подмётки и каблуки. Впрочем, они и от старости могли отвалиться.

— Так что? — напомнил о своём существовании оборотень.

— Что? — не сразу осознала своё пребывание на этом свете Каро.

— Проводить тебя до дома?

— А у тебя других дел нет? — внезапно разозлилась на напарника Курой. — Все юбки уже оборвал? Ни одной не оприходованной не осталось? А вон с той познакомился? Не пропустил?

Теург ткнула пальцем на позёвывающую в ожидании клиентов проститутку. Красавица жест оценила. Показала теге известную фигуру из пальцев, поскребла кудлатую голову и равнодушно отвернулась.

— С этой? — оценивающе протянул Мастерс. — Нет, столько я не выпью...

— А сколько выпьешь? — рассеянно переспросила Каро.

Девушке показалось, что на задворках сознания, где-то на самых задниках, мелькнула мысль. Между прочим, очень дельная и нужная. Но мелькнула — и пропала, игриво махнув хвостиком.

— Ну, полтора-литра два. А для этой мадам и трёх мало. Правда, я предпочитаю общаться с дамами на трезвую голову. Кстати, забежал сегодня с утра к господину Горху. Его прелестная дочка велела тебе кланяться. Очень обходительная девица, должен заметить.

— И как у них дела? — не слишком вдаваясь в значение сказанного, машинально спросила теург.

Блестящая мысль уже успела нырнуть на глубину и там притаилась. Даже вспомнить, что её заставило появиться, не получалось.

— Ну, жаловалась, что у них молоко скисает, — несколько растерянно отозвался Рон. — Эй, детка, что с тобой? Всё в порядке?

— Всё со мной в порядке! — отмахнулась от него Каро. — А раньше они жаловались на скисшее молоко?

— Мне нет...

— Вот и именно! — возликовала теург и в восторге даже в ладоши хлопнула. Едва удержалась, чтобы на месте не запрыгать. — Выпить то можешь литра два максимум, а молоко раньше не скисало!

— Каро, ты точно хорошо себя чувствуешь?

Озабоченный оборотень поймал напарницу за руку, аккуратно щупая её лоб.

— Да отстань ты от меня, — попыталась увернуться от неожиданных проявлений опеки тега. — Поехали!

— Куда? — ошарашенно захлопал глазами детектив.

— Сначала к Горху, мне там уточнить кое-что нужно, потом к господину Россу.

— А тебе не кажется, что поздновато визиты наносить?

Но девушка оборотня уже не слушала. Вцепилась в его рукав и поволокла за собой. Оказывается, при должной целеустремлённости и Мастерса можно с места сдвинуть. Даже если он и сопротивляется.

* * *

— И всё-таки, что это было? — поинтересовался Рон, вдоволь налюбовавшись на сияющую, как новенький эльзар, напарницу.

За последний час она умудрилась развить такую бурную деятельность, какой Мастерс от этой, в общем-то, далеко не тихой девушки просто не ожидал. Волоча за собой детектива, она буквально вломилась в дом Горха. Где их, кстати, никто не ждал и радости от встречи не выразил. Выстроила в шеренгу всю имеющуюся в наличии прислугу, чем тоже любви к себе не прибавила. Ну а заданными вопросами Курой только укрепила версию о неожиданном умопомешательстве. Так как интересовали её исключительно скисшее молоко, расслоившееся масло и протухшее мясо. Ну и ещё: сколько ивы и крушины добавляет Горх в составы для окраски кож.

Получив не слишком внятные ответы, она отбуксировала Рона в кожаную мастерскую. Но там осматривать ничего не стала, а просто полюбовалась чанами с преющими шкурами издали. И заявила, что они немедленно, прямо сейчас, едут навестить господина Росса. Замечания о том, что в десять часов вечера приличные девушки по гостям не шляются, Каро просто не слышала.

— Да наберись ты терпения! — снисходительно посоветовала теург. — Ну чего я два раза повторять буду? Сейчас приедем и я всё расскажу.

— А хотя бы в общих чертах ты пояснишь, чего мне ждать? — не отставал назойливый детектив. — Ну, хоть приблизительно?

— Ну что ты пристал? — свысока глянула на напарника тега. — Я всего-то дело раскрыла. Вот и всё.

Тон у девушки с каждым словом становился всё значительнее и самодовольнее. Курой от осознания собственной важности даже губу выпятила. Вот только пальцы, теребящие оборку юбки, её нервозность выдавали. То ли не так уж и уверена была Каро в собственной правоте. То ли просто мандражировала.

— Опять? — уточнил Мастерс, приподнимая бровь.

Скепсиса своего он скрывать и не собирался. Правда, новоявленный гений сыска предпочёл его ехидства не заметить. И вообще ничего не ответила.

Несмотря на обшарпанную контору, которой управлял Росс, присутствие фамилии и подчёркнутую инаковость от остальных альвов — если, конечно, не брать в расчёт внешний вид и фатоватые наряды — жильё Алекса Каро представляла себе иначе. Только оказавшись перед небольшим, всего в два этажа, коттеджем, тега поняла, что подсознательно ожидала увидеть роскошный особняк с подъездной аллеей и шикарным парком. А тут белёный домик, расчерченный косыми крестами внешних балок, невысокая ограда, через прутья которой вываливались гроздья цветущей мальвы, и яблони. Нет, район, в котором обитал Росс, отличался благопристойностью и немалыми ценами на жильё. Но всё же не загородное поместье.

— Кажется, ещё не лёг, — Мастерс подбородком указал на крайнее слева окно первого этажа. — У него там кабинет.

— Лёг бы — встал, — фыркнула Курой и, решительно открыв калитку, не менее решительно постучала.

Хотя поджилки у неё тряслись, как будто их венчиком взбивали.

Заготовленная улыбка и вежливые извинения за беспокойство пропали впустую. Дверь им открыл сам хозяин дома. Как всегда безупречно причёсанный, при накрахмаленном воротничке. Вот только сюртук он сменил на мягкую бархатную куртку со стёганным воротником.

Мельком глянув на Каро, Росс, поверх её головы, уставился на Мастерса. Оборотень только руками развёл.

— Она заявила, что раскрыла дело, — виновато пояснил Рон. — И потребовала ехать к тебе. Подробности я не знаю.

Альв кивнул, как будто такое объяснение его вполне устраивало. И раскрыл дверь пошире, видимо, предлагая сотрудникам проходить внутрь.

— В кабинет, — коротко приказал Росс, — Прошу прощения, но чай предлагать не буду и в гостиную не приглашаю. Прислуга уже спать легла.

Тег а ж споткнулась, услышав такое заявление. Подобной заботы о слугах она от лорда, пусть и бывшего, не ожидала.

Но, как оказалась, забота эта была бесполезной. Не успели они пересечь маленький и очень уютный холл, как двери сбоку распахнулись, явив дворецкого. Этой личности тоже явно требовался особняк. Уж слишком неуместно смотрелась благородная седина, отглаженный чёрный костюм с белой грудью и белые же перчатки в скромном коттедже. Да и царственным взглядам у этого старикана консорту стоило бы поучиться.

— Я зажёл лампы и затопил камин, — сообщил дворецкий так, словно объявлял о явлении в гостиной самих Семерых. — Эрчер уже готовит чай и закуски. Я ещё могу быть чем-то полезен?

— Ты очень меня обяжешь, если не станешь вскакивать посереде ночи, чтобы зажечь лампы, — проворчал Алекс.

Обычно так на любимых собак ворчат, когда они делают что-то умильное, но не слишком уместное: с лёгкой ноткой хозяйского гнева, необходимой суровостью и привычной заботой.

— Конечно, господин Александр, — не стал спорить с альвом вышколенный дворецкий. — Если я вам понадобится, то просто позвоните в колокольчик. Приятного вечера вам, господину Мастерсу и юной госпоже.

— Рот закрой, — шёпотом посоветовал теургу Рон, — муху поймаешь. А ты и так похожа на надувшуюся от гордости лягушку. Эрчер Алу с детства прислуживал, а его жена, которая теперь чай готовит, вообще кормилицей была. Вот Росс и таскает их всюду с собой.

Тега только плечом дёрнула, демонстрируя своё отношение к чужим слугам и оборотническим злобным инсинуациям по поводу собственного внешнего вида.

— Я ваш слушаю, госпожа Каро, — несколько обречённо, как показалось теургу, согласился альв, дождавшись, когда неожиданные гости рассядутся.

Ничего такого хозяин дома, вроде бы и не сказал. Но Курой, только что чинно устроившуюся на краешке кресла, как пружиной подбросило. Девушка вскочила, зачем-то забежала за диван, выглянула в окно. И опять уселась на место, сцепив пальцы. Причём сделала она это совершенно диким способом — перекрестив запястья.

— Следят? — ехидно поинтересовался оборотень.

— Что? — не поняла Курой.

— Говорю, шпион в саду не сидит? Проверила?

— Знаешь что? — возмутилась теург.

Альв кашлянул, напоминая о своём присутствии. Уж лучше бы он этого не делал. Потому что тега, набравши в грудь воздуха для достойного ответа оборотню, а заодно и смелости поднакопив, всё моментально подрастеряла, смешавшись, покраснев и даже сгорбившись.

Да тут ещё в гостиную и служанка всплыла. Если её супруг походил на стареющего консорта, то эта дама вполне могла величием поспорить с самой императрицей. Даже тележку она перед собой толкала так, будто на ней не чайные принадлежности лежали, а сокровища короны.

— Сливки, мёд, лимон? — поинтересовалась дама у несчастного теурга.

Таким голосом обычно таможенники на границе интересуются: «Контрабанда, наркотики, запрещённые к ввозу предметы»?

— Нет, ничего не нужно, спасибо, — пискнула растерявшаяся Каро.

— Как вам угодно, — согласилась служанка и обернулась к Мастерсу.

Курой показалось, что она только что стала свидетелем мгновенного таянья ледника. Оказывается, даже властительницы мира умеют улыбаться и распускать лицо умильными морщинками заботливой тётушки.

— Вам как всегда, господин Рон? Сливки, сахар и поменьше воды?

— Ну, кому как не вам знать мои вкусы, несравненная госпожа Эрчер, — оборотень бабочкой слетел с кресла и чмокнул сухонькую ручку. — И тех ма-аленьких бутербродов с гусиным паштетом и свежим огурцом можно?

— Вам всё можно, негодник, — шутливо шлёпнула его по плечу служанка.

И куда-то удалилась. Видимо, готовить «ма-аленькие» бутерброды.

Начать доклад удалось только с четвёртой попытки. После того как оборотню-гурману принесли требуемое, служанка вспомнила, что хозяин сегодня отказался ужинать. И решила, что настал вполне подходящий момент его накормить. Альв этим попыткам противостоял с глазами мученика, ходящими под скулами желваками и завидным терпением. Но только он открыл рот, чтобы, вероятно, ещё раз оповестить всех присутствующих о своей готовности внимать, как дворецкому приспичило подложить дров в камин и принести господину плед. Ну а потом опять явилась его супруга со «свежим кипятком».

Вот интересно, кипяток может быть несвежим?

Каро, как и все, выросшие в достаточно суровых условиях, завидовавшая богачам, начала смутно подозревать, что их жизнь — не сплошное удовольствие. Ей и самой уже хотелось рывкнуть на слуг. Каково же приходилось Россу?

— Так в чём дело, госпожа Курой? — раздражённое, чем следовало, спросил Алекс, когда за заботливой четой двери всё-таки закрылись. — Вы действительно раскрыли дело? Для начала позвольте узнать которое?

— А их много? — растерялась Каро.

— Вам в глобальном смысле, сократить выборку до Элизия или упомянуть только дела агентства? — с яростной любезностью поинтересовался альв и принялся загибать пальцы. — Так, у нас расследование дела об убитых троллях, дело о проклятых кожах, повесившемся дварфе и давно пропавшей леди Ольге. Какое из них вы раскрыли? Или вам удалось разгадать все загадки?

— Ал, давай полегче... — негромко посоветовал Мастерс, что-то старательно выискивая взглядом в собственной чашке. — Девчонка в твоих проблемах не виновата.

В гостиной наступила пауза. Та самая, когда все присутствующие просто мечтают оказаться подальше. По крайней мере, Каро этого жаждала. В очередной раз убедившись, что инициатива лупит инициатора. Чаще всего чем-нибудь тяжёлым. И непременно по голове.

— Ты прав, — подал, наконец, значительно потеплевший голос альв. — Примите мои извинения, госпожа Каро. Я действительно сорвался. Поверьте, к причине моего недовольства вы не имеете никакого отношения. Так о чём идёт речь?

— О проклятых кожах, — пояснила Каро и откашлялась. Что-то у неё голос сипеть в последнее время стал слишком часто. — Точнее, никакого проклятия нет. То есть, оно есть, конечно. Но к кожам не имеет никакого отношения.

— Стоп! — скомандовал Мастерс. — С этого места по элизийски и медленно. С чувством, толком и расстановкой. Чтобы и тупым понятно стало. Ты же сама говорила, что там повсюду следы этого проклятья.

— Пытаюсь, — буркнула Курой, бросив на оборотня не слишком дружелюбный взгляд. — Я говорила, что там следы того, на ком проклятье наложено повсюду. А ещё удивлялась, как он до сих пор не умер.

— Не вижу разницы.

— А всё на самом деле просто. Правда в том, что мы запутались, я сама и виновата, — покаянный теург кивнула Россу, сконфуженно пожав плечами, и обернулась к Мастерсу. — Первое моё предположение, которое тебя так развеселило, было о травах, реагирующих на проклятье. Те, что входят в состав для окраски кож. Помнишь?

— Склерозом не страдаю. И что дальше?

— Но я тогда совсем не обратила внимания на другие признаки проклятья. На него же не только травы реагируют.

— Прокисшее молоко? — догадался тупой оборотень.

— Ну да, да. Я просто как следы увидела, так ничего больше проверять и не стала. Следы есть. Травы, среагировавшие на проклятье, есть. Что ещё надо? Чаны большие, трай этих в них много, следы плотные. Вывод: проклятие очень мощное. Но в доме-то не только охранные амулеты на него не реагировали, но и других признаков не имелось. А следы были.

— И что из этого следует? — негромко поинтересовался Росс, постукивая пальцем по подлокотнику кресла.

— То, что на самом деле травы к проклятью никакого отношения не имеют!

— Ничего не понял, — потрянул головой оборотень.

— Ну, чего тут непонятного? — всплеснула руками теург. — Я сказала, что некоторые травы могут реагировать на изменения потоков. И как пример привела проклятье. Тогда-то я осторожничала, вот и высказала пред-по-ло-же-ние! А потом и себя, и вас в этом убедила. На самом деле в чанах ивы и крушины такое количество, что проклятый вместе с кожей должен в них отмочать, чтобы раствор цвет поменял. Это я у Горха уточнила, — пояснила тега Алексу. — Сегодня молоко на кухне в доме Горха первый раз прокисло. Вполне логично, что проклятый просто первый раз туда и зашёл. Помните, его следов в хозяйственных помещениях вообще нет? Ни в кладовой, ни в погребе, ни в прачечной.

— Ну, хорошо. Даже я бы сказал замечательно! — Мастерс откинулся на спинку кресла, сложив руки на животе. То ли скепсис он свой так проявлял, то ли просто маленькими бутербродиками объелся. — Травы могли среагировать на проклятье, а могли и не реагировать. Можно и такой вывод сделать. Допустим, магия тут не при чём. От чего тогда кожи испортились?

— Мне кажется, что в своём предположении господин Горх был прав! — заявила Каро и мило покраснела, опустив глазки долу.

— В смысле, на них кто-то... Эм, облегчается в котлы?

— Не облегчается, — помотала головой Курой, эдак лукаво поглядывая на Мастерса исподлобья. — Ты же больше двух литров не выпьешь? Соответственно, и вы... выдать обратно больше не сможешь. А то и меньше. Но это надо у вашего гениального тега уточнять. Так или иначе, а котлы то по сто с лишним литров. И их три.

— Н-да, тут и ротой не обойдёшься, — усомнился Рон.

— Но рядом крутится тот, кто к выданному имеет неограниченный доступ, — на этот раз догадливость продемонстрировал альв. — И никто особенно не смотрит, что он там со своими бочками делает. Вопрос, зачем он это делает?

— А вот мы у него и спросим, — заверил Алекса оборотень, тяжело, переваливаясь с боку на бок, выбираясь из кресла. — Прямо сейчас спросить можем. Или завтра, с утра. Как лучше-то?

— Нет, ассенизатора мы пока трогать не будем, — заявил Росс, переводя взгляд с ошарашенного теурга на обалдевшего оборотня. — Ни словом, ни жестом, ни взглядом не будем, — повторил управляющий, закрепляя понимание в сознании подчинённых. — Проклятье никуда не делось. Оно есть. И задача найти того, кто его наложил, актуальности не потеряла. Не нужно давать понять преступнику, что мы до чего-то конкретного докопались.

— Не такое уж и важное понимание! — буркнул Мастерс, но спорить не стал. — Только с нами-то чего юлить? Так и скажи, что думаешь, будто в этом всё-таки замешана Ольга. И ты просто боишься её спугнуть.

— Хорошо, — кивнул альв. — Так и говорю. Да, госпожа Каро, отличная работа и высокий уровень профессионализма. По крайней мере, сейчас. Свои ошибки вы исправили. И это, безусловно, радует.

Теург даже не покраснела, а красными пятнами пошла. Такой оценки своей деятельности девушка не ожидала.

* * *

На улице сразу чувствовалось, что ночь уже не наступает. Тут она, пришла, накрыла город тёмным брюхом. И от того на душе ещё тоскливее становилось. Как-то моментально вспомнилось, что в ботинках вода хлюпает, мокрая юбка стала тяжёлой, как шлейф, ноги устали до ломоты в икрах, а до дому ещё добираться предстоит. А там и спать осталось всего ничего. И есть хочется, потому что с утра даже позавтракать толком не успела. В общем, не жизнь — маета сплошная.

— Ну, чего нос повесила? — Мастерс тоже зябко поднял воротник куртки. Видимо, мокрядь и его проняла после тёплой гостиной. — Ожидала фанфар и похвал?

— Да ничего я не ожидала, — буркнула себе под нос Каро. — Всё правильно господин Росс сказал.

— Вот и именно, что правильно, — согласился Рон. — Ты кто? Профессионал? Так почему тебя по головке должны гладить за качественно сделанную работу? Это дилетанта за неожиданный успех хвалить стоит. Вот, не умеет же, а получилось. А в данном случае мы имеем вполне закономерный итог. Хотя выпороть тебя стоит. И нас всех заодно. Правда, меня может оправдать то, что в этой вашей магии я ни черта не смыслю.

— То есть, ты опять не при чём? — окрысилась Курой. — Все в грязи, а Мастерс у нас в белых перчатках?

— Во-первых, в оригинале упоминалась вовсе не грязь. Во-вторых, я и чёрных-то перчаток не ношу, не то, что белых. Кто я, по-твоему, официант или альв? Ну а, в-третьих, по-другому не бывает. Рон у нас умничка и молодец. Другие мнения игнорируются.

— Удобная позиция, — хмыкнула теург.

— А то! Кстати, дарю. Возьми себе на вооружение. Сильно облегчает жизнь.

— Ты уже мне столько насоветовал, что если я всем воспользуюсь — взлечу, как дирижабль.

— И чем плох такой вариант? Пошли.

— Куда?

— Тебя кормить, понятное дело. А то ты и так не добрая, а голодная можешь начать на прохожих бросаться. Здесь совсем недалеко есть на удивление приличный ресторанчик. И что ещё удивительнее, по ночам он тоже работает рестораном.

Каро хотела было возмутиться и, естественно, гордо отказаться. Но тут же и передумала, не озвучивая свои мысли. Раз хочет — пусть кормит. Или чего он там делает? Прикармливает? Тоже пусть. Есть-то хочется, а дома как обычно шаром покати.

Действительно, подвальчик, куда теурга оборотень привёл, оказался местом

удивительно приличным и пустым — ни за одним из десяти столиков посетителей не наблюдалось. А встретила их сама хозяйка, по совместительству и кухарка, и официантка. Причём встретила как родных. Ну, восторги в основном Мастерсу достались. Но тега начала к этому привыкать. Зато мокрый жакет с неё стащили, повесив рядом с камином. А взамен выдали тёплый плед и серьёзную кружку с действительно горячим чаем. Хоть и без сливок, лимона и ещё чего-то там.

— Слушай, а почему господин Росс так на этой леди заикнулся? — спросила Курой, мелкими глоточками прихлёбывая парящий напиток и укрывшись пледом едва не с головой. — У них романтические отношения были, да? И она его бросила?

— Оригинальное ты всё-таки существо, — лениво отозвался Мастерс, привалившийся спиной к стене, вальяжно закинув руки за голову. — В одном вопросе умудрилась и порадовать, и огорчить старика. Радует, что в тебе доверие просыпается. Уже вопросы задавать начинаешь. Значит, моя методика работает. А огорчает стандартное девичье мышление и обилие романтических представлений о жизни.

— Знаешь что, старик? — зашипела моментально разозлившаяся теург, сбрасывая с себя плед. — Шёл бы ты со своим мнением и советами куда-нибудь подальше от меня. Не хочешь отвечать на вопросы, так и скажи. А то умничают тут всякие!

— И вправду, умничают, — ухмыльнулся Рон. — Сядь ты на место. И кто сказал, что я отвечать не хочу? Просто поделился мнением. А у Ала с этой Ольгой никогда ничего не было. Может, она и не против была. Но наш Росс — кремень. На провокации не поддаётся. Тут дело в том, что он вообще считает, будто вся несправедливость мира от власти идёт. А власть это кто? Альвы. И раз обычных граждан за преступления карают, то лордов надо наказывать вдвое строже. Сама понимаешь, что чаще получается наоборот.

Оборотень потянулся, повертел головой, разминая плечи.

— Ну и, конечно, большую роль играет ещё и то, что тогда Ал себя полным идиотом выставил. Хорошо, ума хватило свинтить раньше, чем разговоры о заговоре пошли. Но и так наворотили немало. Больше, конечно, наговорили. Всё равно некая жажда исправить сделанное.

— За счёт женщины? Нет, я понимаю, что она преступница и всё-такое, но...

— Ох, Каро. Ты уж определись, наконец, нужен к женщинам особый подход или нет, — ухмыльнулся Мастерс. — И такими женщинами только гвозди забивать, честно говоря. И польза обществу, и ей никакого вреда.

— А если господин Росс узнает, что ты тут про него сплетничаешь? — съязвила Каро, обидевшаяся, что её опять поймали на нестыковках в видении мира.

— Я разве сплетничаю? — удивился детектив. — Просто даю общедоступную информацию, сдабривая её собственными выводами. Ты спросила — я ответил.

— А ты всегда честно отвечаешь на все вопросы? — усомнилась тега. — Как-то слабо верится.

— Ну да. Не захочу отвечать — промолчу. Врать-то зачем? И мы уже с тобой это обсуждали. Так жить проще.

Курой глянула на напарника, который уже даже и глаза закрыл. Казалось, что если Рон ещё совсем немного упростит себе жизнь, то начнёт храпеть.

— Тогда скажи, почему ты такой бабник? — выпалила теург, заранее победно ухмыляясь.

— А я не бабник, — совершенно спокойно и век не поднимая, ответил оборотень. —

Просто не хочу заводить... Как это называется? Серьёзные отношения? Вот их и не хочу. Но потребности-то есть у всех. В том числе и просто поговорить там, приятно время провести. А не только то, что ты подумала. Ну, вот так гораздо проще. С девушками, которые ничего не ждут и ни на что не рассчитывают.

— Ну, так найди такую, которая ни на что не рассчитывает и всё, — посоветовала слегка обалдевшая от такой честности Каро.

— Как у тебя всё просто! — ухмыльнулся оборотень. — Не рассчитывать она неделю будет. В лучшем случае две. А дальше уже наступает постоянство. Со всеми вытекающими отсюда чаяниями, мечтами и претензиями.

— Зато у тебя всё сложно! И чем Вашей Мохнатой Светлости серьёзные отношения не угодили?

— Могу и вернуть вопрос, — пригрозил детектив и тут же сжалился, — но не буду. Боюсь я, детка, семью заводить. Мало ли что со мной случиться может? И что они делать будут? Я имею в виду, жену и — не дай Семеро! — детей. Ты Кархарову супругу видела? А ведь когда-то была милой дварфочкой, из приличной семьи. Сам-то он тоже предками гордиться мог, в жёны отребье какой-нибудь не взял. Вот тебе и вся правда. Кстати, к нашему столу плывёт дико вкусное жаркое!

Рон, встряхнувшись, сел прямо, одаривая хозяйку ресторанчика фирменной улыбкой. А вот Курой даже и есть расхотелось. Тяжкие думы аппетит отбивали: вот сейчас оборотень был предельно откровенным или виртуозно напихал в уши откровенного вранья?

Глава пятнадцатая

Получить удовольствие от процесса можно только тогда, когда процесс не подозревает, что он приносит удовольствие.

У всех случаются дни, когда кажется, будто мир жаждет твоей смерти. Ни за что-то конкретное. Просто надоел ты ему. Вот и происходит всё, что может довести до состояния битья головой в стену, воя на Луну, приступов бешенства, а то и самоубийства. Любимая чашка разбивается, мопсик жены гадит на недавно начищенные туфли, должники разом заявляют об отсутствии денег, а карта не идёт.

Видимо, сегодня пришёл черёд Алекса страдать. Не успела за Роном и Каро дверь закрыться, как кто-то, настроенный очень решительно, опять взялся за дверной молоток. И Росс, только ещё идя открывать и новых посетителей, естественно, не видя, уже знал, кто к нему заглянул в одиннадцатом часу ночи.

Впрочем, чудеса дедукции для этого и не требовались. Это для обычных жителей Элизия вечер знаменовал окончания рабочего дня. А у аристократии в десять осознанная жизнь только начиналась.

— Приветствую, сын! Рад, что мы застали тебя дома! — с порога заявил отец.

Конечно же, милое семейство застало управляющего «Следа» абсолютно случайно. И ехали они, на встречу не надеясь. Разве можно подумать, будто лорд Леонид сначала денщика своего послал проверить, на месте ли хозяин дома? Нет, такое предположение никак невозможно!

— Что-то ты не спешил нам открывать, сынок! Я вся продрогла на крыльце! Ужасно, что наши предки выбрали именно этот край! Не могли они найти место потеплее? — и сухой поцелуй от матери.

— Как низко ты пал, Александр, — супруга его поцелуем не удостоила, лишь скорбно поджала губы. — Уже сам служишь привратником!

Сын же вообще ничего не сказал, кивнул только эдак свысока. Но чувство собственного достоинства, давившее юному альву на затылок и заставляющее задирать подбородок, не мешало лорду с интересом озиаться. Правда, исподтишка.

— Н-да, действительно, недосмотрели они что-то, — пробормотал Росс, закрывая за гостями дверь.

— Кто? — подал голос лорд Леонид, уже успевший вольготно устроиться в гостиной.

Нисколько не смущаясь, благородный альв наливал успевший остыть чай в алексовскую чашку. Иногда его превосходительство умел совсем недурно обходиться без условностей, демонстрируя просто-таки крайнюю демократичность. Естественно, делал он это только тогда, когда ему выгодно было.

— Предки, — хмуро пояснил Росс.

— Какие предки? — наивно поинтересовалась леди Александра, брезгливо приподнимая забытую Каро перчатку. — У тебя были посетители, сынок? В такое время?

— У меня и сейчас посетители, — заметил Алекс, отбирая у матери перчатку и засовывая её в карман. — Говорю, что полностью согласен с тобой. Недосмотрели наши предки. Надо было им гораздо южнее поселиться. Тогда бы у меня имелась прекрасная возможность эмигрировать на север.

— Ты мне грубишь? — до глубины своей, несомненно, бездонной души изумилась альва.

— Ни в коем случае. Я просто обожаю осень в Элизии. Эта влажность прекрасно сказывается на цвете лица и состоянии кожи в целом, — заверил леди почтительный сын.

— Вы видите всё своими глазами! — леди Елена, как верный страж вставшая за креслом своего надменного отпрыска, повела рукой, призывая всех присутствующих убедиться в собственной правоте. — Он безумен! Просто неадекватен! Опустился, грубит, говорит вздор. А уж его поступки и вовсе не поддаются логике. Кстати, дорогая матушка, я бы не советовала вам сидеть на этом диване. Только Семеро знают, кого мой супруг принимал.

Альва деликатно, но выразительно указала взглядом на карман домашней куртки Росса, в который он перчатку спрятал.

— Мило! — улыбкой очень вежливой акулы оскалился Алекс. — Теперь дражайшая супруга решила убедить всех в моей недееспособности? Должен отметить, хороший ход. Впрочем, из недавнего разговора с отцом я уяснил, что душевно больной сын его не устраивает.

— Но у тебя же действительно контузия, — шёпотом и голосом полным муки, словно она вынуждена говорить о чём-то крайне неприличном, напомнила леди Александра.

— У меня контузия, — согласился Алекс. — А ещё трансфузия, диффузия, эффузия и аллюзия^[16].

— О трансфузии я не слышал... — сообщил камину Константин.

Насколько Россу было известно, среди молодых аристократов технические науки и их свежие веянья находились в большом почёте. А вот медициной и душеведением больше интересовались юные леди. Поэтому вполне возможно, что про диффузию с эффузией его сын что-то знал. А уж аллюзию с экструзией не мог перепутать ни один альв, получивший классическое образование.

— Хватить балаган устраивать! — прикрикнул лорд Леонид, наигравшийся в демократа и вспомнивший о том, что он глава уважаемого рода. — Мы сюда приехали не в шарady играть.

— А зачем вы приехали? — вежливо уточнил Росс.

— Ты сказал Елене, будто собирался передать права на управление своим имуществом Константину, — напомнил забывчивому сыну сурово нахмурившийся отец. — Или это очередная твоя неумная шуточка?

— Я сказал, что собирался передать ему права на управление той части моего имущества, которая принадлежит роду.

Алекс тоже решил, что лучше уточнить. Альвы, конечно, не дварфы. Но дай им палец — руку откусят. Вместе с головой. А промокая губы салфеткой тебя же и уверят, будто низменные меркантильные соображения их нисколько не заботят.

— Ну, уж на эту лачугу он точно претендовать не будет! Как и на твою... — Елена дрогнула бровями, подыскивая достойный эпитет, — ... контору.

— Большое спасибо! — от всего сердца поблагодарил её Росс. И не поленился поклониться. — Как я понимаю, приехали вы, чтобы у меня эти бумаги выбить?

— Семеро! Что за ужасные слова ты говоришь? — воскликнула фраппированная^[17] леди Александра.

— Подождите, вы от него ещё и не такие слова услышите, матушка! — с тщательно скрытым, но всё же прорывающимся через благопристойность удовольствием, пообещала

Елена.

— Как это не называй, но я согласен с принятым тобой решением, — лорд Леонид, как истинный мужчина, на женское кудяхтанье предпочитал внимания не обращать. — Вменяемый ты или нет — это дело десятое. Но я собираюсь объявить Константина своим официальным наследником. Через твою голову, понятно.

— Но мы не отказываемся от тебя, как от сына, — поспешно заверила Росса мать. — Какой бы не был, ты навсегда остаёшься нашим ребёнком.

— Это-то и печально, — буркнул себе под нос Алекс. — Эрчер, будь любезен, принеси мне из кабинета папку с бумагами. Красную.

— Вы видите? — опять призвала присутствующих в свидетели Елена. — Он документы давно подписал. Просто глумился над нами! Ему доставляет удовольствие играть на нервах. И демонстративно преступать все нормы морали и приличия. Это просто издевательство!

— Издевательством было... — начал Росс слегка подхрипывая от едва сдерживаемой злости. Впрочем, на этом он и закончил. — В общем, вот вам ваши бумаги. Вы вполне можете изучить их здесь, а заодно обсудить мою персону. А можете прямо сейчас выметаться вон. Прошу прощения, но я вынужден удалиться.

— Куда ты собрался? — изумилась леди Александра.

— К Седьмому в Подземье! — рявкнул управляющий «Следом».

И покинул гостиную с такой поспешностью и решительностью, что в честность его слов верилось без труда.

* * *

Домик на тихой Вишнёвой улице даже отдалённо Подземье не напоминал. Коттедж очень походил на жильё самого Алекса, только сад тут был побольше, а под окнами каким-то чудом до сих пор розы цвели. Два больших куста: тёмно-красные, почти чёрные, и мелкие, беленькие. Хотя как раз эти невзрачные и благоухали так, что казалось, будто дождь пахнет розовым маслом.

Алекс ключом отпёр калитку, придержал её, чтобы не хлопнула, и поднялся на крыльцо. Но словно передумал в последний момент — ни стучать, ни открывать дверь не стал. А сел прямо на ступеньку, опершись спиной о столбик перил, и закрыл глаза.

Сидел он так долго, минут двадцать, не шевелясь, а, может даже, и не дыша.

Дверь в коттедж всё-таки открылась. Из-за створки осторожно выглянула молоденькая нимфа. Увидев ночного гостя, она тихонько вскрикнула, шагнула вперёд, опускаясь на колени, и обняла Росса со спины обеими руками.

— Как дела? — негромко спросил Алекс.

Нимфа, прижимаясь к его лопаткам щекой, быстро зашевелила пальцами. Альву пришлось скосить глаза вниз, чтобы разобрать её жесты.

— Ну да, я пришёл, — кривовато улыбнулся Росс. — Только не уверен, что это настолько значимое событие.

Нимфа зажестикულიровала ещё быстрее. А потом кулачком сердито Алекса в плечо пихнула.

— Хорошо-хорошо, тебе лучше знать! Я рад тому, что ты рада, — он перехватил руку девушки, перевернул ладонкой вверх, поцеловал, надолго прижавшись губами. — Пойдём в

дом. Ты совсем замёрзла.

Нимфа отрицательно помотала головой и опять пристроилась щекой к спине лорда.

— А если я скажу, что мне хочется в дом?

Она пожала плечами и кивнула.

— Ну, тогда мне хочется в дом. Честно говоря, я тоже замёрз.

Алекс встал и только тут заметил, что девушка выскочила на крыльцо босиком, накинув поверх ночной рубашки вязаную шаль. Впрочем, её волосы, кажущиеся в рассеянном свете газового фонаря у калитки почти белыми, вполне могли сойти за плащ. Они спускались почти до колен, тяжёлыми прядями скользили с плеч, заставляя нимфу горделиво откидывать голову назад.

Девушка даже попытки встать не сделала. Так и осталась стоять на коленях, глядя на Алекса снизу вверх. И едва заметно, самыми кончиками губ, улыбаясь.

— Ну, что ты смотришь, чудо моё? Пойдём...

Альв кашлянул, отводя взгляд в сторону. Казалось, он смутился. Но лордам смущение если и было положено, то только в определённых, оговорённых этикетом, ситуациях.

Хотя в этом доме, между прочим, тоже принадлежащем скромному совладельцу агентства, лишённому всех средств существования, кроме доходов со своей детективной деятельности, Росс позволял себе многое. Может быть, смущение и входило в число прочих попустительств.

Домик этот Алекс приобрёл семь лет назад. Купил втайне от всех. Только Мастерс и знал о его существовании. И лишь потому, что стал свидетелем возникновения в жизни альва причины для его покупки.

Просто однажды игривая сыщицкая дорожка привела их в район, расположенный рядом с портом. Просто в этот же вечер старая шлюха, наконец, осознала: она настолько поистаскалась, что от неё шарахаются даже моряки, едва успевшие с корабля сойти. Просто зрелость у нимф наступает рано и в тринадцать лет они вполне готовы к началу взрослой жизни. А дочери портовой проститутки наемдни как раз тринадцать и стукнуло. Просто так совпало: детективы оказались на том же углу, на который мать вывела Ниар для начала профессиональной карьеры. Вот так всё просто.

Маленькая нимфа сразу была готова сделать для своего благодетеля что угодно: хоть постель согреть, хоть сапоги чистить, хоть сутками у ног сидеть. Альв же больше пяти лет моральные принципы проявлял, ограничиваясь отеческими поцелуями в лобик.

Но и тогда, и сейчас в этот дом он наведывался нечасто. Сглазить боялся, привлечь внимание Семерых. А вдруг вот эта ночная тишина, пахнувшая белыми розами, исчезнет?

Росс подхватил своё сокровище на руки, ногой открыв дверь в дом. Хотя он мог девушку и на одной руке нести. Молодые нимфы вообще отличаются тонким костяком, а Ниар, кажется, вовсе ничего не весила.

Внутри коттедж пах ещё лучше, чем садик вокруг него: молотым кофе, лимонной полиролью для натирки мебели и чуть-чуть древесным дымом. Каждая комната, напоминала шкатулку: двойные плотные портьеры на окнах и дверных проёмах, тёмная массивная мебель, глубокие кресла и диваны. И нигде нет ни кусочка новомодного атласа, вычурной резьбы и гнутых ножек. Одним словом — Убежище.

Росс устроился в кресле перед почти потухших камином, усадил Ниар к себе на колени. Кочергой расшевелил угли, подбросил пару поленьев, достав их из стоящего рядом дровяного ящика. И всё это одной рукой — второй он нимфу за талию обнимал. А она его —

обеими руками — за шею, прижавшись щекой к плечу альва и намурлыкивая какую-то мелодийку, похожую на колыбельную.

— Даже если ты от кого-то отказываешься, это совсем не значит, будто они отказываются от тебя... — задумчиво, но так, словно продолжая прерванный разговор, сказал Алекс, откидываясь на спинку кресла.

Нимфа приподняла голову, просигналив пальцами.

— Да, твоя семья про тебя забыла, — усмехнулся альв. — Только меня-то отсюда никто не заберёт.

Девушка выпрямилась у него на коленях, освобождая обе руки, решительно откинула распущенные волосы за спину и зажестиковала обеими ладонями. Росс внимательно следил за её порхающими движениями, не перебивая. Заговорил только после того как Ниар рубанула ладонью воздух, словно точку ставя.

— Спасибо, конечно, на добром слове, — усмехнулся Алекс, — но твоя вера в мои силы, кажется, несколько преувеличена. Я столько ошибок наделал. И продолжаю делать. Чаще всего как раз потому, что уверен, как и все остальные: лорды имеют право на всё. Мы Дети Семерых. Всех сразу, скопом. Поэтому хотим — мир переделываем, хотим — другим указываем, как жить. А чаще просто творим, что хотим.

Девушка нахмурилась, показав что-то короткое.

— А вот мне кажется, что я как раз слишком мало думаю, — отозвался Росс. — По сути же я и сейчас берусь других судить и за других решать. Кто мне на это дал право?

Снова тишина и только быстрое мелькание рук, таких белых, что они почти светились в темноте. Хотя, может быть, это были просто отблески огня в камине.

— Да, я ловлю преступников. Но походя разрушаю чужие жизни, понимаешь? Если бы мы не вычислили этого дварфа, то он сейчас всё ещё жил.

Ниар даже губу прикусила, досадливо хмурясь.

— Нет, я не беру на себя роль одного из Семерых. Не они решают, как нам поступить, а мы сами.

Девушка насмешливо вздёрнула брови. Этот жест можно было и без перевода понять: «Да неужели?». И, стиснув ладошками виски альва с такой силой, словно хотела мысли из его головы выдавить, поцеловала — долго, медленно, прочувствованно.

Алекс и не сопротивлялся. В конце концов, какая разница, кто и что за нас решает, если здесь и сейчас в твоём полном распоряжении горячие, словно сердце прямо в них бьётся, губы, прохладные ладони, сжимающие виски и доверчиво льнущая к тебе нимфа?

* * *

Господин Горх, кажется, начал уже всерьёз жалеть, что обратился к детективам. Кожи-то что? Ну, волкодава посадил рядом с чанами. Авось и прекратилось бы безобразие. А эти... То ночью прибегут о кислом молоке расспрашивать. То с самого утра пытаются, у кого мастер кожи свои закупает. Никакого покоя, одни убытки и пользы не видать!

Правда, в этот раз инициатором визита к кожевнику стал Мастерс. Ещё только светать начало, как он уже ломился в дверь Каро. И оборотня совершенно не волновало, что в постель напарница легла всего три часа назад.

— Ты хочешь неделю за бумажками сидеть? — поинтересовался Рон и, не дожидаясь

реакции теги, сам же себе и ответил. — Не хочешь. Вот и собирайся.

Вообще-то, перспектива зарыться в список лицензированных охотников всего Элизия и окрестностей действительно прельщала мало. И идея узнать через поставщика кож, откуда пришли тролли шкуры, казалась здоровой. Но не в семь же утра! Только переубедить оборотня не реальнее, чем до Луны дотянуться. Вот и пришлось сначала к Горху тащиться, а потом к неизвестному пока господину Гартару.

Выходя из кэба, Каро подумала, что надпись на папке стоило поменять. Она поименовала дело как: «О испорченных кожах». «О воняющих местах» ему бы подошло больше. Поставщик их заказчика обитал в том же районе, что и семейство Горха. Только с другого его края. Так вот, пахло тут гораздо хуже, чем в мастерской кожевенника. Но, ради справедливости стоит заметить, что лучше, чем на очистных сооружениях.

Да и ещё от видов деваться некуда. У Горха-то все материалы в чанах плавали — не хочешь, не заглядывай. А тут заскорузлые от крови, страшные шкуры, как бахромой украшенные лентами оставшейся плоти, грудami складировали под хлипкими навесами. И да, они жутко воняли. А как может пахнуть гниющее мясо? Впрочем, к этому запаху примешивалось и ещё что-то.

— Голубиный помет и известь, — невозмутимо пояснил дварф, попыхивающий трубочкой у ворот. — В супчике-то мы их дней десять мочим. Сначала скоблим, стал быть, потом сушим растянутыми, а далее в супец. Ну и дальше там.

Каро на это ничего не ответила. Теург очень занята была. Пыталась оставить выпитую чашку кофе в желудке, кашляя, давась и старательно дыша в рукав.

— Дело понятное, — покивал Мастерс, местного амбре вообще, кажется, не чувствовавший. — Занятие неаппетитное и дурнопахнущее. Но ведь кому-то его делать надо? Верно я говорю, мастер Гартар?

— Верно-верно, — согласился дварф. — Ботинки-то, чай, все носят. Только, небось, думают, что они на деревьях навроде яблок растут. А вот ты мне скажи, парень, с чего ты взял, что я сам хозяин и есть?

— А кто ещё в разгар рабочего дня будет трубочку покуривать у ворот? — очаровательно осклабился оборотень. — Любого работника за такие-то дела немедленно под зад ногой пнут.

По мнению Курой до разгара рабочего дня ещё дожить стоило. Между прочим, служебное время теурга ещё и не наступило. Но у дварфов, видимо, имелось собственное мнение на этот счёт.

— Сметливый ты, как глянуть-то, — усмехнулся в густые, как у гусара, усы Гартар. — А чего вам, таким приметливым, от меня понадобилось? Не за кожами же приехали, верно?

— Верно-то верно, да не совсем. По поводу вашего товара расспросить хотели. Вы вот такую шкурку не встречали?

Мастерс протянул дварфу кусочек чего-то сморщенного, тёмно-коричневого и остро воняющего формалином. Мастер лоскут принял, помял его в пальцах, посмотрел на свет, понюхал и попробовал на зуб. Курой уставилась в низкое тяжёлое небо, наплевав на запах, дыша глубоко и ровно. Не нужно быть экспертом, чтобы понять: Рон всучил поставщику кусок троллей дермы, трепетно хранимой Яте, но повреждённой при посещении экспертом полицейского управления.

— Это чья ж будет? — удивился дварф. — Никогда такой и не видел. А я-то в деле почитай сорок лет. До этого и отец мой, дед с прадедом.

— То есть, у вас подобной никогда не было? — уточнил Рон, не отвечая на вопрос.

Видимо, не хотел пугать хозяина раньше времени. А то напуганные dwarфы они такие, и по башке дать могут. С испугу.

— Не, у нас такого не водится, — помотал круглой головой Гартар. — Иди по другим местам, парень.

— А если к вам такая шкура попала вместе с остальными? Заметили бы, что она отличается? — подала голос Каро, решившая, что падать в обморок от излишней брезгливости — это непрофессионально.

Да и вообще, Рон как-то подозрительно оборотисто взял дело в свои загребушие лапы, отодвинув напарницу за мужественную спину.

— Даже и не знаю, что ответить на это, дочка, — мастер приподнял колпак, продемонстрировав миру сияющую лысину. Которую и поскрёб озадаченно крепкими ногтями. — Вот так и тянет сказать, что, конечно, приметил бы. Но чего уж врать? Каждую кожу я сам не рассматриваю, а мастеровые могут и мимо пропустить. Нам-то что? Наше дело мездру^[18] вычистить. А там пусть скупщики разбираются да сортируют. В чём проблема-то?

— А проблема в том, глубоко уважаемый мастер Гартар, что мы с вами сейчас будем пересматривать все ваши запасы в поисках похожего товара, — нежно пояснил Мастерс, ненавязчиво беря дфарфа за локоток.

— Да ты с какой горы рухнул-то, парень? — обалдел хозяин. — Знаешь, сколько их у меня?

— Можем заодно и посчитать, — улыбаясь во весь рот, закивал оборотень, — Поштучно.

— На это ни один день уйдёт! — попытался вразумить впавшего в слабоумие посетителя кожевенник.

— Всё лучше, чем бумажки перекладывать, — не согласился Рон.

Кстати, с этим замечанием Каро могла бы и поспорить. Идея найти стоматолога по спискам теургу казалась всё более заманчивой. Даже с учётом того, что на перебор шкур могли уйти дни, а на бумаги недели. Но листы не выглядели так отвратно. И не пахли. И не были измазаны кровью. А ещё на них не висели клочья мяса.

Останавливало только одно: Мастерс наверняка мужественно отодвинет её в сторону и начнёт проверять кожи сам. А вот за списки он точно засадит Каро, мило самоустранившись от столь многотрудного дела. Получалось, что иногда полезно промолчать, нежной барышней побыть, согласиться на не слишком приятное занятие.

— Знаешь что, господин хороший? — dwarф, наконец, сообразил: от таких посетителей дешевле избавиться, чем вежливость проявлять. — Шёл бы ты отсюда по-хорошему. А не то я ребят кликну...

— Обязательно кликните, обязательно, — тоном заботливого доктора заверил его оборотень, целеустремлённо увлекая хозяина к навесам. — Они нам помогут нужное искать. Понимаете, уважаемый мастер Гартар, шкура-то это непростая. А я бы сказал, золотая. В смысле, что вы из-за неё на деньги попасть можете. Сняли-то её с тролля. Так что, придётся нам поискать. Уж не обессудьте...

Тут dwarф не нашёл, что возразить. Кожа тролля, найденная в твоей собственной мастерской — это серьёзно. Дело пахло не только каторгой, но и значительным штрафом. Ведь каждому dwarфёнку известно: элизийское правосудие приписывает штрафы, где может

— даже и висельникам. Где нельзя, приписывает тоже. А вдруг заплатят?

* * *

— Свеженькая... — глубокомысленно изрёк Мастерс, изучая шкуру, расстеленную на полу.

— Да нет, — не менее глубокомысленно ответил Гартар, мнувший пятернёй подбородок. — Дня три как привезли, не меньше.

— И кто ж вам её привёз-то? — покосился на дварфа оборотень.

— Да почём ж мне знать? — изумился хозяин мастерской. — Они ж, чай, не подписывают. Те кожи, что с больших ферм, понятно, узнать можно. По клеймам. Клеймят они скот. Но я же и у мелких перекупщиков беру. А те и у крестьян, и у охотников, и у браконьеров, бывает, скупают. Видишь, эта-то в куче с лосиными валялась. Стал быть, как раз из таких.

— Законы нарушаем, значит? — ухмыльнулся Рон. — Приобретаем товар у браконьеров, да ещё когда сезон на зверё не открыт?

Дварф только отмахнулся от него.

— Зубаскаль-зубаскаль, всё одно ничего не докажешь. Да и до лосей ли тут? Жареным, понимаешь, запахло.

По мнению Каро воняло тут отнюдь не жареным, а всё тем же — гнилым мясом.

— Ну, в общем, господа и дамы, приходится признать, что мы в тупике. Опять, — хмыкнул оборотень.

И сунул руки в карманы брюк, покачиваясь с носка на пятку. Кажется, так ему размышлялось лучше. Курой подмывало промолчать и не дать напарничку отвертеться от бумажной скукотищи. Но в деле имелся и её собственный интерес.

— Вообще-то, я кое-что могу сделать, — сообщила она, старательно разглядывая грязный дощатый пол. — Убийство дело такое, оно потоки очень сильно искажает. Фонит, если по-нашему. А по-твоему пахнет. Ты просто пройдёшь по пути, который эта шкурка проделала.

— Так это ж некромантия! — выпалил Мастерс.

Теургу удалось-таки всерьёз поразить оборотня. У Рона даже лицо вытянулось, а брови едва не до волос задрались. Да и вся физиономия выражала искреннее, мальчишеское какое-то недоумение.

— Никаких некромантий! — решительно отрезал дварф. — Одно дело шкура тролля, которая то ли была, то ли её и вовсе никто не видал. И совсем другое мертвяки. Я, может, и самого Седьмого не боюсь! — Гартар, как и все дварфы, бывший мужчиной смелым, но осмотрительным, тут же поплевал через плечо и сложил отвращающий знак. — Но только якшание с упырями никого до добра не доводило. А вот до чего они довести могут — это я, господа хорошие, сказать могу. До плахи, вот до чего!

— Ну, это не совсем некромантия, — застеснялась тега, ещё в колледже понявшая, что грань между некоторыми вещами очень тонка — толщиной всего в несколько определений. — Во-первых, тут у нас не труп, а только шкура. А, во-вторых, тролли-то лишь условно разумны. Понимаете, дело в трактовке...

— Чхать я хотел на трактовки! — заволновался хозяин. — Ты мне, дочка, прямо скажи.

С Седьмым дело иметь будешь или нет?

— Нет! — глядя прямо в глаза дварфу отрезала тега.

И действительно, никаких дел с Седьмым она иметь не собиралась ни сейчас, ни в будущем. Другое дело изначально. Но ведь Гартар спрашивал не о природе силы, с которым хотела оперировать теург.

— Растёт ребёнок... — тихо, так, что слышала только Каро, пробормотал за её спиной оборотень.

На это девушка отвечать не собиралась. Только плечом раздражённо дёрнула.

— А чего ты то же самое не сделала с куском, который Яте приволок? — уже в полный голос поинтересовался Мастерс.

— Так там маленький огрызок был, — снизошла до объяснений тега, показывая пальцами размер фрагмента. — К тому же, обработанный всяким-разным. Да ещё я думала, что на нём тень от проклятья лежит. А тут нетронутая шкура.

— Ну, ежели так... — мастер опять поскрёб лысину под колпаком.

— Только я попрошу всех отсюда удалиться, — решила закрепить успех теург.

— Это ещё зачем? — подозрительно прищурился дварф. — Порча имущества какая возможна или что?

— Просто... — Курой замаялась, сообразив, что фраза: «Это зрелище не для слабонервных!» — делу вряд ли поможет. — Просто посторонние могут помешать мне работать.

Всё-таки, хорошо, когда окружающие не знают тонкостей того, чем ты занимаешься. Всегда можно сослаться или на профессиональную тайну, или на то, что присутствующие мешают тонкому процессу. И объяснять ничего не нужно, и всегда есть возможность спихнуть неудачу на других.

— Если что, то я буду у ворот, — неожиданно сообщил Рон.

По крайней мере, для Каро это стало абсолютной неожиданностью. Тег-то думала, что ей придётся долго убеждать вечно рыцарствующего оборотня покинуть помещение. Объясняя на пальцах специфику ритуала. А тут такое понимание!

— Чего уставилась? — усмехнулся Мастерс, мазнув пальцем Каро по подбородку, как будто намекая, что ей рот закрыть стоит. Хотя он и так закрыт был. — Я ж Жизнь. Только мешаться стану. Но ты тут поосторожнее, — это Рон добавил очень тихо и очень серьёзно. — Сама такое делала?

Курой кивнула, не уточняя, что делала она это только на зачёте, под присмотром трёх преподавателей.

— Удачи тогда, — оборотень быстро поцеловал девушку в лоб и поспешно, как будто передумать боялся, вышел.

А вот дварф такого понимания не проявил. И наотрез отказался уходить, явно переживая за сохранность своего товара. Спорить с ним Каро не решилась — боялась настаивать. Ритуалу Гартар помешать не мог, а вот упереться и вообще всё свернуть вполне. В конце концов, брякнувшийся в обморок мужик — это не самая большая проблема.

Но надо отдать должное мастеру, сознания он так и не потерял. Только когда клубящиеся у стен тени, подчиняясь размеренному речитативу Курой, потянулись к ней, как щупальца, хозяин сполз по стеночке, усаживаясь на пол и нежно прижимая к груди свой колпак.

Теург, бешено крутящаяся на одном месте и взвизгивающая кошкой, которой хвост

дверью прищемили, его тоже впечатлила. Тут дварф не только Великого Предка помянул — всех прародителей начал перечислять, прося их «оборонить». А род свой у этой расы полагалось помнить до двадцатого колена. Скороговорка мастера Курой отвлекала, мешая впасть в транс, и она так рявкнула на Гартара, что тот просто онемел.

А вот выбежал хозяин из сарая только тогда, когда дикий крик раздался. Не теурга — пытаемой жертвы. Причём вой этот звучал на фоне воя и свиста ураганного ветра. Обычные эфирные помехи. Но, кажется, именно они убедили мастера: жизнь всё же дороже товара. И дварф, перебирая полусогнутыми ногами, вымелся-таки на улицу.

Кстати сказать, сделал он это невероятно вовремя. Опыта Каро всё же не хватало, а зрители её отвлекали. И силы изначалья едва не вырвались из-под слабенького, в общем-то, контроля. Но Курой справилась. Правда, и сама плашмя, как упавшая доска, рухнула на доски. Но только после того, как запечатала канал.

Поэтому девушка и улыбнулась подлетевшему Мастерсу счастливой улыбкой профессионала, сумевшего хорошо выполнить свою работой. Жаль, оборотень этого оценить не мог. Кричал что-то гневное. Но слов тега уже не разбирала. Да и в смысл его воплей вдаваться ей не слишком хотелось.

Глава шестнадцатая

Мужчина кричит, чтобы его слышали, а женщина, чтобы её поняли.

Каро ещё чувствительно пошатывало, но, по крайней мере, стоять она могла прямо и даже за стеночку не держаться. Ну, почти. Иногда всё же теург, эдак невзначай, то на спинку кресла опиралась, то плечиком к косяку присоседивалась, то бедром к столу. Но не присаживалась принципиально. Сядешь тут, как же! Ты сядешь — и мужики моментально сделают вывод, что тебе в постель отправляться надо.

Девушку из кровати и выпустили-то с боем. И только после веского слова Яте. В смысле, после его веского пожимания плечами. Тега пребывала в твёрдой уверенности: её лечащему врачу было плевать на состояние пациентки. Но окружающие это восприняли как разрешение встать. Ну и слава Семерым.

Нет, пропускать всё самое интересное из-за какой-то там слабости Курой не собиралась. И так три дня дома проторчала, пропустив мимо носа и гонку по следу, и выяснение личности убийцы, и опознание его егерем. Пришлось узнавать всё из рассказа Мастерса. А чужая байка, пусть изложенная в красках, всё-таки ощущения присутствия не даёт. Так что, энергетическое истощение не повод болеть.

— Вы дурно выглядите, госпожа Курой, — заметил инспектор Гиккори, подкравшийся сзади, как заправский маньяк.

Теург одарила полицейского ледяным взглядом. По крайней мере, девушка очень надеялась, что получился у неё именно взор, и именно ледяной.

— Вы тоже красотой не блещите, — прошипела тега.

На изображение смущения сыщицкой совести хватило. Он неловко одёрнул сюртук, сдвинул узел и без того перекрученного галстука куда-то под ухо, нервно дёрнул шей и забормотал нечто невразумительное. Каро только и смогла разобрать, что неделя у Гиккори выдалась тяжёлой, беготни было много, сна мало и домой он уже двое суток не заглядывал. Впрочем, теург прекрасно обошлась бы без этой информации.

— Да вы не поняли! — Мастерс дружески хлопнул инспектора по плечу. Полицейский от такого проявления оборотнической удали аж присел. — Она имела в виду, что вы с рождения смазливой физиономией не отличались.

— Куда мне до вас... — кисло улыбнулся Гиккори, раздражённо дёрнув усиками-пёрышками.

Каро кашлянула в кулак, пряча улыбку. Действительно, следователю до детектива было, как... ну, как хорьку до леопарда, чего уж там. Хотя теге хорьки нравились: милые таки, забавные животные. Пока не кусаются и вонять не начинают. Правда, кошки то же кусаются, и воняет от них порой впечатляюще.

Вот и эти двое. Оба молодые даже примерно одного возраста, наверное. Хотя, кто их, оборотней, разберёт? Но, по крайней мере, выглядят молодо. Оба симпатичные, стройные и двигаются с особой оборотнической грацией. Только один пытается быть фатом, а второй «своим в доску парнем». Но хорёк и леопард. Всё.

— Нравлюсь? — поинтересовался Рон, наклонив голову к плечу и задрав левую бровь.

Только тут до Курой дошло, что она уже пару минут вдумчиво так изучает оборотней,

переводя взгляд с одного на другого.

— Нет! — сам себе ответил Мастерс до ломоты в ушах писклявым голосом.

— Нет! — одновременно с ним выпалила Каро.

— Ну, так бы и сказали, что девушка уже занята, — почему-то обиделся инспектор.

— Никем я не занята! — выпалила теург и, сообразив, что сморозила что-то не то, попыталась исправиться, — Я не стул, чтобы меня занимать! — Да уж, молчание поистине порой становится золотым. — Да идите вы все в Подземье!

Развернулась на каблуках и едва не упала от резкого движения — пол под ногами неожиданно поехал куда-то в сторону и в бок. Да она бы и брякнулась, не поддержи её под локоток предупредительный Мастерс.

— Вот чего ты сюда прискакала? — заботливой нянюшкой проворчал детектив. — Лежала б себе в постельки, чаёк хлебала...

— А ты мне его приготовил? — брякнула Курой, раздражённо высвобождая руку.

И чуть язык себе не откусила. Кажется, переутомление дурно сказывается на умении соображать. Зато вполне плодотворно воздействовало на болтливости. Раньше теург о таких последствиях истощения не слышала. Но своему опыту приходилось верить.

— В чём дело, детка? — тихо и серьёзно спросил Рон, выгибаясь над тегом кривой кочергой. Всё же, создавать ощущение интимности при почти двойной разнице в росте непросто. — Я пришёл, как только смог. К тому же, при тебе Яте всё время был...

Курой очень, просто дико хотелось ответить. Слова так жгли язык, что она даже почесала его о зубы. Но промолчала. Не скажешь же: «У меня после этих трёх дней никаких нервов не осталось! Я с ума сходила, не зная, что с вами и как там с делом обстоит. Курой ваш, остолоп каменный, молчит, как будто слова экономит!». Не скажешь. А скажешь, так надо сразу идти вешаться. Этот ведь, морда мохнатая, ещё подумает, будто девушка о нём беспокоилась. Вот об оборотне она как раз и не волновалась! Ни капельки.

— Раньше новости сообщить тебе весёлые женщины мешали? — ядовито поинтересовалась Курой, сощурившись.

— Какие женщины? — ухмыльнулся Мастерс. — Я, высунув язык, как Бобик по Элизию скакал.

— Скорее уж как Мурзик. И, насколько я знаю, бордели вне города ты не посещаешь.

— Ты удивительно многого не знаешь! — разозлился вдруг Рон. И схватил теурга за предплечья, даже встряхнув слегка. — Туда ты не пойдёшь. Всё, на этом точка. Оставайся здесь или отправляйся домой — твой выбор. Но с нами ты не потащишься!

— Может быть, семейные скандалы стоит устраивать в более приватной обстановке? — невзначай поинтересовался Яте, строчащий что-то за обычно пустующим секретарским столом.

Причём поинтересовался он, от своего дела не отрываясь.

Каро обернулась. Не сказать, что на неё и Мастерса все прямо пялились. Но посматривали с интересом. А учитывая то, что в приёмной «Следа» сгрудилось штук двадцать полицейских душ во главе с инспектором Гиккори, да ещё столько же постоянно сновали туда-сюда, публики хватало. До Мастерс, кажется, тоже что-то такое дошло. Потому что отпустил тегу и даже назад шагнул.

— Чтоб тебе ирвелы^[19] язык отгрызли! — пожелала в пространство тега на говоре Островов.

— Да вернётся проклятье удвоенным! — невозмутимо отозвался Курой.

Тоже, понятно, по тегски.

— Закрыты уши у нечистых и не слышат они слов, — выпалил Мастерс, отмахиваясь ограждающим знаком.

И Каро вспомнила, что уже однажды надеялась на незнание оборотнем языков. По какому случаю родилась та надежда, теург забыла. Но чаянья оказались пустыми.

— Ветер развеет слова над волнами! — понадеялся вдруг Гиккори и, засмутившись, задвинулся за спину особенно здорового полицейского.

— Не имеет силы проклятье, сошедшее с уст невинной души, — заключил Алекс. И добавил, уже как все нормальные жители столицы. — Мне жаль, Рон, но госпожа Курой пойдёт с нами. Среди всех присутствующих она является единственным теургом. Я не хочу рисковать. Почтенен муж, оберегающий жену. Но гораздо почтеннее тот, кто жертвует своё во благо целого.

Последнее альв добавил опять на островном. И, кажется, это можно было считать язвительностью. По крайней мере, Яте как-то подозрительно хрюкнул над своими листочками. А Мастерс совершенно неожиданно покраснел. Точнее, побелел, только скулы стали густо-кирпичными.

Каро реакции сослуживцев интересовали мало. Она судорожно вспоминала, есть ли у неё дома подходящая верёвка. Повеситься всё-таки стоило. Но сначала предстояло придушить оборотня.

* * *

Коттедж убийцы троллей явно видел лучшие времена. Но увиденное миновало, причём довольно давно. Сад разросся в неопрятный бурелом, дорожки засыпали опавшие листья. Штукатурка на стенах осыпалась, краска на рамах сворачивалась в струпья, а ограда пачкала перчатки ржавчиной. Дом и стоял во вполне благополучном районе, но соседи будто старались отодвинуться от него подальше, отгородиться аккуратными заборчиками и живыми изгородями.

Да ещё, как по заказу, дождь прекратился. Крепкий, пахнувший морем ветер разогнал тучи. И теперь за погнутым, лишённым хвоста петухом-флюгером тарелкой висела белая луна. В общем, самая настоящая гравюра из новомодного готического романа. Не хватало только девы, томно падающей в обморок прямо на руки главному злодею.

Дева, правда, в наличии имелась. Но сознание терять в ближайшем будущем она не собиралась. Разве что от злости. Как только детективы, в сопровождении, кажется, целой роты полицейских, покинули контору, оборотень норовил прикрыть Каро своей широкой спиной. От всего укрыть пытался. Даже от лошадей. Да ещё и подпихивал назад, явно намереваясь оттеснить теурга в последние ряды. Понятно, что тегу это не устраивало. Но не затевать же ещё одну «семейную ссору»?

Поэтому девушка решила выбрать другую тактику.

— А как мы попадём в дом? — поинтересовалась она у Гиккори, просовывая руку ему под локоть и мило улыбаясь.

Инспектор такой приветливости — а может и развязности? — от следовского теурга явно не ожидал. Но и теряться не стал. Приосанился, в очередной раз одёрнув сюртук и «поправив» несчастный галстук. Победный петушиный взор в сторону разве что ещё не

рычащего Мастерса он тоже кинуть не забыл.

— Да очень просто, милая барышня, — промурлыкал полицейский, накрывая её руку ладонью. — Мы постучимся, вот-так: тук-тук!

Инспектор изобразил, как он стучаться будет. По мнению Курой выглядело это по-дурацки.

— А вы сами стучаться станете или прикажите полисмену? — округлила глаза тега.

Этот вопрос граничил уже с идиотизмом. Потому что двое бравых ребят из главного управления уже подходили к крыльцу. Остальные же, вместе с детективами, остались за оградой, не то чтобы прячась, но и не выходя из-под тени разросшихся крон деревьев.

Но почему-то и прикидываться дурочкой, и доводить оборотня до белого каления Курой неожиданно понравилось.

— Мы скромные интеллектуальные труженики, — осклабился Гиккори. — Силу должен использовать тот, кто обделён умом.

И бросил ещё один намекающий взгляд на Рона, у которого уже губа начала подёргиваться.

— Ой, а я бы, наверное, испугалась! Вот так, лезть в логово убийцы! — прошептала теург. — Вы тоже, наверное, боитесь?

— Э... — опешил инспектор, — нет, я не боюсь, но...

— Опасаюсь! — рыкнул Мастерс. — А то вдруг кто случайно интеллектуальные мозги и вышибет ненароком?

Инспектор взвился мгновенно, как будто у него внутри вентиль парового котла вывернули до упора. Но хотел ли он уничтожить Рона словесно или собирался банально морду набить, так и осталось неизвестным.

Окно на втором этаже разлетелось, словно в комнате что-то рвануло. Под осколком, нависшим над подоконником как гильотина, высунулось дуло ружья. Или винтовки — Каро в этом не разбиралась. Удивилась только, что оно совсем не угрожающее выглядит и похоже на ручку от швабры. Что-то хлопнуло, совсем негромко и не страшно. Полисмен, оставшийся стоять на дорожке, пока его напарник в дверь молотил, странно присел. И медленно, будто раздумывая, лечь ему или все же не стоит, завалился на бок.

Вот тут мир словно взорвался звуками. Заорали все и разом. Что кричали полицейские, теург понять не могла — близкие вопли забивали уши. Зато крик из разбитого окна разобрала прекрасно: «Уходите, вашу мать! Или все здесь ляжете!». И почему-то отчётливо видела лицо полисмента, прижимающегося к входной двери — белое-белое и с огромными, словно у лемура, глазами.

Девушка и сама не поняла, как оказалась за спиной Мастерса. Лишь почувствовала щекой влажную прохладу его кожаной куртки. Кажется, оборотень придерживал теурга одной рукой. Наверное, чтобы она не сбежала.

— Я не могу этого допустить! — почти визжал Гиккори. — Вы с ума сошли? Пустить лорда к полоумному убийце? Да меня казнят за это!

— Я не лорд, — спокойно ответил Алекс.

— Вы альв!

— Вот именно.

Каро чуть присела, выглядывая из-под локтя Мастерса. Росс спокойно раздевался, снимая сюртук. Цилиндр, пальто и трость он уже отдал Рону.

— Ваши магические штучки пулю не остановят! — бесновался Гиккори, размахивая

руками, как наседка крыльями.

— Вы в этом уверены? — уточнил Алекс, расстёгивая ворот рубашки.

Сыщик аж подпрыгнул на месте и с силой хлопнул себя по ляжкам. Впрочем, активность проявлял не он один. Все полицейские вокруг суетились, но, кажется, без особого смысла. Потому что даже умудрялись сталкиваться друг с другом. А из дома орали всё одно и то же, как будто за осколками стекла сидел безумный попугай. Странно-спокойными остались только Алекс, Мастерс и стоящий рядом Курой. Эксперт, кажется, вообще задремал.

— Может, лучше действительно я? — предложил хмуро набычившийся Рон.

— Что ты можешь сделать такого, чего не могу я? — невозмутимо отозвался Росс. — И я могу перечислить многое, доступное исключительно мне.

— Это не ваше дело, капитан.

— Мы давно в Элизии, лейтенант, — улыбнулся управляющий «Следа».

Не ухмыльнулся, не усмехнулся, не презрительно приподнял уголки губ, а улыбнулся. По-настоящему. И Каро неожиданно для себя поняла, что альв, вообще-то, красив. Нет, ни одного представителя этой расы нельзя было назвать уродливым. Но Росс отличался особой, мужской привлекательностью. Складки, прорезавшиеся у щёк, и морщинки в уголках глаз сделали его старше и... симпатичнее. А ещё реальнее. Будто до этого ходил, говорил и раздавал приказы манекен, а теперь вот на его месте оказалось вполне живое существо.

И, конечно, в одной белой рубашке, распахнувшейся на груди, Алекс выглядел романтично. Просто рыцарь из сказки.

Последним он снял шейный галстук, вынув рубиновую заколку, которая оказалась по совместительству серьгой. По крайней мере, в ухо её лорд сунул вполне непринуждённо, привычным таким движением.

И теурга словно бичом стегнули. Точнее даже не так. Будто резко развернулась огромная, до этого момента туго стянутая, пружина. Мир без всякой линзы расцветился невероятно резкими неестественными красками. словно холст располосовали хаотичными мазками.

— Прошу прощения, — буркнул Росс, ничего, вроде бы, не делая, но неестественная резкость мира потухла. — Я как-то уже подзабыл... Не рассчитывал на ваше присутствие, госпожа Курой. Но, вообще-то, при альвах и экранироваться стоит.

— Это вы меня извините, — ошеломлённо моргая, пробормотала Каро. И опять задвинулась за спину Мастерса. — Моя вина.

Всё окружающее после многоцветия потоков лорда казалось серым и странно плоским. А ещё перед глазами девушки порхали зелёные мошки, словно тега долго на солнце смотрела.

— Не пропади, капитан!

— Пусть удача не покинет вас, учитель, — подал голос все-таки не уснувший Яте.

— Вернусь.

Рон шевельнулся — то ли руки они там друг другу пожимали, то ли обнимались. Конечно, без настоящего brutального прощания мужики обойтись не могли.

А вот Каро почему-то стало страшно.

Тега и сама не слишком хорошо понимала, чего ожидать. Но уж точно не сделанного альвом. Росс даже не пытаясь изобразить скрытность, легко перемахнул ограду. И, шагнув из тени, спокойно, каким-то прогулочным шагом, пошёл себе по дорожке. Которую, между прочим, луна освещала лучше всяких фонарей. Результат такого героизма ждать себя не заставил. Ещё один хлопок — и Алекс, споткнувшись, упал лицом вперёд, прямо, как доска. Из-под белой рубашки проворно начала растекаться лужа.

Каро завизжала.

Правда, она и сама не могла бы сказать, что её орать заставило: упавший альв или отделившийся от него полупрозрачный силуэт, неспешно отплывший в кусты. Видимо, так и отлетает душа...

— Халтура! — заявил Яте и даже сплюнул.

— Что тебя не устраивает? — удивился Рон.

Оборотень вслепую пошарил у себя за спиной, выволок вопящую тегу и, развернув, прижал к груди, успокаивающе глядя её по затылку.

— Он же не колом ему грудь пробил! — возмутился медик. — Стандартная пехотная винтовка. Откуда столько крови?

— Ну, будем надеяться, что товарищ не такой приметливый, как ты. Или ничего в этом не понимает.

— Он стоматолог. Скорее всего, служил в военном лазарете, — презрительно процедил Курой и вовсе отвернулся, словно улица его интересовала гораздо больше, чем происходящее в доме.

— Господин инспектор, а как жеть теперь? — пробасил кто-то из полицейских. — Альв-то того... Подкрепление вызывать или как?

Гиккори, нервно обгрызающий ногти, коротко, но ёмко объяснил подчинённому, куда, как и каким образом. По всей видимости, от волнения тронувшийся умом сыщик решил примкнуть к тем, кто заявлял, что разумнее заниматься любовью, а не войной.

— Детка, ты меня слышишь? — шепнул Мастерс у виска Каро.

Теург кивнула. Странно, она действительно всех прекрасно слышала. И даже, кажется, понимала, сказанное. Хотя собственные сухие всхлипы мешали дышать. Но, вполне возможно, что понимала девушка что-то не то.

— Давай, успокаивайся и пойдём. Ну, подумаешь, пристрелили Алекса. В первый раз что ли?

Теург шарахнулась от оборотня с такой поспешностью, что едва не упала. Хорошо, Рон её плеч не отпустил.

— Слушай, может тебе тросточку завести, а? — ухмыльнулся Мастерс. — А то ты вечно брякнуться норовишь. Я же не всегда рядом.

— Ты с ума сошёл, да? — просипела Каро.

— Уже хорошо. Мы выяснили, что мне есть с чего сходить, — кивнул Рон. — Пойдём, сейчас самое интересное начнётся.

И потащил девушку куда-то в сторону. Вынуждая Курой перебирать ногами быстро-быстро. Иначе бы пришлось осеннюю листву носом пропахивать. Но к её невероятному облегчению далеко они не убежали. Всего-то обогнули ограду, выбравшись к задней части дома.

— По деревьям в детстве лазила?

— Нет... — пискнула вообще переставшая понимать происходящее тега.

— Значит, пора учиться, — заверил её детектив.

И, взяв девушку за талию обеими ладонями, просто повесил её на ограде. То есть, за прутья-то теург сама схватилась, а вот руки Рон разжал. Так что пришлось Курой висеть.

— Да ты хоть на завиток обопрись, — подтолкнул Мастерс напарницу под каблук.

— Я высоты боюсь... — просипела Каро, судорожно нашаривая носком ботинка «завиток».

— На крыше же не боялась? — удивился оборотень.

— А сейчас боюсь! Дурак!

Правда, до верха ограды оказалось совсем недалеко. Детектив тегу на забор едва ли не верхом посадил. Но вниз смотреть всё равно страшно было.

— Ну, вот молодец. Справилась же. А теперь переноси сначала одну ногу, а потом другую.

— Умный какой... — проворчала освоившаяся Курой, послушно подчиняясь приказам.

— А зачем ты её вообще сюда поволок? — скучливо поинтересовался Яте.

— Вот именно, оставили бы милую барышню под присмотром моих парней, — Гиккори тоже решил высказаться.

А теург замерла сусликом. Как-то не ожидала она такого количества зрителей.

— Ваши парни даже за собственными подтяжками присмотреть не смогут. Из-под носа упрут, — огрызнулся Мастерс. — Чего ты там сидишь, как курица на насесте? Только тебя ждём! Пропустим же всё, честное слово. Шевели ногами!

— Убью! — прошептала под нос Каро, осторожно перебрасывая через редкие пики ограды вторую ногу. — Придушу. Стрихнина в кофе.

Почему-то спускаться было гораздо сложнее, чем подниматься. Да ещё и юбка как-то странно себя вела — то ли закручивалась вокруг бёдер, то ли ветер её задирает. А, скорее всего, и то, и другое.

— Оборку от пики отцепи, повиснешь! — посоветовал оборотень.

И вот тут до Курой весь ужас положения и дошёл. Край юбки — согласно моде довольно широкой, сложенной складками — зацепился за край ограды. И пока тега спускалась, подол задирался. Открывая зрителям только Седьмой знает какие красоты. От ужаса ладони девушки мгновенно взмокли и теург, пискнув, съехала вниз, почти на земле оказавшись.

Почти, но не совсем. Зато проклятая юбка с левого бока стороны задралась на всю длину подола. И белые панталоны, наверное, светились в темноте не хуже луны.

— Не смотрите! — заорала Каро, судорожно пытаясь вспомнить, какое бельё с утра надела и нет ли на нём шпопки.

— Да мы и не смотрим... — сконфуженно прогудел Гиккори.

— Было бы на что смотреть! — заверил Рон. — Но я бы тебе порекомендовал носить побольше кружев. Смотрится симпатичнее.

Решётка затряслась, словно с той стороны её выдрать пытались. И за спиной Каро кто-то мягко прыгнул на землю. А освобождённый край подола тяжело шлёпнул по ногам.

— Ты так и будешь висеть? — поинтересовался Мастерс.

Тег ничего не ответила, прижимаясь лбом к шершавым прутьям.

— Семеро! Дитё как оно есть, — Рон отцепил сведённые судорогой пальцы от решётки, развернув теурга к себе. — Там Алекса убили, помнишь? А ты тут из-за задравшейся юбки переживаешь.

— А его убили? — шмыгнула носом теург.

— Приют для младенцев, — прыгнувший вниз Яте пихнул не додумавшуюся отойти в сторону тегу плечом. — Умственно отсталых.

— Естественно, нет. В смысле, никто его не убивал, — оборотень опять принялся оглаживать Каро по голове. — Но если мы не поторопимся, то вполне могут и убить. А мы это пропустим.

— Но он же... Там же...

— Это мне теургу надо объяснять, что не стоит верить своим глазам? Особенно когда речь про альвов идёт? — усмехнулся детектив. — Ну, всё, детка. Давай отложим рыдания над своей загубленной репутацией на потом. Мы на деле, помнишь?

— Не собираюсь я рыдать! — Каро, у которой слёзы уже в носу хлюпали, отпихнула от себя детектива.

Шагнула в сторону и едва не врезалась лбом в дерево — ладонь Мастерса, предупредительно лёгшая на голову, спасла. Хотя нос о кору, Курой, кажется, всё-таки оцарапала.

— А о тросточке ты подумай, — посоветовал напарнице Рон.

Хорошо рассуждать о тросточках тому, кто в темноте видит не хуже, чем днём. Хотя, конечно, даже ночью дерево, да ещё щедро облизанное луной, не заметить сложно. Но после того как с задранным подолом на заборе повесишь, вполне возможно.

* * *

У этого коттеджа, как и у любого уважающего себя дома, задняя дверь имелась. Но заколоченная досками крест на крест так основательно, что сразу становилось понятно: без тарана тут не войдёшь. Но Рон почему-то только удовлетворённо кивнул, приседая в кустах на корточки, и потянул Каро за плечо, жестом приказывая ей молчать.

И только тега собиралась поинтересоваться, по какому случаю на этот раз стоит сохранять тайну, как появился Алекс — живёхонький и вполне себе здоровый. Он обернулся к кустам, как будто мог видеть затаившихся детективов, и странно прожестикуюлировал. Ещё страннее оказалось то, что Мастерс в ответ кивнул.

И куда-то пропал. Вот только что был тут — и нету. Курой растерянно завертела головой по сторонам.

— Я тут, — призраком прошелестело метрах в пяти от девушки — вроде как и не слышно, но слова она разобрала чётко. — Сиди, где сидишь. Не шевелись.

В ответ теург только плечами пожала. Тем более что ей и отсюда всё было прекрасно видно. А оттуда, куда Рон переместился, едва ли что-нибудь можно углядеть, кроме угла коттеджа.

Но, собственно, смотреть оказалось и не на что. Росс просто подошёл к двери, положив ладонь на доски. Остро и мерзко пахнуло силой Седьмого — сырой землёй, прахом и старым металлом. Алекс едва успел подхватить кусок развалившейся от старости доски, положил её аккуратно на землю. И толкнул дверь, открывшуюся совершенно бесшумно. Альв змеей, единым плавным движением скользнул в темноту.

— Хорош! — прошептали у Каро за спиной.

Тева шатнулась вперёд, опершись в землю обеими ладонями. И не взвизгнула только

потому, что у неё горло перехватило.

— Не пугайтесь, милая барышня, это я, — прошелестел Гиккори. — Говорю, что чего у господина Росса не отнять, так это опыта. С другой стороны, боевой офицер всё-таки.

— Зависть стоит скрывать, господин инспектор, — прошипела тега, напряжённо прислушиваясь к тишине. — Неприлично так откровенно свои чувства демонстрировать.

— Зависть? Да что вы! Чему тут завидовать? Что они вам сказали? Мол, в разведке служили? Ну да, действительно. Спецподразделение разведывательной роты. А на самом деле...

— Что на самом деле? — машинально переспросила Каро.

Тишина ей начинала активно не нравиться. Да и отсутствие всплесков потоков настораживало. Хотя все блоки, даже те, что носила постоянно, теург убрала. То есть, вокруг никто даже и не нервничал, не волновался. Кроме неё самой. Только вдалеке, наверное, в передней части дома, клубком красно-оранжево-жёлтого огня сплетались чьи-то ненависть, страх и отчаянье. Да почти на горизонте северным сиянием переливались эмоции полицейских.

— А на самом деле Красные Онэ ^[20], как их сами теги прозвали, — сообщил инспектор. — Диверсанты. А по сути своей каратели. Вырезать ночью стражу, убить какого-нибудь военачальника. Ну и так, по мелочи: деревеньку спалить, женщин со стариками допросить. С пристрастием. Никогда не слышали про такое спецгруппу?

— Н-нет, — прошептала Каро, облизав пересохшие до пергамента губы.

«Если будешь плохо себя вести, то за тобой придут Красные Онэ...» — гигантским кальмаром всплыл из тьмы памяти надтреснутый старушечий голос. И страх — много-много страха.

— А я бы на вашем месте поинтересовался...

Комок огня в передней части дома вдруг вспыхнул, выбросив во все стороны протуберанцы. И потускнел, почти потух, превратившись в серенькое марево с едва различимыми цветами. Буквально спустя пару секунд на пороге дома появился Алекс.

— Он ваш! — Росс явно обращался к засевшему в кустах Гиккори.

— Благодарим за сотрудничество, — выпрямился инспектор, поправляя галстук. — Вы нам очень помогли в раскрытие этого дело. Управление полиции Элизия ценит ваш вклад и...

— Ценит? — взвилась Каро, тоже вскакивая со своего места. — Вклад? Да мы вам всё дело раскрыли! Вы без нас... А мы... Да я... — слова спотыкались, налетая друг на друга, как недавно суесящиеся полицейские, не давая договорить фразу до конца. — Да вы вообще ничего знать не хотели! Вы Курой с лестницы спустили!

— Госпожа Курой! — укоризненно напомнил о правилах приличия Алекс.

— Каро, детка, давай ты успокоишься, а? — предложил оборотень, но подходить, почему-то, не стал.

Он вообще смотрел в сторону дома, сложив руки на груди.

— Вы мне вот зачем сейчас это всё нашептывали? — ткнула пальцем в кусты теург. — Красные Онэ, деверсанты? Да вы не хорёк! Вы самый натуральный скунс! Хотя нет, у них мордочки симпатичнее! Вы хуже крысюка! Хуже упыря! Сами-то что на Островах делали? В инфантерии служили? А то и мародёрствовали!

— Госпожа Курой, только из уважения к вашему полу... — прыгающим голосом начал Гиккори, затягивая собственный галстук, как удавку.

— А не надо мой пол уважать! — в конец разошлась тега, сама на себя удивляясь. Но откуда-то издали удивляясь. — Вы им просто завидуете. Они профессионалы! Лучшие из лучших! А вы ничто, пустое место, недостойное даже плевка!

И Каро, упёршая руки в боки, как базарная торговка, плюнула на землю, растерев слюну носкам ботинка.

— Им завидовать? — инспектор рассмеялся наиграно, жестяно. — Да я вашего хвалёного Курой с лестницы спускал и дальше спускать буду. Захочу, я у вас вообще лицензию отберу. Что вы мне сделаете, а? Вы или этот ваш недолорд?

— Ах ты, погань! — взвыла Курой и...

Ну, дальше всё как-то смешалось, закрутилось, замельтешило. Она только мельком увидела странно дёргающееся лицо Мастера. И придерживающего его за плечи Алекса. Хотя оборотень, не смотря на все свои гримасы, в бой и не рвался.

Кажется, в рожу следователю она вцепиться всё же успела. Нет, полицейские, которые за этой чудной сценой от угла дома наблюдали, Каро от начальства отодрали. Но учитывая коготки тегов, сделать им это было явно непросто.

Ну, по крайней мере, Курой на это надеялась.

Мир перестал вертеться весёлой каруселью только тогда, когда за девушкой дверь в карету захлопнулась. А за зарешёченным окошком светлым блином замаячило лицо Алекса.

— Госпожа Курой, вы в порядке? — кажется, уже не в первый раз задал вопрос альв.

Тег покосилась на свои руки, благонаравно сложенные на коленях. И с трудом подавила истеричный смешок.

— Да, я в порядке... — пробормотала теург. — Кажется...

— Послушайте меня, нам потребуется максимум ночь на то, чтобы решить это дело. То есть, утром вас выпустят. Вы поняли?

Каро послушно кивнула.

— И ничего не бойтесь. Это действительно ненадолго. Я клянусь вам. Если хотите, то поклянусь изначально.

— Не надо, — помотала головой тега, — я вам верю.

Самое странное, что Курой не врала. Она верила, что утром её действительно выпустят — эти сумеют сделать так, чтобы выпустили. Да и страха не было. Ну, вот ни капельки. Зато в голове шумело и пузырилось, как после знаменитой настойки роновой матушки.

— Вы только попытайтесь отложить допрос убийцы, ладно? — горячо зашептала теург, обеими руками вцепившись в решётку. — А то я опять всё пропущу.

— Хорошо, — кивнул Росс, — постараюсь.

И опять улыбнулся. По-настоящему.

Когда все бесстрашны, уже становится страшиновато.

То ли Гиккори поостыл пока ехал до управления. То ли действительно родился джентльменом. А, может, связываться с «недолордом» всё же побоялся. Скорее всего, правда лежала посередине между всеми предположениями. Так или иначе, а Каро провела ночь хоть и в камере, но — слава Семерым! — в одиночной. Поэтому особых мытарств и неудобств не испытала. Ну, разве что нравственные.

Поспать, понятно, не удалось. Без должной тренировки на соломенный подванивающий тюфяк, брошенный на деревянные нары, даже и не ляжешь. Да и тюрьма продолжала жить ночной, но активной жизнью. Её постоялицы переругивались, пару раз где-то устраивали драку, кто-то самозабвенно занимался любовью, не обращая внимания на то, что крыло, в которое водворили Курой, считалось женским. Мужчин здесь не должно находиться в принципе. Хотя кто сказал, что они тут были?

Больше всего на нервы действовали звуки, смахивающие на удары железа по камню. Приглушённые, но частые и ритмичные, с равными, напоминающими замедленное тиканье часов, промежутками. Это заключённые крыс били — добрая надзирательница, прогуливающаяся по коридору и наблюдающая за порядком, пояснила. Драки и страстные стоны, видимо, вполне вписывались в местное определение порядка.

Даже ухом не ведя в сторону непотребств, стражница охотно поведала Каро о методике крысоубийства. Опытные дамы, регулярно посещающие местные стены, специально расшатывали пару гвоздей в ботинках. А попав в камеру, они вытаскивали железки из каблучков, вставив обратно заострёнными концами наружу. Получалась отличная крысобойка. На вопрос наивной теги, зачем портить обувь и почему просто не прихватить с собой пару гвоздей, надзирательница только посмотрела жалостливо. И ничего не сказала.

Крысы Курой не беспокоили. Видимо, понимали своим звериным умишком: что «одиночка» — место особое, предназначенное либо для важных, либо для очень опасных гостей. Потому в неё и не совались. А уснуть теург и в собственной постели не сумела бы. Как тут уснёшь, когда нервы как будто кто-то на палку намотал, да ещё и подёргивает?

В общем, ночь девушка провела, расхаживая из одного угла камеры в другой. А потом наоборот. Иногда углы менялись. Всё-таки, их в этом помещении аж четыре имелось. Следом, вися за плечом теги, плелось, не отлипая, сказанное Роном: «Это мне теургу надо объяснять, что не стоит верить своим глазам? Особенно когда речь про альвов идёт...». Пояснять, чего она пристала и на что намекает, фраза не собиралась. Но и отставать не спешила.

Только застенчиво подтягивала за ручку изречённое некогда шепелявящим профессором Нгором и повторённое самой Каро: «Люди, пожалуй, энергетически самые слабые существа, но магически очень близки альвам. Первые создания Семерых, они способны использовать любую энергию. Лишь потоки у них заиклены. Не могут они силу черпать, да и отдавать тоже. Соответственно, оперировать им нечем».

И вот кто бы объяснил, как между собой связан огромный магический потенциал альвов, способных создавать даже иллюзии, магическая беспомощность людей и дело несчастного кожевника? Но ведь связаны же! Курой это... ну, скажем, чувствовала.

Никакого понимания в чём тут дело, и рядом не стояло. Но оно вертелось неподалёку егозливой девицей. Вертеться вертелось, а в руки не давалось.

Факт в том, что когда явилась стражница, сообщив, что ей велено проводить заключённую к следователю, а сначала умыться, Каро была не выспавшейся, вымотанной и злой, как оса. Но в кабинет Гиккори девушка вошла с гордо поднятой головой.

Правда, её выдержку и уверенность в себе никто не оценил. Яте дремал в кресле. А Рон, Алекс и инспектор с воодушевлением цапались.

— Вы скрыли от меня преступление государственной значимости! — шипел полицейский, оттягивая свой замурзанный галстук, словно платок душил хозяина. — Правонарушение, совершенное в императорском заповеднике — это злодеяние, направленное против короны.

— Не считайте всех вокруг дураками, инспектор, — слегка раздражённо отозвался альв, устало потирая лоб. — Господин Курой не только пришёл к вам лично, прихватив с собой найденные улики. Но и отослал свой отчёт по почте. Его отправка зафиксирована в журнале станции.

— Кто знает, что он там нацарапал! — фыркнул сыщик. — Может, признание в любви?

— Это вряд ли, — отозвался тег таким тоном, что моментально стало понятно: если он и напишет Гиккори послание интимного содержания, то это будет эпитафия.

— Кроме этого у вас мало нарушений? Мастерс сплошь и рядом вытаскивает оружие. И даже палит из него!

— Странно, если б я револьвером гвозди заколачивал! — рыкнул Рон.

— Лицензия частного сыщика не даёт вам права использовать его! — вызверился полицейский, грохнув кулаком по столу.

В этот момент он здорово смахивал на собственную ипостась. То есть, на взбешённого хорька.

А вот блондин вдруг преобразился. Правда, на кого он походить стал, Каро судить бы не взялась. На альва? Чем-то оборотень действительно походил на лорда: снисходительно-презрительный взгляд, прямая, как линейка, спина. Но надменности в нём не было ни капли. А вот уверенности в себе и признания к Гиккори хоть ложкой черпай.

— Это право даровала мне сама императрица вместе с офицерским патентом, — процедил обновлённый оборотень. — А лицензией своей вы можете и подтереться. Я мог бы вас сегодня ночью пристрелить. И заявить, будто вы пытались изнасиловать мою невесту. Думаю, моих привилегий и слова альва для любого суда будет достаточно.

— Ваша невеста вообще некромантией занималась, — огрызнулся инспектор, косясь куда-то в сторону.

Ему явно стало неудобно в собственном кабинете.

— Во-первых, я не его невеста! — заявила Каро, которой наскучило изображать манекен. — А во, во-вторых, я не проводила никаких некромантических ритуалов.

— Это мы ещё посмотрим... — буркнули одновременно Гиккори и Мастерс.

Такое единение мнений поразило не только теурга. Яте тоже глаза открыл. А вот Росс остался бесстрастен.

— Вы провели теургическую экспертизу на складе скупщика кож? — спокойно поинтересовался Алекс. — Что-то мне подсказывает, вряд ли. Поэтому ваши обвинения голословны и беспочвенны. И, как заметил господин Мастерс, слово даже недолорда стоит многого. Если проشياпленное дело, которое вы сами недавно назвали «злодеянием,

направленным против короны», простят, то оскорбление наследника рода вряд ли. А вы меня оскорбили, господин Гикорри.

— Вы пользуетесь своим положением... — пробормотал полицейский, обессиленно усаживаясь в собственное кресло.

— Прошу заметить, бессовестно, — кивнул Росс. — А вы воспользуйтесь своим. Снимите все обвинения с госпожи Курой. И давайте, наконец, покончим с этим делом о троллях.

— Как я объясню вот это? — инспектор ткнул себя пальцем в щеку.

На которой багровели припухшие, в корочке подсохшей крови, царапины. Одна, к немалому удовольствию Каро, тянулась от уголка глаза до самого подбородка.

— Слишком ревнивая любовница? — предположил альв, улыбаясь не без ехидства. — Бросьте, инспектор. Если вы упечёте госпожу Курой в тюрьму, то не вернёте уважения коллег. Слишком много свидетелей у происшествия было. А заведённое дело против слабой девушки только пошатнёт и без того небезупречную репутацию.

— Это вам просто так с рук не сойдёт! — пообещал Гикорри, злобно зыркнув на «слабую девушку».

Тега изобразила самую невинную мину, на которую только способна была. Но, кажется, с этим делом она запоздала. И её злобненькую усмешечку инспектор всё же заметил. И вряд ли она сыщику понравилась.

* * *

Алекс, согласно всем правилам военной стратегии, решил закрепить и развить свой успех. Тем более, момент был подходящим: враг ещё не сдался, но дрогнул и пал духом. Поэтому альв потребовал разрешения для себя и своих сотрудников присутствовать при допросе убийцы троллей. Естественно, Гиккори от такого ультиматума в восторг не пришёл. Поэтому баталии разгорелись с новой силой.

Каро, может, и вложила бы свою лепту. Но предусмотрительно решила, что в бой быков по собственной воле соваться не стоит. Да и Росс с Мастерсом прекрасно справлялись без неё. А у полицейского и без дополнительной свары хватало поводов недолго любить теурга. Поэтому девушка пристроилась в уголке на стульчик. И умудрилась почти задремать, едва не пропустив явление злодея.

Только вот этот дроу на роль душегуба не тянул никак. Его смело можно было называть типичным представителем расы. Высок, как альв, но сложен не хуже Мастера. Чернокож и золотоглаз с длинными, несколько растрёпанными, такими белыми, что они казались седыми волосами. Лицо тонкое до женственности. Собственно, пол дроу чаще всего и различали по наличию или отсутствию вторичных половых признаков. В общем, красив, силен и наверняка псих.

Впрочем, существо разумное с другого, пусть даже условно разумного, существа шкуру снимать не станет.

Сопровождали его аж четыре дюжих охранника разом. И не смотря на кандалы, сковывающие руки задержанного с его же ногами, Каро такой эскорт не показался убедительным. Лично она с чернокожими раньше не сталкивалась. Но слышала про них много разного. И ничего хорошего.

— Ваша раса, имя, клан, если таковой имеется, род занятий... — скучливо и казённо протянул Гиккори, с едва заметным вздохом кладя перед собой стопочку чистых бумажных листов и внимательно осматривая кончик пера.

— Дроу Высших Родов. Меня зовут Фанир из дома Абасир рода Чёрного Леса, — независимо и немного слишком картинно потрянул волосами дроу. — Я доктор медицины. Ранее держал дантистскую практику. С некоторых пор постоянных средств к существованию не имею.

— Почему не имеете? — заинтересовался инспектор, не отрываясь от своего занятия.

— Был обвинён излишне впечатлительным клиентом в непрофессионализме, — дёрнул плечом Фанир Как-то-Там. — Он посмел обвинить меня в некачественном оказании помощи. Хотел приписать ещё и жестокое отношение к пациентам, но доказать не смог. Правда, его жалобы хватило на то, чтобы эти узколобые невежды из Медицинской Коллегии лишили меня права заниматься врачебной практикой.

— И в чём заключался ваш непрофессионализм?

— В том, представьте, что я собирался поставить вместо обычной пломбы сапфировую! — фыркнул дроу. — А плату взять, как за стандартную, заметьте. Да, я не предупредил этого истерика о замене материала. Ну и что? Разве плохо носить во рту два карата чистейшего корунда? Мог бы и потерпеть.

— Что потерпеть? — Гиккори даже голову приподнял, уставившись на предполагаемого убийцу.

Правда, у Каро предположения с каждым словом Абасира превращались во всё более стойкую уверенность.

— Да мастер не слишком гладко отшлифовал пломбу, — отмахнулся бывший дантист. — Хотя я и чётко сказал ему: «идеально ровно»! Но халтурщики есть везде, согласитесь. Кстати, над этим стоит поработать. Так как даже эта неидеальная пломба выпала. И в итоге пациент её проглотил. Поэтому к царапинам в ротовой полости прибавилось ещё и желудочное кровотечение. Хотя вполне возможно, что проблемы с пищеварительным трактом вызвал не сапфир, а клей. С ним я тоже, понимаете ли, экспериментировал. Корунды не цемент, сами полость дупла не заполняют.

— А... зачем? — осторожно поинтересовался Гиккори.

— Что зачем? — вежливо переспросил дроу.

Правда, брови он при этом приподнял совсем не вежливо, а очень даже иронично.

— Зачем вы сапфировые пломбы ставили?

— Станный вопрос, — пожал плечами Фанир. Или Абасир? — Чтобы зубы крепче стали. Понимаете ли, это крайне несправедливо, крайне! Кого-то Семеро награждают молярами, способными камни точить. А других одаривают такими прелестями, как кариес.

Теург, сама того не желая, провела языком по зубам. Проблем в этой области у неё никогда не имелось. Но теперь она точно знала, о чём станет молить Семерых: чтобы подобных трудностей и впредь не возникало. А то попадёшься в лапы вот к такому энтузиасту. И будет у тебя... сапфировая пломба.

Даже Рон поморщился. Хотя уж не оборотням о таком заботиться. У перевёртышей трудности с зубами начинаются только тогда, когда их вышибут. Да и любой корунд они переварят.

— Так вы именно поэтому ополчились на троллей? — невзначай поинтересовался Гиккори, возвращаясь к своим записям. — Потому что у них клыки крепкие?

— Прошу уточнить, что вы имеете в виду под словом «ополчились», — въедливо попросил дроу, поправил порванный манжет рубахи и поморщился.

Видимо, собственное несовершенство его угнетало.

— М-да, действительно, «ополчились» определение не слишком полное, — хмыкнул Гиккори. — Я имел в виду, что ваша профессиональная... э-э-э... зависть послужила причиной для убийства этих существ?

— Тварей, вы хотели сказать? — Фанир глянул на следователя, явно ожидая от него внятного ответа.

— Троллей, — поставил точку в борьбе с определениями полицейский.

— Хорошо, будь по-вашему, — снова пожал плечами дантист.

На этот раз, видимо для разнообразия, пожимание выглядело равнодушно.

— Что должно стать по-моему? — инспектор явно начал злиться.

По крайней мере, свой многострадальный галстук он дёрнул раздражённо.

— Если вы не желаете называть тварь тварью, а величаете её троллем, то я, как воспитанный дроу, вынужден с вами согласиться, — несколько снисходительно пояснил Фанир. — Хотя и остаюсь при своём мнении. Но это не повод для дискуссии. И место для подобных споров выбрано крайне неудачно.

— Вопрос был не об этом! — хлопнул ладонью по столу полицейский.

— А о чём? — предельно вежливо спросил задержанный.

— Издевается, — шёпотом констатировал Мастерс.

Все сотрудники «Следа» синхронно, будто заранее репетировали, кивнули.

— Я и не против, — проворчал Яте. — Наблюдать — сплошное удовольствие. Спать только хочется.

— А мне кажется, что ради такого зрелища и сном пожертвовать не жалко, — Каро потёрла пальцем переносицу, пряча улыбку.

Всё-таки, невежливо веселится, глядя как кого-то доводят до белого каления.

— Тебе ещё предстоит веселье, — мрачно пообещал теургу Мастерс. — С тобой разговор будет особый. У меня просто руки чешутся. Взять бы ремень и отходить по мягкому месту!

— Ну, знаешь!.. — Хорошее настроение теги после такого заявления мгновенно улетучилось, прихватив с собой веселье.

— Примерно знаю, — хмуро кивнул оборотень. — Поэтому руки и чешутся.

— Так почеши их о собственную физиономию, — шипя гремучей змеей, посоветовала теург. — Или можешь изучить свои мягкие места. Думаешь, я эту твою «невесту» мимо ушей пропустила? Ты вообще слишком далеко зашёл!

— Я слишком себя ограничивал до сих пор! — Мастерс наглядно продемонстрировал, что умеет шипеть ничуть не хуже. — И, по-моему, пора с этим заканчивать!

— Прямо здесь? — невзначай поинтересовался Яте. — В смысле, с самоограничениями ты намерен прямо здесь заканчивать? Если да, то я, пожалуй, пойду. Страстью к подглядыванию никогда не страдал.

Тега, наконец, прочувствовала, что значит: «она, как никогда, близка к убийству». Буквально печёнкой прочувствовала. Причём убийство должно было стать двойным. Хорошо хоть Алекс, как настоящий джентльмен, на их перебранку никакого внимания не обращал. Альв сосредоточенно наблюдал за выяснением, что же всё-таки хотел знать инспектор.

Терпению Гиккори, и без того не слишком эластичному, пришёл конец. Инспектор вскочил, грохнув кулаком по столу.

— Вы отказываетесь сотрудничать со следствием? — взревел полицейский так, что у Каро в ушах тоненько закололо.

— Я? — изумился дроу, прижав ладонь к груди. Но, глядя на побагровевшую физиономию сыщика, решил тут же исправиться, — Нет-нет, господин инспектор. Я готов ответить на любой ваш вопрос. Вы только задайте его прямо. Вполне возможно, что смысл ваших эвфемизмов до меня не доходит.

— Ты троллей убивал или нет? — от рывка окончательно потерявшего над собой контроль Гиккори даже стёкла в окнах дрогнули.

Полицейский пожевал губами, будто хотел добавить ещё парочку эпитетов. Но, глянув на угол, в котором засели детективы, передумал. Наоборот, глубоко вздохнул, одёрнул изрядно помятый сюртук и опустился в кресло.

— И учти, мы всё знаем. Егерь тебя опознал и вашу слёзную историю рассказал, — добавил полицейский уже почти спокойным тоном.

— Да я и не собирался ничего скрывать, — диапазон эмоций, выражаемый пожатием плеч, у дроу был поистине неисчерпаемым. На этот раз жест явно означал недоумение. — Действительно, убивал. Действительно, в заповеднике. Посудите сами, господин инспектор, какой смысл мне это скрывать? От убийства полицейского, которого я застрелил рядом со своим же домом, мне никакой возможности уклониться нет. А на плаху два раза не взойдёшь. Да и лишние неприятности Ильсу я доставлять не хочу.

— Ильс — это кто? — в томном изнеможении ткнувшись лбом в ладонь, поинтересовался Гиккори.

— Егерь, — смиренно пояснил дроу.

— Так зачем же вы тварей... тьфу ты! Троллей убивали?

— Как это зачем? Чтобы досадить Ильсу.

Полицейский застонал сквозь зубы.

— Вас что-то смущает? — невозмутимо спросил дроу. — Вы видите в моих словах нарушение логики? На самом деле, причинно-следственная связь здесь предельно проста...

Лично Каро не показалось, что причинно-следственная связь в этом деле отличалась простотой. Но, наверное, девушка просто не обладала достаточными знаниям душеведения. Кто их, психов, разберёт?

Хотя история начиналась действительно достаточно банально. Жили двое, любили друг друга. Точнее, бывший сержант медсанчасти при пехотном полке второй дивизии армии Её Императорского Величества и нынешний дантист нежно обожал юного студента. Тот отвечал вполне искренней преданностью. И всё бы хорошо, но время шло, чувства крепили, семейная ячейка нуждалась в развитии. И студент, успевший стать не таким уж и юным, стал требовать от врача «узаконивания» отношений. Не в смысле регистрации брака — до этого даже в цивилизованном Элизии ещё не дошли. Просто публичного признания наличия пылкой страсти.

Что должен был сделать дроу, теург не слишком поняла. Возможно, выйти на площадь Мира и сообщать о своей любви каждому встречному. Так или иначе, а никакой

публичности дантист не желал. Его практика и без того многочисленностью клиентов не отличалась. Поход к зубному врачу и так стресс для любого. А уж если врач дроу, в смысле, больной на всю голову, да ещё и с несколько не совсем обычными предпочтениями...

В общем, загрузив и затосковав от недостатка внимания и неудовлетворённых желаний, студент засел за написание научного труда, посвящённого своему хобби. То есть, троллям. И так его это дело увлекло, что, в конце концов, он покинул неблагодарного возлюбленного, подавшись в егеря.

Ничего необычного в истории не было. Разве что немного смущало единство полов влюбленных. Но в просвещённый век этим никого не удивишь. И замени «студента» на «студентку», событие вышло и вовсе бы банальным. Разве что девушка подалась бы не в егеря, а уехала к маме. Хотя, опять же, век просвещённый — могла и в зрители податься. Попробовать, по крайней мере.

На этом нормальности заканчивались. Дантист, погоревав, сначала решил прославиться. И вплотную заняться наукой. Идею ему подсказало хобби его любимого. Эксперименты закончились отобранной лицензией. И логично — сам Фанир уверял, что это очень логично, — что дроу решил известить всех троллей на корню. А зная, как его коварный любовник относится к этим созданиям, способ был выбран наиболее мерзкий. Чтобы, значит, егеря совесть замучила. Ну и сами «твари» помучились тоже. Ибо не дело это — отбирать у приличных граждан их любовь.

После такого вывода в кабинете инспектора повисла озадаченная тишина. Даже громилы-охранники, к мыслительной деятельности, кажется, вовсе неприспособленные, выглядели ошарашенно. Гиккори разглядывал собственные записи, барабаня пальцами по столу. А Яте исподлобья изучал невозмутимого дроу, как будто пытаюсь понять: действительно ли дантист сумасшедший, как мартовский заяц, или просто пытается таковым выглядеть.

Каро же казалось, что даже для сумасшествия это всё как-то... слишком.

— А шкуры-то вы зачем снимали. Да ещё и продавали их перекупщикам? — мрачно поинтересовался Гиккори, вдоволь набарабанившись по столешнице.

— Надо же мне на что-то жить? — удивился дантист. — Я много времени уделял отслеживанию добычи. В последнее время они стали слишком уж осторожными. И, естественно, других источников дохода у меня не имелось. Да и хоть что-то получить с этих тварей тоже нужно. Вот шкуры и ещё зубы, — тут Фанир застеснялся, отвёл глаза в сторону и даже покраснел. В смысле, полиловел. — Я из них статуэточки резал. Такие ма-аленькие. А потом продавал. Между прочим, знатоки отмечали, что работа очень тонкая и искусная.

— Знатоки резьбы по троллей кости? — ещё больше посмурнев, уточнил полицейский.

— Нет, ну что вы! Я выдавал её за драконью. Структура похожа. Найденные останки этих рептилий тоже будто закаменевшие. Потому обработка такого материала требует определённых навыков.

— Это не те-ка, — вдруг заявил Яте и выпрямился в кресле, наконец соизволив открыть глаза.

Только вот он смотрел ни на кого-то конкретного, а в стену. Даже будто сквозь неё.

— Какое ещё те-ка? — прошипел сквозь зубы измученный инспектор.

— Вы же служили на Островах, — отозвался почему-то не тег, а Алекс. — Точка схода. Момент, когда духи сводят воедино множество линий, судеб и событий только для того, чтобы произошло что-то конкретное.

С такой формулировкой Каро бы поспорила, само понятие вмещало в себя гораздо большее. Но и она готова была согласиться с тем, что уж слишком многое и слишком странное сходилось в одной точке — на Горхе. И на волю Семерых это не походило совершенно. Скорее уж, на чей-то замысел.

Но дискутировать на теологические темы времени не хватало. Медик вдруг вскочил и, едва не снеся по пути полицейского, ломанулся к двери.

— Куда? — крикнул Рон, который, в общем-то, эксперта успел опередить и даже дверь первым открыл.

— К Горху! Там сейчас кто-то умрёт...

Теург ничего не поняла. Но только юбки проворно подхватила, чтобы от других не отстать.

* * *

После того, как Росс сыпанул в лапу кебмена целую горсть эльзаров, лошадь, кажется, превратилась в пегаса. Но теге всё равно мерещилось, будто тащатся они с черепашьей скоростью. Девушке хотелось выпрыгнуть из экипажа и бегом побежать. Не только потому, что так быстрее б получилось. Просто напряжение, повисшее в карете, становилось невыносимым. Оно ползало по коже, заставляя подниматься волоски дыбом. И даже голос подать страшно.

— Ты Видящий? — спросила Каро, только когда они уже подъехали к мастерской.

Яте коротко кивнул, никак не комментируя такое, в общем-то, сенсационное, признание.

Видящих, то есть, способных различить распутать нити судьбы, а иногда даже и прочитать, правда, не слишком разборчиво, грядущее событие, в Элизии считали байкой. Собственно, небылиц о них слагали действительно немало. Будущего они не предсказывали — это не по силам никому из живущих. А уж мёртвым и подавно.

Но вот ощутить, что где-то близко реальность рванёт, взорвётся немаловажным событием, Видящие могли. Правда, насколько Курой знала, для этого они десятилетиями в Храмах обучались. Но стихийный «прорыв» способностей никто ещё не отменял.

Но дальше она расспрашивать не стала. Да и времени не оставалось. Кебмен лихо затормозил у ворот мастерской Горха. Но ещё до того, как лошадь остановилась, детективы горохом выкатились из экипажа. Хотя про Каро Мастерс не забыл. Подхватил на ручки, поставив на землю, и лишь потом рванул к дому. А неповоротливые черные экипажи полиции только появились в конце улицы.

А мастерская выглядела вполне мирно. Подмастерья сустились под навесами, занимаясь своей работой. Служанка подметала подъездную дорожку. Другая, спешащая куда-то с большой корзиной, едва не столкнулась с Россом, и тихо ойкнула.

И все, естественно, обернулись к ворвавшимся. Наверное, со стороны это вторжение выглядело, как минимум, глупо.

Точнее, выглядело бы. Не раздайся именно в этот момент из дома истошный вопль — надсадный, на пределе возможностей связок. Крик оборвался, словно кто-то набирал в грудь побольше воздуха. И голосащий заорал снова. Теперь гораздо пронзительнее, хотя это казалось попросту невозможным.

— Хозяйская спальня! — гаркнул Рон, успевший изучить дом Горха как свои пять пальцев.

И, лихо выхватив револьвер, оттеснил Каро себе за спину. Теург уже даже рот открыла возмутиться. Отстаивать свои права не пришлось.

— Госпожа Курой! Сюда! — рявкнул Росс, почему-то уже из дома.

Вообще, все вокруг двигались с какой-то бешеной скоростью. Тега не поспевала даже движения отслеживать. Вот и после приказа Алекса, Мастерс схватил девушку и то ли поволок за собой, то ли подмышкой понёс — она так и не осознала до конца.

Зато в спальне время моментально замедлилось. И даже притормозило, услужливо давая понять Каро, в какое... нехорошее дело они опять вляпались.

Хозяин дома умирал. И делал он это стремительно. Курой не была медиком, да и апоплексических ударов раньше ей видеть не приходилось. Но в данном случае ни опыта, ни знания не требовались. Побагровевшее, налитое кровью, лицо, выпученные глаза, рука, в пустую загребающая одеяло, и синие губы, блямкающие словно у рыбы, говорили сами за себя.

А ещё комната искрилась и переливалась радугой потоков, игралась ёлочной игрушкой, вспыхивая искрами силы. И клубилась у потолка чернотой. Хотя, по идее, тут ничего кроме черноты и быть не должно...

Но над странностями размышлять тоже времени не оставалось. Про проклятия такой силы теургу только читать приходилось. И в справочниках указывалось абсолютно чётко: «... проклинаящий должен заплатить за поток собственной жизнью...». Об этом тоже стоило подумать потом.

— Все вон, — Курой как будто со стороны услышала свой спокойный, удивительно ровный голос.

Ей-то казалось, что она должна завизжать ошпаренной кошкой. Потому что темнота под потолком перестала переливаться аморфным туманом. Сгустилась, поплотнела, потянула щупальца к каждому, кто в спальне стоял. Жадно так потянулась, целенаправленно.

— Вон! — повторила тега, глядя на Мастерса.

Видимо, оборотень что-то там сумел на её лице прочитать. Потому как захлопнул рот так, что зубы клацнули. И вымелся за дверь, подпихивая впереди себя матушку Горха и служанку разом.

— Врача вызовите, — крикнула им в след тега.

И это тоже прозвучало вполне уверенно.

Хотя внутренности теурга тряслись, как скисший студень. Что делать она понятия не имела. Её амулеты, которые девушке вернули вместе с другими вещами, с висящим под потолком, справиться не могли. Да даже имейся у Каро артефакт, способный всосать или рассеять такую чудовищную силу, оперировать им у теги умений бы не хватило.

Оставалось одно — проглотить проклятье самой. И оказаться на месте Горха. А на это не хватало решимости. Умирать во имя чьей-то жизни будущих специалистов профессора не готовили. Наоборот, больше напирали на коммерческую сторону вопроса.

— Успокойтесь, — посоветовал Росс, невозмутимо сияющий ровным красноватым светом за спиной у теги.

Щупальца оплели его редким паутинчатым коконом. И тонкие прядки чёрного тумана елозили по алому свечению, будто пытаясь найти брешь. Вероятно, не находили. Только тут Каро заметила, что и сама светиться тем же красноватым, как лампа под рубиновым

абажуром.

— Сдержать это я сумею. Сил направить, куда нужно у меня хватит. А вот умений нет, — всё это альв выдал так спокойно, словно о погоде рассуждал. — Вы меня должны направить, госпожа Курой. Представьте, что вы иголка, а я нитка. Или вы меня за руку в темноте ведёте.

— Всё это здорово. Но куда я это помещу? — проскулила теург, как-то моментально растеряв весь свой деловой тон.

Перед Алексом бравость можно было и не изображать. Он и так прекрасно видел, что Курой трясёт.

Лорд кивнул, будто соглашаясь с её доводом, медленно поднял руку, доставая свою галстучную булавку, и протянул её девушке.

— Давайте пока сюда. А там разберёмся, куда эту дрянь девать.

Тега взяла украшение и чуть на пол его не уронила. Девушке показалось, что в руке она держит не булавку, а планету — не больше, не меньше. В маленьком, величиной с половинку ногтя, алом камешке была гигантская пустота, почти бездонный мешок, наполненный древней силой.

— Спокойнее, госпожа Курой. Если у вас не получится, то тут будет три трупа. Это как минимум.

— Удивительно воодушевляющая речь! — буркнула Каро.

Но, как ни странно, внутренности у неё успокаивались, переставая трястись. А под черепом начало светлеть.

— Ничто так не стимулирует на подвиги, как угроза собственной жизни, — заверил альв. — Ну что, попробуем? Простите, но времени на написание завещания у нас нет. Именно поэтому о таких вещах стоит беспокоиться заранее.

Кажется, это была шутка. Вот только смеяться почему-то совсем не хотелось.

Я не спорю с вами, я просто пытаюсь доказать, что вы не правы.

Каро, сидя на полу между креслом и комодом, меланхолично наблюдала за толстеньким доктором, деловито хлопочущим над господином Горхом. Меньше всего врач походил на дварфа. Низенький, плешивый, с округлым брюшком и ярко-красным носом весельчака и кутилы, он скорее смахивал на низушка. Но дело своё явно знал, действовал уверенно, горестно всхлипывающих женщин призвал к порядку быстро. Матушку кожевенника вместе с его же супругой выставил вон. А служанки под его командованием суетились так, что на горе у них дыхания не оставалось.

Детективов строгий доктор не выгнал только потому, что не заметил. За громоздким старинным комодом могли поместиться три теги разом. А альва портьера окна прикрывала. Нет, они не прятались специально. Просто сидели там, где упали. Вот так получилось. Да ничего любопытного в комнате и не происходило. Горх прекратил хрипеть, как только проклятие запечатали. И теперь пребывал в счастливом и глубоком обмороке. Не служанками же, носящимися с тазами любоваться?

Хотя, встать всё же стоило. Неприлично это — на полу сидеть. Вот только где бы ещё сил взять, чтобы просто принять вертикальное положение.

Впрочем, эту проблему за Курой решили. Мастерс влетел в спальню, кажется, просто не заметив врача, пытавшегося ему дорогу перегородить. Оборотень замер у кровати, шумно втянув носом воздух. И выдернул теурга из-за комода. Нагнувшись, заглянул девушке в лицо, зачем-то встряхнул, повертел, как куклу. И только после этого успокоился, но лапищ с плеч теги не убрал.

— Ты как? — спросил он через голову Каро.

— Отвратно... — томным голосом отозвался Росс.

По мнению нашедшей в себе силы обернуться Курой, выглядел альв неважно. Вроде и времени-то прошло всего ничего, а Алекс успел постареть лет на десять. Осунулся, под глазами залегли тёмные круги и нос заострился. Всегда безупречная причёска растрепалась, и клочок волос свисал на глаза лорда, как у какого-нибудь уличного мальчишки. Рубаха разорвана до самого пояса брюк. И по бледной груди тягуче текли, уже начиная подсыхать, кровавые дорожки.

Красота!

Впрочем, сама Каро вряд ли выглядела лучше. Разве что с одеждой у неё был полный порядок.

— Это что? — уточнил оборотень, указав подбородком кровавые змейки.

— Демоны погрызли, — отозвался альв.

И тяжело опираясь рукой на подлокотник кресла, поднялся. Правда, удалось ему это сделать не с первого раза.

— Серьёзно?

Теург хмыкнула, глядя на округлившиеся глаза Мастерса. Действительно круглые, как два эльзара. Вот только чтобы насладиться таким, несомненно, забавным зрелищем, ей пришлось голову задрать. Оказывается, на это тоже требуются силы. И немалые.

Девушка подумала. И пристроилась щекой к груди оборотня. Щеке стало удобно, шея тоже чувствовала себя неплохо. А вот всё остальное тело завопило, что и оно так хочет. Не обязательно на грудь к Рону, но чтобы тоже удобно стало.

Росс глянул на детектива исподлобья и пятерней заправил выбившуюся прядь на затылок.

— Нет, шучу я. Просто жертва потребовалась. Эта пакость даже для меня оказалась слишком мощной.

— Но вы справились? — осторожно поинтересовался Мастерс, как-то машинально, словно кошку, поглаживая Каро по затылку.

— Нет, — огрызнулся Алекс.

И, тоже о чём-то серьёзно поразмыслив, сел в кресло.

— Шутишь?

— Шучу, — кивнул Росс, соглашаясь. Закрыв глаза и откинувшись на спинку, опёршись затылком о подголовник. — Я вообще сегодня такой клоун! Сам себе поражаюсь. Ты чего не смеёшься, когда начальство юморить изволит?

Курой хотела оглянуться и посмотреть на управляющего «Следом». Просто для того чтобы убедиться — альва не подменили. Может быть, стоило даже глаза выпучить или там рот открыть. Но все эти телодвижения требовали массы усилий. Вероятный результат их не стоил.

— Шутник, чтоб тебя!.. — сквозь зубы буркнул оборотень. — Мы там чуть с ума не сошли! Когда стены трястись начали, думал всё — каюк капитану! А он теперь зубоскалит!

— То есть, ты обо мне заботился?

Иронично приподнятых бровей лорда тега, понятно, не видела. Но в тоне его ехидства хватало. Так что и для представления мимики усилий не требовалось.

— Нет, етишкин пень! О сохранности здания! — процедил Мастерс. И почему-то стиснул плечо теурга так, что она протестующе пискнула. — А ты вообще молчи, мелочь невыдранная! — выверился на ни в чём не повинную Курой оборотень. — Куда опять полезла, а? Мало, что ты уже вторую неделю с порванной физиономией ходишь? Подвиги захотела, на передовую, в первые ряды?

Курой дёрнулась от детектива, словно он раскалится, как печка. От такой несправедливости, а, может, от усталости, слезы сами собой в глазах вскипели. Да бурно так, мигом перелившись через край. Тега только носом шмыгнуть и смогла. Ну, ещё отвернулась.

Оборотень скрипнул зубами, помянув анатомические подробности Седьмого.

— Вообще-то, не будь тут госпожи Курой, орал бы ты на меня сейчас где-нибудь в Подземье, — сонно заметил Росс. — Надо отдать должное её преподавателям. Обучают они специалистов без халтуры.

Вот бывает же так: вроде и комплимент тебе отвесили, и признали, что ты всех спасла, а уж лучше б молчали! Получается, что в сделанном никакой заслуги самой Каро и нет. Это всё преподаватели молодцы.

Тега даже губу прикусила, только б в голос не зарыдать. Ей и без того слезы никак не удавалось обратно загнать. Текли себе и текли. стыдобища!

— Вы свидетелей опросили? — тоном умирающего, но всё-таки командира, поинтересовался Росс, мгновенно о девушке забыв.

— Какие свидетели, Ал? Мы там...

— С ума сходили, я понял, — полководец, видимо, помирать передумал, а решил ещё

немного покомандовать. — Вместо этого плодотворного занятия могли бы сделать что-нибудь полезное. Ради разнообразия.

— Да вы тут магичили-то меньше пяти минут! — тон оборотня как-то подозрительно быстро съехал с угрожающе-обвинительного на защитно-оправдательный. Мы в одну кучу всех за это время сгрести не успели.

— А вы пытались?

И вот тут Курой осознала, что всё, с неё хватит. Всего хватит. И детективной деятельности, и самостоятельности, и попыток доказать собственную значимость. А больше всего ей надоели самовлюблённые, самоуверенные, упёртые и эгоистичные мужики.

Тега тихонечко, словно боясь, что её сейчас за руку схватят и никуда не пустят, начала подкрадываться к двери, пробираясь вдоль стеночки и придерживая юбку ладонями, чтоб не шуршала. Только вот шмыганье носом выдавала теурга с головой. Точнее, выдавало бы, обращай на неё внимание хоть кто-нибудь. Росс чихвостил Мастерса, Рон оправдывался, доктор хлопотал над больным, служанки носились, теперь уже с полотенцами. Лишь господин Горх по-прежнему оставался тих и ненавязчив. Да ещё Яте, опершись о дверной косяк плечом, не без интереса наблюдал за странными перемещениями девушки. Но мешать ей тег явно не собирался.

Каро, обогнув медика по дуге, выскользнула на площадку. И, конечно же, именно тогда, когда девушка уже начала спускаться по лестнице, откуда-то снизу раздался дикий вопль.

* * *

Картина, увиденная вбежавшими в кухню детективами, была достойна запечатления на холсте батального живописца. Старая метресса Горх, перехватив громадную медную сковородку, словно двуручный меч, рвалась в бой. Точнее, на убой. Маленькая служаночка, спрятавшаяся за спину супруги кожевенника, кажется, и сама понимала, что минуты её на этом свете сочтены. Да и человечка, смело закрывающая девчонку широким подолом, выглядела неважно. Вероятно, опасалась, что разбушевавшаяся старушка и её пришибёт.

От смертоубийства почтенную матрону удерживали двое подмастерьев. Но давалось им это нелегко. Во-первых, дюжие парни опасались повредить разбушевавшейся хозяйской матушке. А, во-вторых, в хрупкой даме внезапно обнаружились немалые силы. Да и ещё и неподдельная ярость их утраивала. У одного из дварфов скула уже успела покраснеть и начинала опухать. Этот, по всей видимости, своё сковородкой уже получил.

А метресса Горх парней, кажется, даже и не замечала. Перла вперёд с целеустремлённостью тарана, волоча подмастерий, нежно уцепившихся за немалую дамскую талию, следом. При этом у старушки ещё хватало сил вопить так, что даже огонь в очаге испуганно опал, спрятавшись под дровами.

— А я сказала: нет! — вопила дварфийка. — Ложь это всё от начала и до конца! Тебя чай вот эта подкупила. Сколько ты ей отсыпала, дрянь?

— Матушка, вы ошибаетесь, — пролепетала госпожа Горх, безуспешно пытаясь выглядеть смело и решительно. — Я сама это впервые услышала. И никого не подкупала, клянусь!

— И это ложь! — бушевала метресса. — А то я тебя не знаю! И натуру твою подлую не изучила. Напраслину на мою внучку наговариваешь! Сама, чай, всё и затеяла! Чего удумала,

сволочь?

«Сволочью» старушка не ограничилась. Впрочем, в эпитетах она вообще не стеснялась. И прибывала в твёрдой уверенности, что её невестка убийца, прелюбодейка и в целом натура подлая. О чём дварфийка, размахивая сковородкой, и оповестила не только присутствующих, но и всю округу.

А до столкновения жены и матери ныне пребывающего без сознания господина Горха оставалось всего ничего.

— Все замерли. Немедленно!

Сказал это Алекс негромко и без всякой угрозы, вроде даже с ленцой. И в принципе за воплями старушки его вообще никто расслышать не мог. Но почему-то все действительно замерли. Немедленно.

— Кратко, ясно и по существу. Что тут происходит?

Альв осмотрелся и уселся на стул, предварительно обмахнув его зажатými в руке перчатками. Красиво так уселся, с истинно лордским изяществом: закинув ногу на ногу и положив трость поперёк колена. Пока Каро страдала от мировой несправедливости и носом хлюпала, Росс успел не только сюртук надеть, прикрывая порванную рубашку, но и галстук повязал. Причёска его, естественно, пребывала в идеальном порядке.

Вот только кратко, ясно и по существу ему отвечать никто и не думал. Получив разрешение, все заорали разом: метресса и госпожа Горх, прячущаяся служанка, подмастерья, прислуга, сгрудившаяся у дверей кухни. Даже собаки во дворе взвыли.

— Молчать! — тем же подозрительно тихим тоном приказал Росс. Поразительно, но его опять послушали. Даже собаки. — Излагайте вы, — кивнул альв старушке.

— Эта сука приبلудная... — начала почтенная дама с упырским завыванием.

— Я же сказал: по существу, — тут же прервал её Алекс.

Дварфийка захлопнула рот и хмуро уставилась на лорда. То ли по существу произошедшего ей доложить было нечего. То ли, по её мнению, старушка как раз и говорила по существу.

— Ясно, — царственно кивнул Алекс. С сомнением посмотрел на госпожу Горх и обратился к скрючившейся за её подолом служанке. — Попробуйте вы.

— Ну что я? — заканючила девчонка. — Что видела, про-то и говорю. Ничегошеньки ведь не выдумываю! Вот ни словечка.

— Я понял, — ласково заверил её альв. — вы честны, как перед Великим Предком. Суть в чём?

— А ссуть они, где придётся, — бухнул подмастерье. И сплюнул на идеально выметенный пол. — В смысле, гадют. Бабы, чего с них возьмёшь?

Дварф словно на курок нажал. Гвалт возобновился с удвоенной силой. Вот только продолжался он недолго. За спинами сгрудившихся зрителей и участников конфликта раздался... вопль. Хотя само определение «вопл» для данного звука не слишком подходило. Началось это низким утробным мявом. Который плавно, как будто по дуге, становился все выше и выше. И почти перейдя в визг, он стремительно покотился вниз, перерастая в гулкий рокочущий рык.

Каро и сама не заметила, как на корточки присела. И руками голову прикрыла. Правда, так поступила не одна она, а все присутствующие. Только Росс невозмутимо поправлял манжеты. Зато теперь стало возможным рассмотреть источник звука.

Рон, стоявший в коридоре у лестницы, стиснул кулаки и, запрокинув голову до

проступивших на напряжённой шее вен, выл. Или рычал? Мяукал? В общем, производил шум, которому место только в царстве Седьмого.

— Продолжим, — спокойно сказал Алекс, дождавшись, когда оборотень выдохнется. — Итак, вы хотели нам поведать что-то?

Служанка тяжело сглотнула, неуверенно кивнув. Круглые выпученные глаза на её побледневшем личике казались слишком большими.

— Так что же вы видели? — ласково напомнил альв.

— Как хозяйская дочка на господина Горха порчу наслала! — единым духом выпалила дварфийка.

— Ложь! — взвыла метресса, проворно выбираясь на четвереньках из-под стола. Сковородка, до сих пор зажатая в её руке, громыхла по каменному полу, как набат. — Ложь это всё! Подкуплена она! Не слушайте её, господа сыщики. Наваety и наговоры. Не могла моя девочка такого сотворить! Да и зачем ей делать-то гнусь эдакую? Мой сыночек в ней души не чаёт, ни в чём куколка отказа не знает.

— Всё да не всё! — затараторила служанка, у которой, видимо от шока, приключилось словоизвержение. — Замуж-то выйти он ей не даёт! В смысле, за любого не даёт, а сватаёт старика противного! Мне сама молодая госпожа про то жаловилась! И как им приходится скрывать, вась-вась значитя украдкой. Она б давно уж сбёгла! Да без денюжек-то куды бечь? Сама мне говорила, сама! Вот этими ушами слышала. Грохнула папулю, а на денежки его теперь припеваючи жить станет. Всё так, как сказала. Сама я...

— Видели вы что? — перебил её альв, уже даже не пытаясь прикидываться ласковым.

— Да как порчу она творила и видела. Я, значитя, в гардеробной рубашечки господина Горха развешивала. Тока дверку не до конца прикрыла. Чтобы, значит, слышать было, ежели меня кто кликать станет. Смотрю, заходит молодая госпожа в хозяйскую спальню. Да таится чего-то, оглядывается. Ну, мне же интересно стало. Я к щёлке-то и припала. Она давай шаманить да ворожить! У-у, страх! Прямо коленки подкашиваются. А тут возьми и сам заявись! И чего ему днём в спальне-то спонадобилось? И вдруг как что-то сверканёт! Хозяйка как завизжит! Господин Горх как на постель рухнет!

Служанка схватила себя обеими руками за горло, закатила глаза и вывесила язык на сторону. Видимо, это она так пыталась изобразить, как мастер на кровать упал. Наверное, в другой бы ситуации это выглядело смешно.

* * *

На то, чтобы выудить у служанки подробности увиденного, потребовалось часа два. Девушка оказалась не только чересчур болтливой. Потеряв от всеобщего внимания остатки и без того не слишком крепкого разума, она начала откровенно сочинять, делая историю жутче и кровавее. Естественно, в силу собственного разумения.

Но в нескольких фактах сомневаться не приходилось. Во-первых, она действительно видела молодую Горх и именно в хозяйской спальне. Во-вторых, дварфийка на самом деле проводила какой-то ритуал, а не просто с амулетами игралась. В-третьих, за этим делом её застал отец. Потом была вспышка и мастер начал умирать. Но это уже детективы и сами застали.

К сожалению, служанка оказалась не единственным свидетелем. Молодая Горх будто

нарочно старалась, чтобы её побольше народу увидело. Как по лестнице поднималась, видоки нашлись. И смогли описать, что в руках она свечи держала — это ясным утром-то! — листок с записями и большой амулет.

А та самая горничная, с которой Мастерс на улице флиртовал, а Каро ещё и её поруганные надежды защищала, не без гордости доложила, что отец и дочь при ней вчера вечером ругались. И речь шла как раз о лишении приданого. Кожевенник угрожал вышвырнуть доченьку на улицу без медяка в кармане, если она не перестанет видеться с «этим заморышем».

С нескрываемым удовольствием, смакуя эпитеты, которыми родственники друг друга награждали, служаночка всё на Рона посматривала. Видимо, надеялась: оборотень такую осведомлённость оценит, и их любовь вспыхнет новым пламенем. Правда, детектив на страстные взгляды не ответил. Он был мрачен и задумчив.

И ещё два часа ушло на осмотр спальни. Нашли и свечи и амулет, который оказался обычным активатором. То есть, у девушки имелся другой артефакт, с заложенным проклятьем. Теург, хоть и под давлением, признала: да, проклятье то самое, чьи следы она изначально в мастерской и доме видела. Правда, в спальне имелись и отпечатки других потоков, никакого зла в себе не несущих. Но от этого факта Росс просто отмахнулся.

Не нашли только самой девушки. Хозяйская дочь пропала. Что, хоть и косвенно, подтверждало её вину. Не обнаружили и листка с записями. Видимо, его метресса прихватила с собой.

— И что мы имеем? — поинтересовался Алекс, почёсывая подбородок набалдашником трости. И сам же себе ответил. — Всё-таки дочка, получается, да?

— Получается, что так... — буркнул в ответ оборотень, закрывая дверь за последним, насильно выдворенным из хозяйской спальни, обитателем дома.

Народ требовал зрелищ. И оставлять детективов дожидаться полиции без зрителей не желал. Но Мастера, после его показательного выступления, дварфы побаиваться начали. Так что сотрудники следа всё же добились уединения.

— Мотив есть, — кивнул Росс. — Свидетели есть. Улики хоть лопатой гребь. Осталось только пожелать господину Горху побыстрее встать на ноги и оплатить наш счёт. Дело закрыто.

— А как же девушка? — подала голос Каро.

Теург, наплевав на все правила приличия, забралась в кресло с ногами, обхватив руками колени.

— А что девушка? — пожал плечами Рон. — Её ловить не наша задача. Вот если папаша это дело оплатит, тогда и станем искать. А так пусть полицейские побегают.

— Но почему вы уверены, будто это она?

— Тебе ещё раз все доказательства изложить? — раздражённо рыкнул оборотень. — Тридцати трёх раз не хватило?

— Да послушайте! Если у дварфийки, не способной к магии вообще, хватило ума где-то раздобыть редчайший артефакт с проклятием и подобрать к нему амулет-активатор, то неужели она не додумалась сделать все так, чтобы никто не её не увидел? — выпалила Каро и только договорив до конца дух перевела.

— Как правила, госпожа Курой, преступники прокалываются на таких вот досадных мелочах, — наставительно пояснил Росс. — А сами преступления совершаются случайно. Видимо, и артефакт попал к девушке по недоразумению. Скорее всего, она его и не

собиралась применять. А тут ссора с отцом, любовь. И в итоге почти труп.

— Не собиралась применять, а активатор купила? — упёрлась Курой.

— Значит, собиралась, — не стал спорить Алекс. — Я понимаю ваши чувства. Милая, кажущаяся невинной девушка. И преступление. Не вяжется, согласен. Но улики на лицо.

— Но если артефакт к ней случайно попал, то опять не сходится! Он же сказал, — тега ткнула пальцем в сторону Яте, — что это не те-ка. Нет тут случайностей!

— Я мог и ошибиться, — равнодушно пожал плечами медик. — Опыта у меня ноль.

— К тому же, чаще всего видения нитей судьбы можно трактовать по-разному, — встрял Мастерс.

— И это тоже, — согласился тег.

— Кроме того, слова Видящего в качестве доказательства присяжным не предъявишь, — заключил альв.

— Ну а как быть с другими следами? — Курой обвела рукой комнату, хотя вряд ли кто-то кроме неё мог оценить «другие следы». — Она не только проклятье активизировала, но и какой-то ритуал проводила. По-моему, что-то связанное со здоровьем и удачей. Это вы как объясните?

— Твоей ошибкой? — усмехнулся медик.

— Вы можете со стопроцентной уверенностью сказать, что это был именно ритуал на здоровье или удачу? — глядя на теурга как-то жалостливо, тихо спросил Росс. — И то, что его проводила именно дочь хозяина, сможете подтвердить? Не нам сейчас в запале сказать, а повторить на суде, перед Кристаллом Правды, двенадцатью присяжными и тремя судьями?

— Нет, не могу, — тряхнула головой Каро. — Поэтому и предлагаю поискать дварфийку самим, не дожидаясь полиции. Я уверена — это сделала не она. Ну, вы же не можете видеть того, что вижу я!

— А ты видишь то, что в природе не существует, — фыркнул тег.

— Госпожа Курой, мы все через это проходили, — ласково, как душевнобольную, заверил теурга Алекс. — Вы действительно великолепный специалист. Просто практического опыта маловато. Да ещё ваши взгляды и принадлежность к одному полу с преступницей заставляют быть предвзятой. Не стоит искать сложных объяснений там, где они не нужны.

Курой помолчала, глядя на дружелюбно, даже по-отечески улыбающегося альва. И перевела взгляд на оборотня.

— Ты тоже считаешь, что дело в моём поле?

Рон цыкнул языком по зубам и, ничего не ответив, отвернулся, неожиданно заинтересовавшись фарфоровым подсвечником на каминной полке.

— Я думаю, вам стоит отдохнуть, — заявил Алекс. — Дождаться полиции смысла нет. Свой отчёт вы составите и отправите завтра. Поезжайте-ка домой. Рон вас проводит.

— Спасибо, я прекрасно доберусь сама, — абсолютно спокойно поблагодарила тега. Опустила ноги, не глядя, засовывая их в ботинки. — Думаю, его присутствие здесь вам больше поможет. А на улице ещё светло.

Спорить с ней никто не стал. Яте только ухмыльнулся, но понимающе. Алекс всё улыбался поощрительно-одобряюще. А Мастерс в сторону девушки вообще не смотрел, занят очень был. Безделушки на каминной полке переставлял.

Дома Каро не ждало ничего хорошего. Обида да твёрдое решение покончить с карьерой теурга. Так они и ходили из угла в угол втроём: тега, «Я ради них, а они!..» и будущий отчёт, который должен стать последним делом в качестве сотрудника «Следа».

Курой не сиделось и не лежалось, только ходилось. О будущем не думалось, сколько себя не заставляй. Старое платье не помогало, шаль тоже. Сколько девушка ни куталась, её всё равно знобило. При мысли о пирожных или алкоголе, да и вообще о еде, начинало подташнивать.

А ещё в углу маячил призрак оборотня. Маячил и нагло ухмылялся.

Часы на храме пробили два раза, намекая, что неплохо бы и спать лечь. Каро покосилась на постель и подошла к окну, зачем-то потрогав батарею парового отопления. Естественно, чугун оказался ледяным. А в тёмном оконном стекле висело бледное отражение самой теги.

Курой провела пальцем по подживающим царапинам на щеке, потрогала свезённый о кору нос и желтеющий синяк на скуле. Да уж, её недолгая карьера оказалась очень бурной и плодотворной. В прибыль можно занести небольшой аванс, кучу травм, забитое ногами самолюбие и шляпку. Теург усмехнулась собственному отражению, развернулась на пятках и решительно направилась к вешалке у двери — шляпку в титане палить.

Но по пути передумала, свернула к кровати, сдёрнув со стены портрет альва. С чувством так дёрнула, вырвав ещё и гвоздь, на котором картина висела. Так живопись и отправилась в топку — вместе с железкой.

Стало немного легче.

Каро пошевелила угли кочергой, глядя на корёжащееся лицо лорда. Холст не горел, а тлел, расплзаясь тёмными грязными пятнами. Черты искажались, становились уродливыми. И только потом превращались в толстенькие пластиночки пепла. Но рельеф масляных мазков упорно сохранялся.

В дверь постучали. Курой, плотнее закуталась в шаль, придерживая её рукой у горла. И, тихонько постукивая кочергой, разбивала пепел в пыль.

— Каро, я знаю, что ты тут, — раздался из-за двери приглушённый голос Мастерса. — Мне дверь высадить? Я думаю, что соседи такое зрелище оценят. Особенно в полтретьего ночи.

Теург коротко вздохнула.

— И чего теперь-то припёрся? — буркнула она себе под нос.

— Поговорить, — отозвался оборотень, который, вопроса, по идеи, слышать не мог. — Можем, конечно, и так побеседовать. Но мне тебя слышно плоховато. А вот твои соседи, боюсь, мой дивный голос не оценят.

— А мне плевать, — снова обращаясь к своему носу, сообщила тега. — Всё равно я отсюда завтра съеду.

— Ну, собственно, я так и думал, — удовлетворённо констатировал Мастерс. — Так что поговорить нам всё-таки придётся. Считаю до трёх и выламываю замок. Кстати, два уже было.

Каро опять вздохнула, поднялась с корточек и поплелась открывать.

— Ну? — не слишком вежливо поинтересовалась девушка у детектива, отворив дверь на

длину цепочки.

Которую снимать, естественно, не стала.

— Нет, меня так не устраивает, — заверил тегу Мастерс, поддел цепочку пальцем и рванул.

К сожалению, даже ладонь себе мотнувшейся створкой не прищемил. А вот запор выдрал с мясом. Пришлось Курой отступать назад и пропускать настырного напарника в квартиру.

— Хандрим? — поинтересовался наглый оборотень, аккуратно запирая за собой дверь.

— Если ты пришёл меня убеждать, что ошибки случаются у всех, руки опускать не стоит и надо просто опыта набираться, то можешь проваливать обратно.

— Не-а, не угадала, — Рон попытался ослепить девушку фирменной улыбкой.

Не получилось. Видимо, у теги уже иммунитет выработался.

— Хотя, конечно, вот такие настрои сильно отдают пораженчеством. Воняют просто!

Мастерс приглушил накал собственного очарования, бросил куртку на табурет и занялся приготовлением чая. Судя по всему, он рассчитывал на долгий разговор.

— Ну и пусть, — пожала плечами Каро, кутаясь в шаль. Ей беседы беседовать не хотелось вовсе. — Да, я слабачка, кричу громко, но ничего не могу. И все, кто говорил, что женщина не может стать теургом, правы.

— Почему?

Блондин глянул на тегу через плечо и снова вернулся к чайнику.

— Потому, что я не права и всегда буду неправа. Женщины неправы по определению. А ещё молода. Тратить же жизнь на то, чтобы состариться и тогда получить шанс на правоту, я не хочу.

— А на что ты хочешь тратить жизнь?

На риторический вопрос отвечать Курой не посчитала нужным.

— Знаешь, детка, это действительно младенческое нытье: «Меня не послушали, я на всех обижусь и уйду!». Не надо так.

— А как надо? — равнодушно спросила теург.

Собственно, ей плевать было, как там надо.

— Доказать, что нужно слушать тебя, а не на факты оглядываться. Или убедиться, что действительно ошиблась.

— Как?! Даже ты мне помочь не захотел!

Самой Каро показалось, что прозвучало это обиженно. Действительно, младенчество.

— А самой, в одиночку, слабо?

— Слабо! — огрызнулась тега.

— Ура! — невесть чему возрадовался оборотень. Мастерс развернулся к теургу, опёршись руками о край стола у себя за спиной. — Нет, серьёзно, это здорово. Так, глядишь, доберёмся и до желания других слушать.

— Чего тебе от меня надо? — окрысилась Курой.

— Для начала, подчёркиваю, для начала, хотелось бы услышать, как ты собираешься Горховскую дочку искать. Или что ты там хотела делать?

— Зачем? — внезапно севшим голосом спросила тега.

— Зачем искать? Ну, тебе виднее, — ухмыльнулся Рон, глядя на девушку исподлобья. — Наверное, чтобы порасспросить, кто её папашку на тот свет отправить хотел?

Каро шутки не оценила, молча пялясь на Мастерса. Его улыбочка постепенно вылиняла.

Оборотень растрепал пятернёй чёлку и отвернулся к плите, на которой уже начал посвистывать чайник.

— Я до сих пор думаю, что ты ошибаешься. Но и не отрицаю возможность твоей правоты, — недовольно буркнул детектив. — Дел сейчас нет, Ал всем отгул на два дня дал. Надо только отчёты для полиции накропать. Так что, времени навалом. Почему бы не проверить ещё парочку версий?

— Зачем? — с упрямством мула повторила Курой.

На этот раз Рон с ответом не спешил. Не торопясь заварил чай, достал, поставив на стол, чашки. Что-то поискал в ящиках, но, видимо, нужного не нашёл. Потому что закрыл дверцы, так ничего и не взяв. И отошёл к окну, точно как тега недавно потрогав батареи.

— Ответ: «Не знаю!» тебя же не устроить, правда? — спросил он глуховато. — Только другого у меня нет. Не знаю я, Каро. Пусть всё идёт, как идёт, ладно? А там посмотрим...

Теург постояла, перебирая в пальцах шаль у горла. И глядя поверх плеча оборотня в его глаза — в отражение глаз. А он смотрел на Курой. Так же, в отражение.

— Пусть, — кивнула девушка. — Давай чай пить?

Мастерс обернулся, сгрёб тегу за талию, подтянув к себе. Наклонился... И не поцеловал, хотя явно собирался. Прижал ладонью голову Каро к своему плечу, пристроив подбородок ей на затылок.

— Давай, — вздохнул Рон. — Давай пить чай.

Глава девятнадцатая

Не пытайтесь понять женщину, а то ещё поймёте.

У Мастерса оказалась ещё одна положительная черта — пунктуальность. Сказал: «Приду в десять!» — пришёл ровно в десять. Колокола на храме бить ещё не закончили. Правда, Каро и сама не знала, радоваться такой обязательности оборотня или злиться начинать. Весь остаток ночи тега проворочалась в постели, пытаясь составить план по поискам Горховой дочери. И, естественно, ничего умного не сочинилось. Впрочем, глупого тоже. Теург вообще ничего не придумала. Настроение это, понятно, не улучшало.

— Ну-с, с чего начнём? — жизнерадостно поинтересовался Рон с порога.

Детектив лучился свежестью и бодростью, как только что сорванный с плети огурец. И пах гвоздичной водой и свежими булочками с корицей. Точнее, аромат выпечки издавал большой бумажный пакет в темных масляных пятнах, который оборотень на стол плюхнул. Курой покосилась на свёрток так, словно в нём лежала разлагающаяся крыса.

— Понятия не имею, — мрачно буркнула тега. — Наверное, стоит расспросить её бабушку и мачеху. Может, они знают, куда девчонка подевалась.

— Полиция, конечно, этим вопросом не озадачилась! — фыркнул Мастерс, без всякого стеснения выудил из пакета плюшку и разом откусил половину.

— Предлагаешь сходить к Гиккори? — кисло предположила Каро.

От одного вида жизнерадостно жующего детектива у неё кишки в узел завязывались.

— Угу, точно! И он нам тут же всё и выложит. На блюдечке с голубой каёмочкой. Ты бы хоть чайник поставила. Долго мне всухомятку жевать?

— Тебе надо, ты и ставь! — огрызнулась тега, демонстративно усевшись на табурет.

— Да, пожалуйста! Мы не гордые! — слова Мастерса вышли несколько невнятными из-за очередной плюшки, которую он в зубах зажал, чтобы руки освободить. — Да только вряд ли наши дамы что-нибудь рассказали. Бабуля внученьку будет до последнего покрывать. А мачеха, если что-то и знает, в чём лично я сильно сомневаюсь, без разрешения свекрови и мужа шага сделать не посмеет.

— Ты издеваться сюда пришёл?

— Я сюда пришёл пить дрянной кофе, есть свежие булки и рассуждать об умном, — заявил оборотень, усаживаясь на край стола и деловито намазывая плюшку маслом. — Начнём с того, что Яте заявил, будто это всё не те-ка... Кстати, что это вообще за штука такая, ваше те-ка?

Рон вопросительно приподнял бровь и сунул плюшку Каро почти в нос. Девушка даже отшатнулась, едва не свалившись с табуретки.

— Свихнулся?!

— Давно, — серьёзно кивнул Рон. — Жуй давай. А не то силком накормлю. Рассказывать можешь в процессе.

— Ты же сам всё не хуже меня знаешь. Поговорить что ли не о чем? — теург решительно отодвинула от себя выпечку и сложила руки на груди.

— Знать-то я знаю, — проворковал Мастерс, тихонечко, пальчиком, подталкивая плюшку в сторону девушки. — Но как знаю? Как нам объяснили, так и знаю. Поэтому глубинного понимания проблемы у меня нет. А вы с этим родились, у вас оно есть. Детка,

бедная булочка сейчас упадёт на грязный холодный пол. И там её затопчут тараканы. Ногами, представляешь?

Оборотень скроил такую несчастную жалостливую физиономию, что Каро не выдержала. В голос она, конечно, не захохотала, но улыбнуться улыбнулась. И плюшку взяла, милостиво откусив кусочек. Вот тут-то желудок её и проснулся. Да ещё как! С таким завыванием, фейерверками и взрывами обычно вулканы пробуждаются. С другой стороны, чего ещё ждать от организма, который кормишь хорошо, если раз в день. А иногда ему бедному и того не перепадает.

— Заметьте, я опять прав! — нравоучительно подняв палец, заявил Рон. И плюхнул перед напарницей кружку с кофе, накрытую снежной шапкой сливок. У Курой никаких сливок дома никогда не водилось. — Нити судьбы, точка схода — это всё здорово. А на пальцах объяснить можешь?

— Не маху, — пробормотала девушка и длинно, как змея, сглотнула. — У меня пальцы заняты. На примере могу. Смотри, допустим, судьба некой женщины погибнуть под колёсами кареты. А попасть она туда обязана потому, что её толкнёт подвыпивший маляр. И именно не специально толкнёт — мотнёт его. Погибнет же она потому, что гвоздь подковы лошади, пробивший копыто, ударит её по виску.

— Жуть! — восхитился Мастерс, прихлёбывая из своей кружки.

— Не перебивай! Вроде бы, ничего сложного. Но, если посудить, вместе нужно сойтись массе случайностей. Во-первых, они все должны оказаться в одной точке. Во-вторых, кебмен должен не заметить или не обратить внимания на вылезший гвоздь. Маляр выпить больше своей нормы или не то, что обычно. Женщине надеть юбку с оборкой, о которую споткнётся, или поскользнуться на мокром тротуаре. Значит, ещё и дождь должен пройти. Это я так, навскидку. На самом деле, нитей гораздо больше. Начиная с того, что работник пивоварни случайно перевернёт бочку и в кабак, где расслабляется маляр, привезут пиво не того сорта. Понимаешь?

— Примерно, — кивнул оборотень. — И что?

— А то, что это действительно может оказаться нелепым стечением сотни обстоятельств. Ну, вот так сложилось, судьба! — Каро развела руками и, воспользовавшись удобным положением, стащила из пакета ещё одну плюшку. — А может быть те-ка. Это когда духи тщательно и старательно сводят все нити воедино. Чтобы всё произошло так, а не иначе.

— Зачем? — почесал ногтём бровь Мастерс. — В смысле, они развлекаются так?

— Духи не развлекаются! — обиделась Курой. — Точка схода возникает не просто так. Она влияет на всех участников событий. Даже на того мальчишку, который бочку перевернул. Что-то в их жизни кардинально меняется.

— Ну да, — хмыкнул детектив. — Маляра, скорее всего, на каторгу отправят. Ненадолго, на годик так. Для профилактики алкоголизма. А кебмена лишат лицензии и права управления экипажами в городе.

— И такое может быть, — кивнула Каро. — Но в результате маляр может начать писать стихи и станет прославленным поэтом. А кебмен изобретёт какое-нибудь средство, чтобы прохожие не попадали под копыта лошадей. Или, наоборот, мастерской обозлится, вернётся с каторги и начнёт резать блондинок. А возница станет тираном. Тогда этот случай будет просто частью другого, более глобального те-ка. По сути, вся история мира от самого его рождения — это сплошной путь к те-ка.

— К смерти, что ли? В смысле, к гибели Вселенной?

— Я откуда знаю? — пожала плечами девушка. — Гибели, перерождению, преображению. Главное, что в те-ка нет места случайностям. То, чему суждено сбыться, неизбежно. И Видящий может распознать, что часть неизбежности, а что случайность. Не разгадать весь замысел, а увидеть отдельные ниточки. Собственно, каждый из нас может. Те, кому суждено стать частью те-ка, обязательно сталкиваются друг с другом раньше. Женщина и маляр, владелец кабака и возничий.

— Лошадь и гвоздь... — глубокомысленно протянул Мастерс.

— Может и так, — огрызнулась теург. — Но их как будто водит по сужающейся спирали, они пересекаются, но расходятся, пока... — Каро ударила себя кулаком по ладони, — ... бам! И всё произошло.

— Ну, более или менее суть я уловил. Только не понял, с сего у тебя такой ажиотаж вызвало заявление Яте, что это не те-ка. Понимаю, если бы наоборот.

— Как раз нет! Слишком уж много в деле понамешано всего. Если бы тут духи плели, то ничего удивительного. Значит, им так нужно. Но это замысел живого, понимаешь? Единый замысел!

— Или просто совпадение, — Мастерс спрыгнул со стола, закинул руки за голову, сцепив пальцы на затылке, и принялся расхаживать по тесной кухоньке. — С чего ты вообще взяла, что одно с другим как-то связано?

— А давай посчитаем, — принялась загибать пальцы Каро. — Испорченные кожи — это раз. Проклятье, которое есть, но которого как бы и нет, только следы от него остаются — это два. Дварф, одержимый жаждой мести, но сошедший с ума ни с того ни с сего — это три и четыре. И тролля кожа — это пять.

— Не вижу связи, — хмыкнул оборотень. — Вот убей меня нежно, не вижу.

— А нас на курсе криминалистики учили: «Ищите повторяющийся момент! Если найдёте, то вы имеете дело не со случайностью, а с замыслом!», — с лёгким превосходством над необразованным оборотнем пояснила Курой. — А тут повторяющийся элемент даже ты заметишь — господин Горх. Всё сходится на господине Горхе!

— Точно, это даже я заметил... — задумчиво пробормотал детектив.

Вышел в комнату, остановился рядом с кроватью теги, подозрительно внимательно изучая стену над изголовьем. И ухмыльнулся чему-то своему. Хотя ничего весёлого на стене, вроде, не было. Разве что светлый прямоугольник на том месте, где раньше картина висела.

— Но, дорогая моя учёная, кроме Горха нет там никаких повторяющихся элементов. Всё разное. Участники разные, мотивы разные. И между собой они никак не связаны. На что угодно готов спорить: дроу слыхом не слыхивал ни про каких дварфов. А наш портильщик шкур ничего не знает про троллей.

— Получается, опять тупик? — Каро в расстройстве так дёрнула зубами заусенец на мизинце, что содрадала целый лоскуток кожи.

Курой зашипела, быстро зализывая немилосердно щиплющую ранку. Наверно потому и не заметила, как оборотень рядом оказался. Никаких шагов и шороха одежды девушка не слышала. Мастерс только что у кровати стоял, а потом — р-раз! — уже присел на корточки рядом с теургом, отобрав у неё повреждённую руку и внимательно, словно диковину, осмотрел со всех сторон. А потом взял да и сунул палец теги себе в пасть, легонько посасывая его, как леденец.

— Ты чего делаешь? — почему-то вполголоса спросила Каро.

От удивления, наверное, на шёпот перешла. Не сказать, чтобы ощущение неприятным было. Скорее, странным.

— Ранку зализываю, — невозмутимо ответил оборотень, но палец не выпустил. Наоборот, зубами прихватил. — Никогда не слышала о таком? Кстати, ничего не имею против самобичевания. Иногда полезно бывает. Но самопоедание — это уже слишком.

И опять принялся посасывать, морда мохнатая. Легонечко так, ненавязчиво проводя по содранной коже кончиком языка. При этом смотрел он на девушку снизу вверх, исподлобья. Глаза оборотня потемнели, сравнявшись цветом с гречишным мёдом — зелень из радужки совсем пропала. А вертикальная щель зрачка расширилась, превратившись в тёмную, слегка пульсирующую линзу.

В принципе, в самом действе ничего странного не имелось. Слюна обратной действительно содержала какие-то там вещества, от которых кровь сворачивалась. Это Курой ещё из краткого курса медицины, прослушанного в колледже, помнила. Но было во всём этом что-то такое, сложно определяемое. Интимное даже. И приятное, чего уж тут. А ещё волнующее. Даже будоражащее. И...

В общем, палец свой тега из пасти оборотня выдернула. Мастерс на это отреагировал спокойно, усмехнулся только. Поэтому теург демонстративно и отёрла ладонь о юбку.

— Не делай так больше, пожалуйста! — поморщилась тега. — Всю руку облизывай. Если очень хочется, то себе зализывай.

— Себе не так приятно, — осклабился детектив.

— Ничего, у тебя язык длинный и гибкий. Сумеешь как-нибудь приятно сделать! — огрызнулась Курой.

Рон свесил голову, закусив, а, скорее, даже зажевав нижнюю губу. Скулы его напряглись, желваки вздулись двумя камешками. Теург подумала уж, что оборотень всерьёз обиделся. Такого она никак не ожидала.

Тегга соскользнула с табуретки на пол, пытаясь заглянуть Мастерсу в лицо.

— Эй, Рон, ты чего? Ну, прости, я не хотела. Серьёзно! Не подумавши ляпнула, — она дёрнула детектива за рукав, пытаясь заставить оборотня голову поднять.

Вот тут-то Мастерс не выдержал. И заржал. Да так, что не усидел на корточках и на задницу шлёпнулся. Гоготал Рон громко, с удовольствием, до слёз на глазах. Сидел, чуть покачиваясь из стороны в сторону и обхватив себя за щиколотки. И покатывался со смеху, сволочь. Каро вскочила, как ошпаренная.

— Разведчики, молчать! — провыл Мастерс, глянул на Курой и зашёлся в новом припадке. — Не при детях!.. — проскулил Рон, заваливаясь на бок.

Прямо там, где сидел, завалился. На пол.

— Да иди ты... — совет у теурга вышел скорее растерянный, чем злобный.

Видимо, оборотнический юмор находился гораздо выше её понимания.

— Не на-да! — застонал блондин и опять загоготал.

Вот это и его «не нада» и стала последней каплей. Каро пнула-таки покатывающегося от смеха — в самом прямом смысле этого слова — оборотня в бок. Точнее, хотела пнуть. Но вместо этого невеста как оказалась на Мастерсе сверху, верхом. А Рон, растянувшийся во весь рост, да ещё и руку под голову подложивший, удерживал её за талию, не давая и с места сдвинуться.

— Детка, ты нечто! — с удовольствием заявил блондин, мелко прихихикивая.

— Я. Тебя. Убью! — мрачно пообещала тега, безуспешно пытаясь вырваться. — Пусти,

скотина!

— Угу, — пообещал Мастерс, повозившись под девушкой.

Видимо, пытался пристроиться поудобнее. А вот самой теге, между прочим, так сидеть совсем некомфортно было. Её ноги Семеро явно не предназначили для подобного положения. Всё-таки талия у блондина смотрелась узкой исключительно на контрасте с его же плечами. В реальности она обхватом могла с хорошим бревном поспорить.

— Итак, для того чтобы найти другой повторяющийся элемент, нам нужно получить дополнительную информацию. Из той, что у нас имеется, уже всё выжато. А для получения новых сведений нужны новые вопросы. У вас имеются новые вопросы, госпожа теург?

И пощекотал Каро под рёбрами. Тега не выдержала, возмущённо фыркнула и показала-таки блондину язык. Ну, не получалось у неё почему-то всерьёз и долго на напарника злиться. Хотя вёл он себя, мягко говоря, возмутительно. Но не получалось — и всё. А щекотки теург не боялась. Да через корсет не особо-то и пощекочешь.

— Не ревнивая^[21]? — удивился Рон.

— Ревновать некого! — съехидничала Курой. — А вот ты мне, господин сыщик, лучше скажи. Почему портильщик кожи-то портит? Не из любви же к искусству. Второй вопрос. Где всё-таки наша дварфка добыла артефакт? Или амулет-активатор. Его же подобрать то же знания нужны. Не всякий подойдёт. И почему дроу продавал шкуры именно этому поставщику кож. Конечно, последнее может оказаться и случайностью, — немного подумав, самокритично добавила девушка.

— Ну, и чего сидим, кого ждём? — поинтересовался Мастерс, приподнимая бровь.

— А, может, ты меня, для начала,пустишь?

— Разве держу? — нагло ухмыльнулся детектив.

Курой послушно глянула на собственную талию и убедилась: действительно, не держит. Даже вторую руку под затылок сунул.

— Всё-таки, я тебя когда-нибудь убью, Кис-кис! — от всего сердца пообещала теург.

— А вот это уже подло! — обиженно протянул Рон.

Каро и не спорила. Иногда можно и подлой побыть. Если ничего другого не остаётся.

* * *

Курой не знала, свойственна ли хорошая память всем хорькам-перевёртышам. Но вот Гиккори явно обладал зашкаливающей злопамятностью. Он не только не допустил детективов к Фаниру из дома Абасир, но и сам с ними встретиться не пожелал. Только передал через мерзко ухмыляющегося караульного, что занят сильно. И времени на пустопорожние разговоры у него нет.

Каро была уверена, что Мастерс на такое пренебрежение собственной блондинистой персоны разорётся, а то и в драку полезет. И уже судорожно пыталась сообразить, как бы ей побыстрее Росса вызвать. Но оборотень сумел и тут удивить.

Закатывать скандал он не стал. Мило улыбаясь, вежливо поблагодарил караульного. Но отправился, почему-то, не к улице, а в обход здания управления — к тюрьме. По дороге посоветовав теургу прикинуться немой. Серьёзно так посоветовал, рыкнув сквозь зубы. Каро обиделась и спрашивать ни о чём действительно не стала.

Как бы безалаберно относилась полиция Элизия к своим прямым обязанностям, гайки

сторожам преступников всё же закрутили. Видимо, Гиккори расстарался. Поэтому вход в тюрьму обошёлся Мастерсу не в пять эльзаров, предложенных изначально — на них комендант и смотреть не стал. А в пятнадцать. С другой стороны, сумма, сравнимая с недельным доходом семьи среднего достатка, заставит забыть инструкции кого угодно. Тем более Рон хотел лишь парой слов с задержанным перекинуться. И на собственном присутствии в камере не настаивал.

На сей раз посещение Каро этого скорбного заведения фурора не вызвало. По совету все того же Мастерса она снова переоделась мальчиком. Кстати, этот костюм теургу нравился всё больше. И девушка уже всерьёз подумывала о революции в моде. И смене юбки на штаны с последующим отправлением корсета на костёр.

А вот дроу выглядел плачевно. Собственная внешность дантиста явно не устраивала. Он то и дело болезненно морщился, то дотрагиваясь до густо-лиловых пятен на физиономии. То поправлял рваные и грязные, смахивающие на тряпку кружевные манжеты. То пытался стряхнуть со штанов пыль и мелкий мусор. Кажется, сидя в камере, он только этим и занимался — безуспешно пытался привести себя в порядок.

— За что это его? — Рон подбородком указал на изрядно отёкшее лицо дроу. — В смысле, я имел в виду, чего это у вас лестницы какие скользкие?

— А таким умным быть не надо, — хмуро посоветовал комендант разом и оборотню, и теургу, и заключённому.

После чего вежливо самоудалился, отойдя на пару шагов. И сделав вид, что не подслушивает.

— Добрый день, господин Абасир, — Мастерс постучал костяшкой пальца по оковке решётки, пытаясь привлечь внимания дантиста.

Тот даже головы в их сторону не повернул, продолжая наглаживать ладонью подранный рукав рубашки. Хотя не заметить посетителей чернокожий никак не мог.

— К дроу из высших родов стоит обращаться по имени, — буркнул заключённый раздражённо. — Никакого понятия о вежливости!

— Прошу простить меня, — покаялся Рон. — И приношу извинения за то, что вас беспокою. Тем более по такому незначительному вопросу. Но Семеро свидетели, без вас никак не обойтись! — у Каро рот сам по себе приоткрылся от удивления, а оборотень знай себе соловьём заливался. — Позволено ли мне будет задать вам всего лишь один крохотный вопросик? И, клянусь, больше я не буду досаждать.

— С чего мне вам помогать? — дёрнул плечом Абасир.

— Вы не обязаны, конечно, — поник Рон. — Да и настаивать я не буду, если откажете. Просто я надеялся, что ваша честь... Вероятно, ошибся. И дроу честь ценят не больше, чем другие. Простите и прощайте.

Оборотень трагично вздохнул. Развернулся к камере спиной, скорбно поникнув плечами.

— При чём тут моя честь? — вскинулся дантист.

— Ну как же? Если этот вопрос останется невыясненным, то виновным в части вашего преступления объявят кого-то другого. Пострадает непричастный, а вы уйдёте от наказания. Не от всего, конечно, но всё же...

Рон беспомощно развёл руками. Дроу, соизволивший, наконец-то, обернуться, подозрительно осмотрел оборотня от макушки до пяток, и обратно. Мастерс был тих и невинен, как майское утро.

— Ладно, задавайте свой вопрос, — смиростивился дантист.

— Я всего лишь хотел узнать, кто посоветовал вам обратиться именно к этому поставщику кож, — оживился детектив, шагнув к решётке. — В смысле, я понимаю, что напрямую его никто не рекомендовал. Вы никогда не интересовались этим вопросом. Но ведь что-то навело вас на мысль пойти именно туда, верно? Чья-то случайно оброненная фраза, может быть намёк? Умоляю вас, вспомните. Ведь дроу высших родов славятся своей крепкой памятью.

— Ну почему же намёк? — тонко усмехнулся дантист, надменно поглядывая на деморализованного собственной ничтожностью оборотня. — Никакого намёка. Мне его порекомендовал лорд Василий. Он тоже заядлый охотник, как и я. Однажды я пожаловался, что во всем Элизии не достать хороших охотничьих сапог. На готовую обувь и смотреть не стоит. А у мастеров не закажешь — на материале они экономят, кожи дешёвые используют. Василий мне и подсказал собственноручно добыть тура или зубра. Шкуру же к этому мастеру отнести. Он выделяет на совесть.

— Откуда вы знаете этого лорда? — вся ничтожность Рона куда-то подевалась.

Оборотень сжал прут решётки с такой силой, что Каро показалось — ещё немного и железо осыплется трухой под кулаком детектива. Мастерс сощурился, уставившись на чернокожего. И лицо у блондина стало неприятным. Пожалуй, на месте дантиста тега бы рассказала всё, что знает. На своём же месте теург только пискнула: «А кто такой лорд Василий?». В ответ детектив дёрнул губой, словно оскалиться хотел. И желание задавать вопросы мгновенно пропало.

— Я был принят в его салоне. И не один раз, — с достоинством ответил Абасир, хотя и слегка посерев лицом. — Когда дела шли неплохо, меня приглашали многие достойные горожане Элизия.

— В качестве ручной обезьянки, надо полагать, — нехорошо усмехнулся Мастерс. — Когда вы говорили про сапоги? Ну?!

— Примерно месяц назад, — дантист передёрнул плечами, словно у него на спине мурашки марш устроили, но подбородок он по-прежнему высоко держал.

Правда и отвечать больше не отказывался. Может, оборотню сразу стоило на него рявкнуть, а не спектакли разыгрывать?

— То есть, тогда, когда дела у вас стали плохи? — уточнил Мастерс.

— Признаться, я и сам был удивлён, — неохотно согласился дроу. — Но с другой стороны, почему мне должны отказать? С лицензией или нет, имея средства к существованию или оставшись без них, я всё равно остаюсь...

— Дрессированной макакой. Готовой по щелчку лорда показывать трюки, — закончил за него Рон.

И больше ни кому и слова не говоря, схватил Каро за руку, потащив тегу к выходу.

Девушке подумалось, что промолчать в данной ситуации — это не самый глупый поступок. Хотя синяки на её запястье взбешённый невесть чем оборотень наверняка оставил. Но уж лучше синяки на руке, чем свёрнутая шея.

* * *

На улице Мастерс остановился, запрокинул голову, дыша глубоко и медленно. Но руки

теги он так и не отпустил. Правда, хватку ослабил. Теург переминалась с ноги на ногу рядом с оборотнем. Ей под дождём было неуютно. Брезентовая куртка и кепка — это, конечно, не шерстяной жакет со шляпкой. Но всё равно мокро. А вот блондин явно наслаждался. Даже рот приоткрыл, ловя холодные капли.

— Пошли, — наконец буркнул Рон. — Мне срочно надо выпить, — опустил голову, глянув на Каро, и добавил, — Крепкого чая.

— Да я не против, — промямлила Курой. — Если надо, то и покрепче чего-нибудь можешь.

— Не могу, — с явным сожалением протянул Мастерс. — А то я полгорода разнесу. И, между прочим, это без всякого преувеличения. Ну, полгорода не полгорода, конечно, а пару кварталов точно. Понимаешь, детка, спецподразделение лорда Александра было лучшим. А в нём лучшим считали меня.

Мастерс злодейски поиграл бровями и направился в сторону от тюрьмы, так и не выпуская ладошки Каро.

— Хвастаешься? — с сомнением уточнила тега.

— Хвастаюсь, — кивнул Рон. И добавил абсолютно серьёзно. — И предупреждаю. На всякий случай. Пить мне нельзя. Особенно на злости.

— Так ты же со мной... Сливовицу эту. Или вишнёвицу?

— А кто тебе сказал, что я тогда пил? — ухмыльнулся детектив. — Для того чтобы девчонку напоить, самому пить необязательно.

— Так ты специально?... Да ты... Знаешь, ты кто?.. — от возмущения у Курой слова закончились. — Зачем?

— Подвыпившие девушки рассказывают о себе много интересного, — оборотень предупредительно открыл перед тегой дверь чайной, поклонившись, как заправский приказчик. — И в этом интересном много того, что по трезвости они даже исповеднику не говорят.

Теург молча прошла внутрь. Ну, вот как в такой ситуации поступать? Развернуться и уйти? Так ведь дело у них. По физиономии дать? Этой физиономии и кирпич вреда не причинит. Оскорбиться, обозвать? Чувства у Мастерса непробиваемее его собственной морды. Только и остаётся делать вид, что тебя сказанное нисколько не волнует.

Правда, притворяться стоило начать пораньше.

Дождаясь, пока им принесут заказанное, Мастерс молчал, барабанил пальцами по столу. Этот жест Каро сильно Алекса напомнил. Наверное, блондин даже и сам не подозревал, что шефа копирует.

Интересно, а Росс тоже умеет ухмыляться, как оборотень?

— Ну, что ты там спрашивала? — напомнил Рон, вываливая в свою чашку едва ли не половину сахарницы. — Кто такой Василий?

Курой кивнула, маленькими плоточками прихлёбывая на удивление приличный чай. Обычно в таких заведениях вместо напитков подавали помой по совершенно неприличным ценам.

— Василий, детка, это такой урод из лордов, — даже не собираясь понижать голоса, обстоятельно пояснил Мастерс. — Когда-то Ал его считал едва ли не лучшим другом. Они вместе в кадетском корпусе учились. Потом служили вместе. Вместе же и в неприятности со всеми этими революционно-завиральными идеями вляпались. Правда, когда Алекс решил, что с него хватит, друг предпочёл в сторонке постоять.

— А это не его господин Росс подозревал в убийстве троллей? Ну, в политических целях? — вспомнила теург.

— Его, его, — кивнул Мастерс. — И эта скотина доходчиво объяснила Алу, что вопли: «Низшие расы на мыло!» — только политическая игра. И от неё до реального убийства как раком... Гм! Далеко, в общем. А смотри-ка ты, всё же опять в этом деле его длинный нос вылез.

— Действительно длинный? — невинно поинтересовалась Каро.

— Кто?

— Нос.

Оборотень исподлобья глянул на теурга и усмехнулся. Повёл плечами, разминая, и откинулся на спинку дивана. Оставив чашку, которую он в ладонях сжимал, в покое.

— Да я уже в норме, можешь не стараться. Нос у него действительно длинный. Хотя Василия едва ли не первым красавцем двора считают. А на самом деле он первый ублюдок. Помнишь, ты спрашивала, не было ли у Ала с Ольгой романа? Она как раз с Василием любовь и крутила. Ну, это если всех прочих не считать. Но с ним вроде как серьёзно. И вот когда леди начала о покушении на императрицу с консортом поговаривать, наш лорд от неё первым свинтил. Первым же на неё и донёс. За свою шкурку перепугался. Какая уж тут любовь?

— Насколько я понимаю, это как раз нормально, — пожала плечами Каро. — Не думаю, что свет его слишком уж сильно осуждал.

— Нет, за это не осуждал, — хмыкнул Мастерс. — Вот смерть жены ему репутацию подпортила. Вроде как: «Нужно свои рамки знать!».

— А там что не так?

— Не слышала? Дело же совсем недавно было. Хотя, ты газет не читаешь. Слушай тогда романтическую сказку. Про любовь! — Рон переплёл пальцы, сложив их на животе. И затянул заунывным голосом. — Когда-то, давным-давно, взял лорд Василий в жёны достойную леди. С прекрасной репутацией, да ещё и с приличным приданым. В общем, всё, как у них водится. А леди возьми и влюбись в собственного супруга. Непорядок, конечно, неприлично. Но что есть. Понятно, Василий верность хранить и не собирался. Непринят это у лордов. Жена же, как альва воспитанная, на всё глаза закрывала. На всё, кроме Ольги. Так как прелестной племяннице императора особое удовольствие доставляло над несчастной леди измываться. И всячески их любовь с Василием демонстрировать. Ещё тогда многие предсказывали, что Анна не выдержит и руки на себя наложит.

— Наверняка она плясала от радости, когда Ольгу под стражу взяли, — фыркнула Каро. — И что дальше?

— Да ничего, — Мастерсу, видимо, надоело завывать. — Ольга пропала и всё пошло своим чередом. Ну а Василий, как был уродом, так им и остался. Довёл-таки супругу. Траванулась она. Напрочь.

— Давно? — теург насторожилась, как охотничья собака.

— Говорю же, недавно. С месяц, примерно.

— А дело с покушением на императора когда было?

— Ну, тому уж лет десять-то точно есть, как бы не больше. Это надо у Ала уточнять. Я за датами не слежу.

— Пусть десять! — отмахнулась тега. — Десять лет альва неверность мужа терпела. А тут вдруг терпение кончилось?

— Ты думаешь, Ольга опять объявилась? — с сомнением пожевал губами детектив. — Больше похоже на то, что ты заразилась от Ала паранойей.

— Или эта... Как её? Анна? Покончила с собой, наслав на вернувшуюся леди проклятье. Такое сильное проклятье, которое можно сплести, только пожертвовав собственной жизнью.

— Ну, мало ли...

— Мало ли желающих проклясть другого и ради этого руки на себя наложить? — Курой попыталась скопировать ухмылочку оборотня.

Кажется, у неё это даже получилось. Мастерс глянул на напарницу, почёсывая кончик носа костяшкой.

— Короче, надо идти к Алу, вот что я думаю.

— Нет! — решительно тряхнула головой Каро. — В трёх делах мы повторяющийся элемент нашли. В деле дварфа — Ольга. С проклятием она же. А рядом с убийствами троллей её старая любовь маячит. Осталось найти нашу леди в деле с порченными шкурами. А там и до господина Горха доберёмся.

— Ну, как знаешь, шеф, — развёл руками оборотень. — Это твоё расследование.

— Точно! — кивнула Каро.

Кажется, дело действительно начало становиться её расследованием.

Угрызения совести начинаются там, где кончается безнаказанность.

Сидеть в засаде занятие вообще малоприятное. А сидеть в засаде рядом с киснувшими в каких-то растворах кожами удовольствие особенное. Каро всё надеялась, что обоняние наконец-то не выдержит издевательств и отключится само. Не отключалось. У теурга возникло стойкое ощущение, что ей глотку гнилым мясом забили. Да ещё и Мастерс раздражал. Оборотно всё нипочём было. Как будто тут никаких неприятных запахов и рядом не витало.

А ещё мухи досаждали. Здоровые, как дирижабли, зелёные мухи. Которым, вообще-то, по всем законам природы полагалось в спячку отправиться. Или что там осенью насекомые делают? Мрут? Так или иначе, но эти на тот свет не спешили. Зато тега им показалась очень привлекательной посадочной площадкой. Причём блондина они в упор не видели.

Рон вальяжно растянулся на мокрой траве, сунув в зубы сухой стебелёк. И покачивал ногой, подставив физиономию солнышку, которое в кой-то веки решило выглянуть из-за туч. По сторонам детектив не смотрел, не бдил и даже намурлыкивал себе под нос что-то такое, лёгонькое.

Естественно, девушку это раздражало тоже. У Курой просто язык чесался испортить напарнику настроение. Ну не всё же ей в одиночестве страдать?

— Рон, а почему ты так лордов ненавидишь? — как бы невзначай спросила Каро.

В кафе она этот вопрос задать так и не решилась. Именно потому, что подозревала — оборотно он будет неприятен.

Мурлыкать Мастерс перестал. Но не вскочил, глазами гневно не засверкал, даже не нахмурился.

— Ты не хочешь знать ответа, — просто сообщил блондин.

Абсолютно ровно и без срывов голоса. Эдакая констатация факта.

— А говорил, что всегда честно отвечаешь на заданные вопросы, — поддела его Курой из чистого упрямства.

Девушка и сама сомневалась, что хочет эту правду знать. Тем более, догадки у неё и так имелись. И ничего приятного в них не было.

— Я и не отказываюсь отвечать, — пожал плечами оборотень. — Просто говорю, что тебе это не понравится. Но если хочешь...

— А вот хочу!

— Да пожалуйста. Понимаешь ли, детка, у лордов, точнее, у аристократических молокососов, очень трудная и проблемная жизнь. Скука их одолевает, делать ребятишкам нечего. Девать себя куда-то надо, а развлечения ограничены. Ну, приёмы, балы. Так это нуднее, чем спать целыми днями. К тому же на таких мероприятиях за соблюдением приличий бдят. И что остаётся? — оборотень сел, обхватив колено ладонями и насмешливо глядя на напарницу. — Вино, наркотики, секс и насилие. А чаще коктейль из всего этого. Но и тут нужно всё самоё-самоё. Вино дорогущее, наркотики какие-нибудь экзотические или особо убойные. Любовь, понятно, извращённая. А боль остаётся болью всегда.

— И при чём тут ты? — старательно косясь в сторону, спросила Каро.

— Наверное, при том, что я после Островов у Ала денщиком^[22] числился, — ухмыльнулся Мастерс. — И он меня на подобные мероприятия частенько с собой брал.

— В качестве кого? — ни с того ни с сего севшим голосом просипела Курой.

— А вот этого ты точно знать не хочешь.

Тега только кивнула, соглашаясь. Не хотела она.

— Как-то не верится, что господин Росс всем этим...

— Почему не верится? — хмыкнул оборотень. — Для тебя нормально после еды за собой посуду мыть. А для них нормальны подобные развлечения. Привычка дело такое, устойчивое. Или не привычка, а как это называется? Образ жизни? Чтобы понять, что этот самый образ какой-то не такой, надо на саму жизнь по-другому посмотреть. Только с чего альвам свои взгляды менять?

— Но господин Росс же поменял...

— На то он и господин Росс, а не лорд Александр, — не слишком понятно пояснил оборотень и опять улёгся на травку.

— Нет, я всё равно не верю, что он мог тебя заставлять! — решительно потрянула головой Каро.

— Я разве сказал, что он меня заставлял? — удивился блондин. — Для леди оборотень экзотика, а для оборотня леди. Опять же, роскошь — дело такое, приятное. И этот, как его? О! Декаданс.

Курой от таких признаний аж подавилась. И помолчала, раздумывая над дилеммой: продолжить расспросы или с неё на сегодня информации хватит?

— Только я всё равно не поняла, откуда ненависть-то? — наконец, буркнула теург. — Раз тебя всё устраивало и даже... экзотика.

— Ты думаешь, все пьяницы нежно любят брагу? А наркоманы порошки? Нет, детка. Большинство из них свою зависимость ненавидят. И тех, кто их к этому делу прирастил, убить готовы. Вот и я ничем от остальных не отличаюсь.

— Не понимаю я тебя! — взорвалась тега. — Или ты врёшь всё. Или это... Что за выворачивание души, а? Я же не исповедник!

— А я и не исповедуюсь, — абсолютно спокойно ответил Мастерс, сдвигая кепку на глаза. Чтобы солнышко не светило. — Ты спрашиваешь — я отвечаю.

— Да зачем?! В такой честности тоже должен быть смысл!

— А чтобы не получилось как с купленным котом. Который в мешке.

— Каким котом? — оторопела Курой.

— Большим, толстым и ленивым. И, кстати, ещё и голодным. Утренних булочек на весь день явно не хватит. Знаешь ведь: желудок у котёнка не больше напёрстка. А трескает он как бегемот!

— Да иди ты со своими шуточками!.. — обиделась тега.

— А и пойду. Потому как наш клиент изволил прибыть.

Тега, ничего, кроме обычного шума мастерской, не слышавшая, выглянула из-за кустов, встав на колени. И действительно — в ворота въезжала повозка, запряжённая плешивым, надоевшим самому себе осликом. Экипаж имел весьма странную конструкцию. И представлял собой раму, с закреплёнными на ней двухсотвёрдными бочками. А сзади к телеги был принаитован ручной помповый насос. На облучке же, сооружённом из одной-единственной доски, гордо восседал красавчик-ассенизатор. Тот самый «золотарь», счастливый возлюбленный бойцовой крысючихи.

Суется под навесами дварфы особого внимания на парня не обращали. Махнут рукой приветственно и дальше занимаются делами. Его тут явно считали за своего.

Телега подъехала к чанам, стоящим с краю. Парень спрыгнул на землю, подвернул и без того засученные рукава, наладил насос и принялся качать мерзко чавкающую жижу. Во время работы мышцы под холщовой рубашкой «золотаря» бугрились особенно рельефно. А вот запах становился сильнее. И это несколько портило эстетическое удовольствие. Да и поджившие уже царапины на щеке Каро с чего-то начали зудеть.

— Ну, я так и думал, — удовлетворённо констатировал Мастерс, выглядывая из-за плеча напарницы. — На него тут никто и внимания не обращает.

— Вообще-то, это я так думала, — буркнула Курой. — Не примазывайся к чужим победам!

— Ладно-ладно, не буду, — усмехнулся оборотень. — Это полностью ваша заслуга, госпожа великий сыщик.

Теург только фыркнула в ответ, дёрнув плечом.

А «золотарь» тем временем уже успел опорожнить один чан и подогнал телегу к другому. С работой он справлялся сноровисто, чувствовался немалый опыт. Правда, третью ёмкость красавец пропустил. Огляделся воровато, да и повёл мула под навес — туда, где кожи кисли. И, ни долго думая, начал сливать содержимое бочки прямо в ванну. Причём не из того резервуара, который до этого заполнял.

— И вот таким нехитрым способом содержимого чьего-то, простите, сортира оказалось в составе красителя для кож, — задумчиво протянул Рон. — По башке дать нашему эксперту. Троллью шкурку он нашёл, а состав «супчика» не выяснил...

— Меня сейчас стошнит, — призналась позеленевшая тега.

— Держись, детка, всё только начинается! — с сияющей улыбкой ободрил её оборотень и вылез из кустов на дорожку, деловито отряхнув брюки.

Ассенизатор заметил детектива мгновенно. Собственно, оборотень и не прятался. А спокойненько, прогулочным шагом, направился к «пакостнику».

— У меня только один вопрос, — близко подходить к чанам блондин все же не стал. Видимо, издалека ему беседу приятнее велось. — На кой ты это делаешь?

— А чё? — набычился «золотарь», деловито сворачивая шланг. Точнее, наматывая его на собственную руку. — Всё ему что ли тока? И баб, и бабки? А вот пусть-ка попрыгает! Шоб жизнь мёдом не казалась! А то она, может, мне глазки корчит. А он туда же: «Будешь тут крутиться — вмиг заработка лишишься! Да ещё ослаблю тебя на весь свет!». Сильненький, да? Ну, так жуй, раз сильненький! На тебе твои денежки!

— Он, я так понимаю, это господин Горх? — уточнил Мастерс. — А она?

— Так Горхша же, жёнка его, — хлюпнул носом красавец и утёрся голым предплечьем. — Ну и чего ты меня? В полицию сволокёшь?

Рон отмахнулся от него и обернулся к напарнице.

— Нету тут Ольги, — развёл руками оборотень.

— Или есть! — заявила Каро, выбираясь из кустов. Почему-то у Рона это получилось гораздо менее шумно. — По крайней мере, женщина точно имеется. Давай-ка соберём всех местных обитателей и посмотрим на них попристальнее. Красавца тоже с собой захвати. Если заказчик в себя пришёл, то мы преступника сразу и представим.

— Есть, кеп! — Мастерс дурашливо отдал теге честь.

Но теургу было не до его дуракаваляния. Она буквально кожей чувствовала, что разгадка

всей чехарды очень-очень близка.

* * *

Каро медленно, по одному, обвела взглядом всех присутствующих. Если выводы верны — а тега была глубоко убеждена, что они верны — всё сходилось. Кроме одного. Замаскироваться несложно. Даже иллюзию опытный маг создать способен, хотя для этого и требуется настоящий асс. Но никто из собравшихся в комнате силой не обладал. Дварфы и дварфы. Ну, ещё одна человечка. Нет, теоретически можно наложить морок и на внешность, и на потоки. Но у кого же на это сил-то хватит? Не у человека же. Даже самый могучий маг так долго поддерживать иллюзию не сможет. Только если... Только если...

— Так что вы хотели сказать, госпожа Курой, — поторопил тегу Мастерс.

Но тега оборотня просто не слышала. Да и как услышишь, когда в ушах гудит набатом: «Люди, пожалуй, энергетически самые слабые существа, но магически очень близки альвам. Только у одних потоки полностью зациклены, а у других нет».

Невозможно открыть то, что никогда не открывалось и открыться не может в принципе. А закрыть? Закрыть дверь можно? И если дверь разрисована под кирпичную стену, заметишь ты её? Как просто, ведь совсем просто — зациклить собственный поток. И никто, никогда не признает в тебе...

Мир замер, словно все сгрудившиеся здесь вмёрзли в глыбу льда. Метресса Горх, супруга кожевенника, стояла напротив Каро. И в этой комнате, помимо теурга, она же оставалась единственной живой. А Курой никак не могла додумать мысль до конца. Идея выскальзывала, пряча хвост, и возвращалась в самое начало. Соображать мешала сфера синего огня, разгорающаяся на груди человечки, под одеждой. Пока он был ещё небольшим, с кулак примерно. Такой голубенький мячик, как молниями пронзённый нитками темно-лиловых потоков силы. Но с каждым ударом заторможенного сердца клубок становился ярче, а его контуры чётче. И шар всё больше походил на звезду с семью лучами.

Семь источников у дварфа? У человека? Этого просто не могло быть. Это нереально. Солнце не всходит на западе, а весна не сменяет осень. Ни дварф, ни человек ни могут черпать из семи источников. Это по силам только...

Метресса Горх начала улыбаться. Именно начала. Другие, находившиеся в комнате, казались Каро статуями. Человечка же была просто очень медленной. Её губы раздвигались, тускло и влажно поблёскивали зубы. Глаза менялись, будто кто-то воск мял: светлели, увеличивались, уголки приподнимались к вискам.

Если глаза — это зеркало души, то душой метресса Горх не обладала.

— Подстилка седьмого! — процедила человечка. — Всё ведь испоганила.

«Подстилка седьмого! — эхом отозвалось у теурга под черепом. — Испоганила, испоганила, испоганила...».

Теперь мыслей стало даже слишком много. И все важные, все нужные. Надо же понять, что происходит! Они торопились, сталкивались, спихивая друг друга в яму паники. Даже не в яму, а в эдакое кристально чистое, но бездонное озеро. До краёв полное ледяным пониманием: Курой очутилась в эпицентре ужаса, в оке бури. А остальные ничего сделать не успеют. Они даже не смогут понять того же, что и теург. Это Каро находилась вне времени. Там, в комнате, пролетит не больше пары секунд.

Они сейчас просто все умрут. Перестанут быть. Всё кончится. Сейчас, вот сейчас, ещё пара ударов сердца...

— Дурой быть выгоднее, — сообщила госпожа Горх. — Прожила бы дольше.

Её лицо тоже плавилось, черты менялись. Перед тегой стояла уже не человечка, а леди. До спёртого дыхания прекрасная альва. Вот только презрительно опущенные уголки пухлых губ эту идеальность портили. Зато янтарные глаза были хороши. В них переливалось зыбким маревом отражение сине-фиолетового сияния.

Леди собирала всю силу, что у неё имелась, потому и пропала иллюзия, растаял морок. Альве энергия требовалась. Чтобы ударить.

— Впрочем, тебе учиться уже поздно, — закончила бывшая госпожа Горх, медленно, мучительно медленно поднимая руку.

В центре её ладони зарождался белый шарик невероятно горячего пламени.

Каро начала закрывать глаза. Собственную смерть её видеть не хотелось. Веки опускались с той же пыточной медлительностью, с какой поднималась рука альвы. Ресницы опускались — огонь на ладони становился ярче. Ещё на пару миллиметров ниже — на пару сотен градусов горячее.

«Кажется, я, все-таки, увижу собственную смерть, — шепнул кто-то в уши. — Не хочу...».

И тут мир разлетелся на осколки. Будто в прозрачное стекло безвременья булыжник влетел.

Перед лицом Курой мелькнула тень. Порыв неведомого откуда взявшегося ветра шевельнул выпавшие из узла пряди волос теги, а позади неё грохнул об пол упавший стул. Кто-то истошно визжал, словно звук появился на середине вопля. Бессмысленно, как тени в Подземье, метались фигуры. Теург только глянула на них и снова уставилась на леди.

Огромная, золотисто-медовая в чернильных крапинах кошка, не успев приземлиться в прыжке, отлетела к стене, круша мускулистой спиной стол, сметая кресла. Когти-кинжалы вспарывали пустой воздух, тянулись к альве. Леопард гулко ударился о перегородку, заставив дом вздрогнуть до фундамента. И зверь повалился на пол мягкой меховой грудой.

— Щенок! — заверезжала не-Горх.

Вопль, почти не слышимый в общем гвалте, рванул барабанные перепонки, болезненно резанул по ушам, просверлив висок.

Каро тяжело сглотнула, таращась на магичку. Рон дотянулся-таки до альвы когтями. Наверное, ещё в прыжке располозовав её щеку, плечо и грудь. Платье леди висело мокрой, вмиг пропитавшейся кровью, тряпкой. Женщина прижимала ладонью край рваной, с завернувшимся неровным краем раны чуть ниже скулы. Левая рука повисла бесполезной плетью. Но сила её только выросла — резко, скачком, став почти физически ощутимой. Словно на теурга давил невидимый, но от этого не менее реальный пресс, заставивший упасть на колени. Ещё чуть-чуть и он грозил сломать теге шею.

Леопард шевельнулся, неловко перевалившись на бок. Шерсть на его плече и передней лапе была обуглена до алой глянцево блестящей кожи, поверх которой рассыпался бисер кровавых капель. Но кошка упрямо пыталась встать на подгибающиеся ноги, щерила морду, тихо рыча. Вздрыбленные лопатки торчали горбом горгульи.

Курой хихикнула. Это торчащие лопатки смотрелись невероятно смешно. Да и то, что кошка оказалась ростом по плечо теургу, веселило. И ещё ощущение гадливости поселилось на языке кислым привкусом рвоты. Уж больно мерзко выглядела опалённая кожа в рамке

обуглившейся шерсти.

Нужную вещь в своём ридикюле Каро обычно по полчаса откапывала. Тут же амулет будто сам в руку прыгнул. Да ещё и прилип к пальцам.

Теург вытащила обычный «зарядник» — нитку не слишком аккуратных тускловатых бусин. Не самый мощный накопитель энергии «про запас».

— Курой, стой! — рявкнул кто-то — тега не поняла кто.

Не Мастерс, он всё ещё встать пытался.

— Вытягивание чужой энергии с помощью оперативных вещей, предметов и амулетов карается смертью, — буркнула теург и опять хихикнула.

Перспектива оказаться на плахе её тоже почему-то развеселила.

Каро поднесла бусы к глазам, найдя смутный, дробящийся в неровных гранях силуэт идущей к леопарду леди. На затылке альвы яркой искрой сверкнула «пуповина» канала. Теург коснулась её, потянула на себя, словно высасывая: с силой, глубоко...

Тегу спасло то, что «зарядник» был самым дешёвым, собранным из необработанного кварца. Наверное, схожие ощущения можно получить, если рискнуть выпить в один глоток поток воды, обрушивающийся с плотины.

Кристалл разлетелся в острую, вбивающуюся в поры кожи, пыль. Курой отнесло к противоположной стене комнаты, вколотив спиной в колонну напольных часов. Удара девушка даже не почувствовала. Зато от звона и грохота мигом потеряла ориентацию, позабыв, где пол, а где потолок. Вокруг теги дождём сыпалось стекло, что-то ощутимо садануло по лопаткам.

Но даже сквозь этот филиал Подземья теург отчётливо слышала абсолютно безумный вой леди. Тусклой искоркой мигнула надежда, что вой этот предсмертный. Каро приподняла голову, и надежда тут же скончалась, так и не разгоревшись толком. Альву просто задело «откатом» высвобожденной энергии и отбросило в угол.

И тут все затихло, замерло. Наступила такая тишина, какая бывает только после взрыва. Теург тряхнула головой. На колени с волос теги посыпалось мелкое стеклянное крошево. Развороченная комната мерно покачивалась перед глазами Курой, как палуба корабля. Да виды ещё что-то загораживало.

Сначала теург разглядела сюртук, без единой складочки сидящий на прямой спине. Выше ворота сюртука торчал цилиндр, из-под которого мягкой волной струились каштановые с темной красноватой искрой волосы. И только потом Курой заметила кисть руки, затянутую в светлую перчатку тончайшей кожи. Ладонь лежала на серебряном набалдашнике трости, отлитом в виде головы старика.

Где-то эту трость Каро уже определённо видела.

— Александр... — протянула альва. Невероятно, но у неё даже на насмешку сил хватало! — Прошу прощения, что вынуждена приветствовать тебя в столь неподобающем виде.

— Леди Ольга, — Алекс слегка поклонился, — Меня смущает не ваш вид, а ваше поведение.

— Только Ольга? Фу, как непочтительно. А мне всегда казалось, что ты отличаешься даже чрезмерной вежливостью.

— Вы желаете, чтобы я вас поименовал, как положено, со всеми титулами? — голос управляющего «Следом» температурой мог запросто поспорить со льдом.

— Пожалуй, нет. Не желаю. Ну, что ж, было приятно встретиться. Думаю, мне уже пора

покинуть столь милое общество. Право слово, оно меня очень развлекло.

— Сначала скажите, где девушка, дочь Горха.

— Да в сарае она, — как будто сообщая, что на улице опять дождь идёт, отозвалась Ольга. — За мастерской есть старый сарай, где всякий хлам хранится. А внутри погреб. Вот в нём она и сидит. Не волнуйся, ничего я твоей дварфочке не сделала. Не рискнула, пока вы тут крутитесь.

— Вы поступили абсолютно правильно.

Росс снова слегка поклонился и шагнул в сторону, пропуская неловко ковыляющую фигуру. Из-за веера света, бьющего в проем, оставшийся от вышибленного вместе с рамой окна, Каро могла различить только смутный силуэт. Теге показалось, что через обломки мебели пробирается сгорбленная старуха.

На миг поток света загородил тёмный силуэт. Моргнув, Курой уставилась залитое кровью лицо, висящее над девушкой погребальной маской. С жуткой вывороченной раны на щеку теурга капнуло красным, обожгло, словно кислотой. Но, честно говоря, янтарные глаза, стеклянные, будто кукольные, пугали гораздо больше.

— Я тебе запомнила, сучка! — прошипела альва.

— Леди, вы правда считаете разумным угрожать моим сотрудникам в моём же присутствии? — процедил Алекс сквозь зубы.

— Я никогда не угрожаю, лорд Александр. Я просто констатирую факт. Всего доброго.

Невероятно, но Росс даже вежливо коснулся полей цилиндра, провожая Ольгу взглядом. Каро хотела заорать, потребовать, чтобы альв её остановил. К сожалению, горло теурга смогло выдавить только нечто среднее между мяуканьем и писком.

И снова свет загородило лицо. На этот раз ненависть источали абсолютно черные, прищуренные в едва различимые щёлки глаза.

— Бока, ханамизи, гуцчан! — сквозь зубы рычал Яте, осторожно промокая лицо теурга чем-то восхитительно влажным и прохладным.

«Идиотка, критинка, соплячка!» — механически перевела тега с островного на элизийский. Зачем, интересно, переводила? Девушка попыталась откинуть руку медика, но он весьма ощутимо сжал её запястье, не давая шевелиться.

— Лежи спокойно! С Мастерсом все в порядке, — шёпотом рявкнул эксперт.

Да, что у тегов не отнять, так это способности рявкать даже шепча.

Теург и сама не поняла, почему мгновенно успокоилась, позволив Яте вертеть её, как куклу. При этом девушка ещё и улыбаться умудрилась.

И снова радостное солнце загородил чей-то силуэт. На этот раз он Россу принадлежал. Каро вообще начало казаться, что она в театре теней — так быстро мелькали вокруг пятна света и мрака. А, может, это была просто реакция хорошенько взболтанных мозгов.

— Госпожа Курой, после вашего выздоровления я хотел бы подписать контракт о найме. Год вас устроит?

Курой кивнула, смутно осознавая, что её радостная улыбка превращается в абсолютно идиотскую.

* * *

Мастерс то и дело морщился, но держался стойко. И Каро от себя не отпускал,

прижимая тегу к целому, не обожжённому боку. Собственно, теург никуда и не рвалась. Ей наконец-то удалось найти положение, в котором ничего не болело и не ныло. Ну, почти удалось. А под рукой у оборотня было тепло, комфортно и... надёжно? Даже защищённо. В общем, на диване в кабинете у Росса Курой чувствовала себя гораздо лучше, чем в собственной постели. По крайней мере, тут не нужно напряжённо вслушиваться в каждый звук. Да и твёрдость груди Мастера под собственной щекой придавала уверенности. На остальное плевать! Даже на насмешливые взгляды Яте.

— Ну что? Разоблачение тайн и снятие покровов? — устало спросил Алекс. Выглядел альв неважнецки. Хотя как ещё можно выглядеть, когда двое суток к ряду днюешь и ночуешь в полиции? — Только давайте коротко. А то я себе уже весь язык отболтал.

— Почему вы её отпустили? — возмущённо пискнула Каро.

Из подмышки оборотня возмущаться не так страшно было. А вопрос этот тегу уже замучил.

— Во-первых, госпожа Курой, я не уверен, что одолел бы Ольгу в поединке, — Росс двумя пальцами потёр переносицу. — Она и нападать не стала только потому, что вы её прилично шарахнули. Да и Рон расстарался. Но не стоит обольщаться: дойди до дуэли — и без жертв бы не обошлось. Причём жертвами бы стали присутствующие, а не я и не она. Во-вторых же... Ну, отдали бы мы её полиции. И что?

— Как что? — возмутилась теург. — Её же ищут!

— Кого? Жену господина Горха? Честную человечку с незапятнанной репутацией? И что мы могли бы ей предъявить?

— Но ведь наверняка есть способы, как-то определить, что она альв... — растерялась Курой. — У той же инквизиции...

— Наверняка есть, — не стал спорить Алекс. — Но для проведения экспертизы нужно время. А её бы отпустили через час после задержания. Повторяю, предъявить ей нечего.

— А то полиция ни в чём не виновных в камерах не держит!

— Но не ту, которая может оказаться племянницей консорта. Поверьте, Гиккори предпочтёт получить выговор, понижение в должности или даже увольнение влезанию в политику. Но не волнуйтесь. Теперь у тех, кто делом Ольги занимается, есть вполне реальная зацепка. Её найдут.

Почему-то заверение альва Каро не успокоило. Но она промолчала. По существу вопроса у неё возражений не имелось.

— Ладно, давай ближе к делу, — проворчал Яте. — Насколько я понял, Ольга так спряталась: прикинулась человеком и вышла замуж за Горха.

— В принципе логично, — подал голос Рон. — Среди вполне благополучных дварфов её бы искать никто не стал.

— Её там и не искали, — кивнул Алекс. — Придумано действительно неплохо. Жизнь вполне комфортная, тихая и дающая время отсидеться.

— А с чего всё завертелось-то? — не удержалась Каро.

Конечно, про то, какая леди Ольга умная, слушать интересно. Но неприятно. К тому же, про преступления любопытнее. Хотя теург и сама обо всём догадалась.

— А потом, видимо, ей захотелось действовать. Спокойная жизнь надоела. И она связалась с Василием. Но сам лорд это и отрицает, — Алекс откинулся назад, прикрыв глаза. Видимо, это дело ему успело смертельно надоест. — Об их встрече узнала жена Василия. Нервы у неё не выдержали. И женщина покончила с собой, настав на Ольгу проклятье.

Между прочим, это была не первая её попытка насолить любовнице супруга. Анна весьма неплохой маг. Была. Только Ольга всё равно сильнее.

— Она запечатала проклятье в предмете, который постоянно носила с собой, — снова не удержалась Курой. — Оставлять такое без присмотра опасно. Да, к тому же, артефакту подпитка нужна. А когда мы приходили, альва его прятала. И я поняла, почему её следов не было на кухне, в кладовках и тому подобном. Матушка господина Горха невестку до хозяйства просто не допускала. А охранные амулеты в доме отключить Ольге проблем не составляло.

— Всё верно, госпожа Курой, — кивнул Алекс. — Она перенесла проклятие на кольцо и держала его при себе.

— А чего же она следы-то от проклятья не почистила? — удивился Рон. — На ней Каро ничего не увидела. И это понятно — прикрылась. А в мастерской и дома почему не прибралась?

— Ну, этого я тебе не скажу, — Росс опять потёр переносицу. — Может, забыла. Хотя, скорее всего, просто не рассчитывала, что муж теурга наймёт. Много их в частных агентствах? Только в самых успешных. А Горх бы туда не пошёл, денег пожалел. Хотя нас он выбрал именно по рекламе, в которой говорилось, что на «След» теперь специалист работает. Но, видимо, с женой он такими подробностями не поделился. И когда госпожа Каро первый раз мастерскую осматривала, Ольга «закрылась». Но остальные следы вычищать уже поздно было. Их видели.

— А ведь верно рассчитала, — хмыкнул Мастерс. — Не будь Каро и мы бы вмиг этого... «портильщика» вычислили. На том и успокоились. Другие версии и в расчёт не брали. Засели на пару дней рядом с чанами — и привет.

— И это тоже верно, — снова кивнул, как уставший болванчик, Росс. — Просто так совпало. Ассенизатор решил... навредить Горху, а у нас в агентстве появился теург. Ладно, поехали дальше. Что у нас там? Тролльи кожи или дварф-мститель? Впрочем, это всё из одного флакона. Как я сказал, Ольге надоело сидеть тихо, ей действий захотелось. А муж развернуться мешал, понятно. Да и такое уютное и нагретое местечко терять никакого резона нет. Избавиться от супруга можно двумя способами: убить или отправить в тюрьму, а то и на плаху. Наша леди решила подстраховаться и реализовала оба плана. Натравила несчастного дварфа на бывшего друга и провернула дело со шкурами. Думаю, она бы нашла способ намекнуть полиции, что в чанах плавают что-то поинтереснее коровьих кож.

— Ну и что? Подумаешь, кожи! — встряла Каро. — Да Горх бы оправдался мгновенно. Он же эти шкуры покупает!

— Не считая того, что в доме полиция нашла ещё несколько статуэток, вырезанных из тролльих клыков, ничего, — усмехнулся Алекс. — И, между прочим, сам господин Горх большой поклонник охоты. Догадайтесь, где он обычно дичь добывает?

— Твою мать! — Мастерс дёрнулся и зашипел сквозь зубы. — Нет, ну твою ж мать! Мы самого клиента так и не допросили!

— Вот именно. И, между прочим, это абсолютно наша вина.

— Нет! — мотнула головой теург. — Это нас Семеро ведут. Все сразу. Узнай мы, что кожевник охотится — и сидеть Горху в тюрьме.

— Ну, может и так, — Росса версия теги про божественное вмешательство явно не убедила. — Что у нас остаётся? Проклятие самого заказчика? Тут всё вообще банально. Дочка поругалась с папой, папа грозит выдать дитяtko замуж. Девица в отчаянье. И тут на

помощь приходит заботливая мачеха. А, между прочим, у них были неплохие отношения, чтобы там старушка не говорила. Так вот, маменька подсовывает падчерице артефакт, амулет и описание ритуала. Как вы сами понимаете, шаманство должно было смягчить жестокое сердце отца. Кстати, это абсолютная правда. Ритуал настоящий, хоть и совсем слабенький. А пока дварфийка колдовала, Ольга спустила проклятье с цепи. Естественно, Горх в спальне тоже неслучайно оказался.

— Глупо устраивать покушение, когда мы рядом крутимся, — буркнул Яте.

— Не скажи. Во-первых, это ещё один способ избавиться от мужа, да ещё и от падчерицы. А, во-вторых, она нам дала подкреплённое железными фактами объяснение происходящего. И у неё почти получилось. На этом собственно всё. Конец.

— Не совсем, — осклабился Мастерс. — Ты забыл про премию для нашего теурга. Если б не она, то Ольга муженька к Предку точно отправила. А сама жила припеваючи.

— Согласен, — кивнул Алекс, — премию выпишу. Но я на всех сотрудников агентства, включая себя, накладываю штраф за халатное отношение к делу. Как раз в размере премии. Для госпожи Курой, поскольку это её первое расследование, штраф будет составлять половину премии.

— Ну, ты жук! — возмутился Рон.

— Это бизнес, детка! — заявил Росс, поигрывая бровями, как опереточный злодей.

— Мне даже не верится, что это всё, конец, — вздохнула Каро, подавив несколько нервный смешок.

— Не-а, — ухмыльнулся Рон. — Это только начало.

Кто бы сомневался, что злодейские мины он умеет корчить куда лучше Алекс. Вероятно, этому искусству он сам альва и обучал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Краткая справка по жителям Элизия

Альвы, Высшие, Дети Семерых

Доминирующая раса в Элизии. Уникальность этого народа заключается в том, что каждый из Семерых дал им своё дыхание, поэтому Ал. теоретически доступна любая магия. Но стоит помнить, что Дар Седьмого (все виды некромантии) запрещен законом.

После своего создания Семеро не отпустили Ал. в Нижний мир, а оставили при себе, в Небесных Сферах. Но изгнали после того, как Ал. сочли себя равными родителям и попытались восстать против их воли.

Придя в нижний мир, Ал. довольно быстро сплотили вокруг себя Детей Пятерых (дварфов, сельфид, всевозможных духов и т. д.). И сначала практически уничтожили человечество, заняв их территории, а затем обратили свою мощь против детей Седьмого. Правда, потом отношение к своим естественным, как они сами это называют, врагам было смягчено. Но истинные вампиры до сих пор находятся вне закона, тогда как немногочисленные оставшиеся люди получили гражданские права наравне с другими расами.

Несмотря на то, что Ал. весьма немногочисленны и на данный момент их популяция в Элизии составляет не более 3500 особей, они до сих пор сумели сохранить своё привилегированное положение. Императрица и её супруг-консорт являются Ал. Парламент, высшие должности в министерствах, генералитет, высший дипломатический корпус — всё это находится под контролем Ал. Только экономику (кроме должности министра финансов и высшего руководства Казначейства) они отдали на откуп дварфам.

Внешность: отличаются высоким ростом и достаточно хрупким (изящным) костяком. Обладают тонкими чертами лиц, большими глазами и общей миловидностью.

Дварфы

Дети Пятого. Соответственно, их изначальем является камень и металл. Но к магии практически не обращаются. Хотя встречаются отдельные уникальные артефакты, созданные умельцами, например, оружие или дверные замки.

Дв. непревзойдённые мастеровые и экономисты. Многие представители этой расы давно оставили дедовский промысел и занялись торговлей или финансами. Фактически эти отрасли на данный момент монополизированы ими.

Но до сих пор Дв. придерживаются (по крайней мере, внешне) кланово-родовой системы, предпочитая селиться большими семьями. Хотя реалии и на эти традиции накладывают свой отпечаток. Так в Элизии можно встретить кварталы оружейников, кузнецов или кожевников, целиком заселённые Дв., не связанными родственными узами. Но даже в таких системах строго придерживаются патриархального уклада и принципов клановости.

Внешность: невысокие, очень коренастые, обладающие прекрасно развитой мускулатурой. Из-за чего плечевой пояс часто выглядит несоразмерно большим (по

сравнению с нижними конечностями). Для Дв. характерны грубые (крестьянские) черты лиц. Хотя молодые особи часто внешне весьма привлекательны.

Крысюки

Дети Шестого. Соответственно, их изначальем является Жизнь. Антропоморфы. Считаются промежуточным звеном от людей к оборотням.

Как правило, Кр. вообще неспособны к магии (контор ауры зациклен). До сих пор ведётся немало споров, считать ли Кр. существами разумными или причислить их к полумрачным. Но поскольку именно они, наравне с людьми, занимаются в Элизии низкоквалифицированными и непопулярными работами (уборщики, дворники, ассенизаторы и т. п.), то за ними до сих пор сохраняются гражданские права.

Кр. очень многочисленны. У одной женской особи редко рождается менее 5–7 детёнышей. Но поскольку условия их жизни крайне трудны, а сами родители не уделяют должного внимания воспитанию и заботе о нуждах потомства, уровень смертности среди этого народа весьма высок.

Отличаются крайне низким интеллектом и плохо обучаются.

Внешность: рост чуть выше среднего, худые, но крайне гибкие (подвижность их суставов не может не вызывать восхищения). Часто сутулятся, поэтому создается иллюзия наличия горба. Пальцы заканчиваются ярко выраженными когтями. Голова строением напоминает крысину морду. Все тело, кроме ладоней, ступней и гениталий покрыто коротким буроватым мехом.

Теги

Дети Второго. Соответственно, их стихией является Воздух. Поэтому среди Т. так часто встречаются теурги, шаманы, проклятийники и т. д. Они неспособны овеществлять, а тем более создавать, но легко считывают энергетические потоки и могут их корректировать.

На данный момент в Элизии невозможно встретить Т., старше 29 лет. Дело в том, что 20 лет назад Восточные острова, заселённые Т., взбунтовались против существующей власти. Милостью императрицы детей моложе 9 и старше 3 лет эвакуировали. Сами же острова вместе со всем населением до сих пор находятся в строжайшей изоляции. То, что к бунтовщикам было применено Первое Солнце (заклинание полного уничтожения реальной материи) является слухами, направленными на подрыв государственного строя.

Но вследствие сложившейся ситуации, Т., проживающие в Элизии, утратили свою самобытность и какую-либо значимость.

Внешность: рост ниже среднего, худощавое телосложения. Имеют желтоватый оттенок кожи. Характерной чертой являются раскосые глаза с тяжёлым верхним веком (отсюда впечатление «ускоглазостости») и тёмные волосы. У многих Т. можно наблюдать атавизм — слегка удлинённые и заострённые клыки, так как их предки были ярко выраженными хищниками.

Примечания

См. «Краткий справочник».

См. «Краткий справочник».

Теургия — магическая практика, воздействующая на богов с целью получения от них помощи, знаний или материальных благ. Теургия осуществляется с помощью комплекса ритуальных действий и амулетов.

См. «Краткий справочник».

См. «Краткий справочник».

Райкинг даймон (элиз.) — сраный демон.

Ритуальная фраза тегов, просьба о прощении.

Агорафобия — боязнь открытых пространств.

Ландо — открытый одно- или двухместный экипаж.

Десегрегация — отмена, устранение сегрегации, ликвидация законодательства, разделяющего население по расовому признаку.

Биться (крим.) — играть в карты.

Зары (крим.) — кости, игральные кубики.

Двигать (крим.) — проигратся и не отдать долг.

Заманка (крим.) — игра в карты, в которую втягивают жертву, давая ей возможность вначале выиграть.

Оксюморон — стилистическая фигура или стилистическая ошибка. Сочетание слов с противоположным значением.

Трансфузия — переливание крови.

Диффузия — взаимное проникновение атомов или молекул одного вещества между молекулами или атомами другого.

Эффузия — медленное истечение газов через малые отверстия.

Аллюзия — стилистическая фигура, содержащая указание, аналогию или намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи.

Фраппировать — неприятно поражать, удивлять, ошеломлять.

Мездра — слой подкожной клетчатки. Грубо говоря, обратная сторона невыделанной шкуры.

Ирвелы (тег. миф.) — мелкие злобные подводные жители. Духи несчастий и неудачи.

Онэ (тег. миф.) — демоны, прислужники Седьмого.

Существует поверье, что боящиеся щекотки, отличаются ревнивостью.

Денщик — солдат, состоящий при офицере или чиновнике в качестве личной прислуги. Иногда исполняющий функции секретаря и помощника.